

В этом номере

ISSN № 0130-7045

К. ИКРАМОВ

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПОЛИТРУКА

А. БАБИЙЧУК,
первый секретарь Львовского
обкома ЛКСМ Украины

ГРАЖДАНСКАЯ ЗРЕЛОСТЬ МОЛОДЫХ

М. МЧЕДЛОВ

ПОЛИТИКА И РЕЛИГИЯ

Вл. ГАКОВ

АРГОНАВТЫ XX века

НАУКА И РЕЛИГИЯ

С. ГАЛАЕВА

ХРАМ ВАСИЛИЯ БЛАЖЕННОГО

Б. ЯРАНЦЕВ

ИНСПЕКЦИЯ ротмистра ГЛИНСКОГО Главы из романа

О. ВОВК

С КРЕСТОМ И ТРЕЗУБЦЕМ

1 • 1985

«Руно-84».

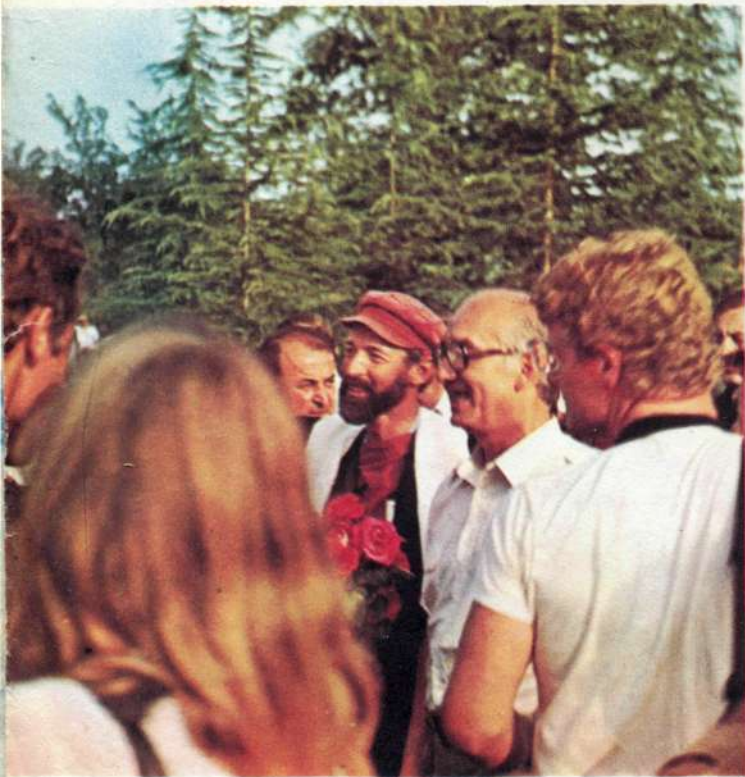
Стоянка на Риони.

«Наконец-то мы в Колхиде!»

Фото В. Б а б е н к о.

«Арго» у потийского причала.

С НОВЫМ ГОДОМ, ДРУЗЬЯ!

Взяв старт, 1985 год начал отсчитывать свои стремительные часы, дни, недели. А забот и дел у него много. Это год особый. Он завершает одиннадцатую пятилетку и закладывает фундамент для начала успешного выполнения следующего пятилетнего плана развития народного хозяйства нашей страны. «Мы вплотную подошли к рубежам, которые в определенном смысле будут иметь переломный характер,— сказал на Всесоюзном совещании народных контролеров Генеральный секретарь ЦК КПСС, Председатель Президиума Верховного Совета СССР товарищ К. У. Черненко.— Речь идет о качественных сдвигах, подготовленных всем ходом нашего развития, огромной творческой работой партии и народа, развернутой на основе решений XXVI съезда КПСС, последующих Пленумов ЦК... Нам предстоит принять большие решения, утвердить большие планы».

1985 год — это подготовка к XXVII съезду КПСС, работа Центрального Комитета партии над новой редакцией партийной Программы. Это разработка долгосрочных планов экономического, социального, духовного развития страны.

1985 год — это сороковая годовщина всемирно-исторической Победы советского народа в Великой Отечественной войне, беспримерного подвига советских людей, дань памяти тех, кто героически сражался не только за независимость нашей Родины, но и за будущий мир и безопасность всех народов.

В 1985 году Москва вновь, через четверть века, соберет у себя посланцев всей планеты на XII Всемирный фестиваль молодежи и студентов. Его девиз — «За антиимпериалистическую солидарность, мир и дружбу!» Его символ — мир на всей планете.

Наступает трудовой, творческий год — год осуществления реформы общеобразовательной и профессиональной школы, выполнения Продовольственной, Энергетической программ. У него будут свои трудности и свои взлеты, свои достижения и потери, свои озарения и печали. Все, чем богата неповторимая земная жизнь человека.

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
АТЕИСТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ
ОРДЕНА ЛЕНИНА
ВСЕСОЮЗНОГО ОБЩЕСТВА
«ЗНАНИЕ»

Издается с сентября 1959 года

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

И. Ш. АЛИСКЕРОВ,
А. В. БЕЛОВ,
В. И. ГАРАДЖА,
М. М. ДАНИЛОВА,
И. И. ЖЕРНЕВСКАЯ
(ответственный секретарь),
А. С. ИВАНОВ,
Н. А. КОВАЛЬСКИЙ,
Э. И. ЛИСАВЦЕВ,
Б. М. МАРЬЯНОВ
(зам. главного редактора),
В. П. МАСЛИН,
С. И. НИКИШОВ,
М. П. НОВИКОВ,
И. К. ПАНТИН,
И. Д. ПАНЦХАВА,
В. Е. РОЖНОВ,
В. В. ШЕВЕЛЕВ.

Художественный редактор
С. И. Мартемьянова.
Технический редактор
Ю. А. Севастьянова.
Корректор
Г. Л. Кокесова.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»

© Журнал
«Наука и религия», 1985.

На второй странице обложки: иллюстрации к статье Вл. Гакова «Зачем они плыли в Колхиду».

На третьей странице обложки: храм Василия Блаженного — филиал Государственного Исторического музея. Статья о нем на с. 29. Фото Ларисы Мещлер.

40 ЛЕТ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ
2 К. Икрамов. Портрет друга во времени и пространстве
7 А. Чатинян. Люди приносят цветы...

ПРАКТИКА: ОПЫТ, ПРОБЛЕМЫ
10 А. Бабийчук. Молодежи — идейную закалку
14 Э. Комиссарова. Общее дело
14 К. Байбосынов. За что платили два дирхема
17 П. Лобазов, И. Батюк. Научный атеизм — задачи преподавания
18 А. Федоров. За дверью звездного зала

ДУХОВНЫЙ МИР ЧЕЛОВЕКА
20 Е. Брускова. Гости по воскресеньям

УНИВЕРСИТЕТ ЛЕКТОРА
24 М. Мчедлов. Религия и политика: традиции и современность

РЕЛИГИЯ, ЦЕРКОВЬ, ВЕРУЮЩИЙ
29 С. Галаева. «Не видывал ничего ей подобного»

ФИЛОСОФСКИЕ ЧТЕНИЯ
33 Н. Мавлевич. Спор о человеческой природе

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ
37 Вл. Гаков. Зачем они плыли в Колхиду

«БОЖЕСТВЕННЫЕ» БОЛЕЗНИ:
ПРАВДА И ВЫМЫСЕЛ
43 К. Токаревич, Т. Грекова. За-морская гостья

ЛИТЕРАТУРА, ИСКУССТВО
45 Б. Яранцев. Инспекция ротмистра Глинского
55 Я. Садовский. Крест у дороги

В СТРАНАХ СОЦИАЛИЗМА
58 Ф. Вашечка. В условиях передового общественного строя

ЗА РУБЕЖОМ
60 О. Вовк. Орудие поджигателей войны
63 М. Клынов. Буддисты — за мир

★ На XXVI съезде КПСС.
Маршал Н. Х. Баграмян и
Х. Латыпов.

★ Недавно в семейном архиве
у дальней родни нашлась
одна из ранних
фотографий Латыпова,
о которой он и не помнил.
Это, видно, 1941 год,
Семипалатинск.
Местные ретушеры
потрудились над
оригиналом, но ведь
и ретушеры эти, делавшие
для родных из крохотных
фотокарточек большие
красивые портреты, —
тоже часть того
времени, веха нашей
памяти, нашей истории.

ПОРТРЕТ ДРУГА

ВО ВРЕМЕНИ И ПРОСТРАНСТВЕ

Камил ИКРАМОВ

★ **ВСЕ МЕНЬШЕ** остается людей, помнящих довоенные годы с их радостями и трудностями, с их таким не похожим на наш бытом, с теперь уже трудно объяснимыми подробностями и деталями.

В Ташкенте, Самарканде, Коканде и Фергане на углах главных улиц и в скверах стояли фотографы-частники с деревянными камерами на громоздких штативах, с огромными черными покрывалами, под которыми они таинственно копошились, колдовали. Снимки делали моментально, а сохранились они в семьях до сих пор. Наши дети и внуки рассматривают их с любопытством и порой спрашивают: «Это дедушка на коне?» Есть какое-то недоверие в интонации, и оно, это недоверие, обособленно.

Уличные фотографы имели для желающих грубо намалеванные полотна с самыми привлекательными сюжетами. Можно было сняться верхом на лошади в папахе и бурке — следовало только всунуть голову в предусмотренное для этого отверстие. Можно было запечатлеть себя на фоне бушующего моря. Как Пушкин в Гурзуфе. Смешно? Но и мило. Сам не знаю, почему это так мило мне, но, увидев сегодня такую фотографию, всматриваюсь в нее пристально, будто надеюсь угадать, что там, за этими клевыми кущами и горами, за сто крат повторенным «девятым валом».

В семье Латыповых довоенных снимков нет. Жили они в кишлаке Джуйлангар на том краю Голодной степи, что примыкает к диким горам. На сотню километров ни одного фотографа, да если б фотограф и нашлся, то в самой бедной из тогдашних небогатых кишлачных семей на такое опасное излечение, как фотография, никто бы не пошел. Грех запечатления человеческого облика веками пугал людей мусульманского Востока. Страх этот обростал суевериями, а семья Латыповых была не только бедной, но и весьма религиозной. Известно, как часто бедность и бедственность заставляют людей уповать на бога. Так или иначе, но у Латыповых довоенных фотографий

нет. Впрочем, сам Худояр Латыпов, может, и снимался для документов, когда поступал в педагогический техникум, но вряд ли. А вообще-то на моментальных снимках лица получались не так и плохо, только вот о втором плане и речи быть не могло, не хватало глубины резкости. Глубина резкости — термин технический, им определяется качество объективов, способность запечатлеть второй, третий и самый дальний план. Чаще всего и очерк — моментальная фотография, важен общий рисунок на сегодня, до глубины времени дело доходит редко. А жаль!

Плохо, когда не видно заднего плана, но куда хуже, если он дорисован по стандарту, один для всех. Как у тех фотографов. Чужая папах, чужой конь, чужое море и все — клеевой краской.

Письма с фронта — святая святых! Счастлива семья, которая дождалась того, кто писал эти письма.

Марат, младший сын бывшего заместителя политрука Худояра Латыпова, получил свое имя не по созвучию или писарской путанице с исконными узбекскими Муратом или Муратали. Он назван в честь исторического Жана Поля Марата, так решил отец.

Мы сидим за столом, и Марат помогает мне разобрать ветхие листки писем и документов.

«Боевой счет» Худояра Латыпова. «Разрушил четыре дзота, убил одного немца». «Разрушил девять дзотов, один наблюдательный пункт». «Разрушил четыре дзота, две огневые точки». «Уничтожил пулемет и двух фашистов». Подписи, печать 25-го гвардейского воздушно-десантного стрелкового полка, где служил заместителем политрука, а еще и старшиной, командиром орудия Худояр Латыпов.

Сначала Худояр попал в 99-ю национальную бригаду. Формировались недалеко от дома, родные навещали, писать письма нужды не было. Первые «треугольники» начали приходить из Семипалатинска, потом из-под Москвы. Иногда он писал письма в стихах. Как-то само получилось, хотя поэтом себя никогда не считал. Любил стихи, знал наизусть тысячи старинных бейтов, а сочинял для себя и читал прежде лишь самым близким.

В армии у стихов впервые появились слушатели — кишлачные узбеки и таджики, для которых заместитель политрука превращал в поэтические строки самые важные новости, самые главные лозунги.

«Смерть фашизму — это конец войне», — так в переводе с узбекского звучит одна из строк агитстихов Латыпова. Удивительно просто объединил он суть войны и мечту

каждого воина. Таких строк у Латыпова много.

— Вы это искали? — Марат протягивает мне листок.

«Прощание». Здесь многие слова в переводе не нуждаются, а вот и четыре строки, где реалии важнее слов. От них щемит сердце.

Ботинка-ла кук обмотка,
Бошимизда зар пилотка,
Кигиз шинель, мовут погон,
Бир ер бурсак кизил вагон.

Вчитайтесь, и вам не понадобится словарь, чтобы догадаться, что ботинки были с зелеными обмотками, что шинель суконная, что погоны яркие и что погрузились солдаты именно в красные вагоны.

А вот письмо и стихи из только что освобожденного Калининграда. И в стихах и в прозаических строках — сожженные дома, убитые солдаты, вокзал, от которого остались одни стены, но уже идут эшелоны, а он, Худояр Латыпов, со своей батареей шагает вперед. И слышится мне в его стихах ритм того движения. Не строевой шаг, а что-то более важное, более общее, даже всеобщее.

Стихотворение «До свиданья, Узбекистан» датировано февралем сорок третьего, когда 25-й гвардейский воздушно-десантный полк был уже в составе Ленинградского фронта, шел к Новгороду. Озеро Ильмень. Может, оно, заснеженное и бескрайнее, простреливаемое фашистами и зияющее полыньями, навело на мысль о родном Джуйлангаре, о горных лесах, где на воле растут дикие яблони, груши и алыча, где так много ореховых рощ, где никем не пуганные поют птицы, а именно теперь все готовится к весне, и, наверное, уже зацветает фиолетовым цветом миндальное дерево. Об этом стихи прощания. И еще о том, что ваш сын Худояр вернется, обязательно вернется, вернется с победой.

Стихи могут о многом поведать, но не обо всем. Как-то рассказал он мне об одном привале на долгом военном пути в лесах и болотах.

— Нам предстояло выбить фашистов из большого железнодорожного узла, без этого нельзя было наладить снабжение. Мы понимали это, но когда больше двух недель нет ни кухни, ни хлеба, то желудок не слушается головы. Однажды мы правдами и неправдами раздобыли немножко овсяных отрубей и сварили их в котелке. Ни соли, ни масла у нас, конечно, не было, приправили кашу трофейным душистым перцем. Весь расчет уселся с ложками вокруг котелка, но есть это варено было почти невозможно, ложки двигались все медленнее. И вдруг один парень, крупный, широкоплечий, стал биться головой о ствол березы, возле которой сидел. Это была настоящая истерика. «Аллах наказал меня, Аллах наказал! Я пинал ногой казан с пловом, который подавала мама, если он мне не нравился. Эта каша с перцем — наказание мне», — причитал он. Мне стало стыдно за него. «Послушай, — сказал я, — ты что такое говоришь! Ты плов ногой

отпихивал — да, тебя за это следует наказать. Ну, а за что твой Аллах наказал отрубями весь наш расчет, всю батарею, весь полк! Я тогда еще раз убедился, что в основе такой веры, таких отношений с богом — одно лишь самомнение, эгоизм. Как и все мои сверстники, односельчане, я с детства верил в бога. Да и как было не верить, я ведь был посвящен святому, а значит — самому Аллаху, до самой школы ходил с заплетенной на макушке косичкой...

Я видел в Узбекистане в кишлаках таких мальчишек с косичками на макушке, но никак не мог представить, что Худояр Латыпов тоже был когда-то посвящен святому.

— Да-да, мне было в детстве предназначено всю жизнь посвятить религии, а я, вот видите, совсем не по той дороге пошел. Родители меня еще совсем маленьким повезли на мазар Занги-ата, боясь, что я умру, как умирали их дети, родившиеся до меня. Они молились, принесли жертву и пообещали, что если буду жить, моя жизнь — в распоряжении святого, то есть шейхов, служивших на мазаре. Конечно, я верил в Аллаха, но уже в школе у меня стали возникать сомнения. В школе тогда немало уделяли внимания атеистическому воспитанию, а отрицательных примеров из жизни мулл и мшанов вокруг было множество. И я часто думал, что есть прямая связь между богом и его служителями.

Тут я совершенно согласен с Латыповым, убежден, что по носителям идеи, пусть с какими-то поправками, можно судить и о самой идее.

Но об этом привале Худояр не написал домой, припомнился он ему лишь в недавней беседе со мной. А тогда, в лесах и болотах Новгородчины не размышлял он о боге, а верил только в свой долг перед Родиной, перед родными и близкими, верил и надеялся. Почти в каждом его письме с фронта есть строка: «Смерть фашизму — конец войне!». И в каждом — обещание встречи.

«Молодость — рай жизни, до встречи, мама и отец, до встречи, сестренка Ойниса, до свиданья, и друзья мои, и мой край, сады и поля, горы и степь. Если еще раз увижу вас, то без сожаления, без горя готов навсегда с вами проститься». Была в том треугольнике и фотография, такая же, как и на первом партбилете, который именно в тот день предстояло получить. А в приписке для сестренки сказано: «Стихи мои сохраняй, положи в мою тумбочку, читай молодым, если я не вернусь. Если будут спрашивать, кто написал, покажи мою фотографию». Дата — 13 марта 1943 года.

Это был длинный день. Утром возле деревни Рита хоронили убитых. Их было много, очень много. Худояр вначале и не заметил, как подъехала машина, из которой вышли два военачальника. Одного он узнал. Это был Климент Ефремович Ворошилов, другого видел впервые — это был коман-

дующий Ленинградским фронтом Леонид Александрович Говоров...

Пришло пополнение, и заместитель политрука вновь был среди новичков. На двух языках толковал с ними, читал и переводил газету, знакомил с последней сводкой Совинформбюро. А вечером в блиндаже, который только в тот день и построили, заместителя политрука по комсомолу Худояра Латыпова приняли в партию. Он ждал этого часа, знал, что прием приурочен к большому наступательному броску, думал о завтрашнем дне, о предстоящем форсировании реки Ловать. Был ему тогда 21 год.

Я еще раз посмотрел боевой счет Латыпова. Семнадцать дзотов, две огневые точки, пулемет. Это только ученное, занесенное в документ.

Конечно, и из сегодняшнего дня все это можно себе представить. Зима и ранняя весна сорок третьего, середина войны, пейзаж северо-западной исконной России. Можно представить... Ведь не только многие нынешние взрослые, не видевшие войну, но и нынешние дети отлично знают все благодаря кино и телевидению; радио, книгам. В каком-то общем виде мне тоже легко представить и не так уж трудно написать, как худенький черноглазый узбек поднял отделение в атаку за город Калинин, как потом, перейдя в наступление, командовал орудием, как выводил его для стрельбы прямой наводкой. Не сохранились те боевые листки, которые регулярно выпускал для узбеков и таджиков заместитель политрука, но и их можно увидеть из сегодняшнего дня. Можно, да только всего не увидишь и все увидишь не так.

Я, например, не воевал, я только из литературы и кино знаю, что дзот разрушить непросто, что именно в феврале того же года погиб Александр Матросов, потому что амбразура дзота изрыгала смерть. Эх, если б артиллерия смогла подавить тот дзот, эх, если бы... В то самое время, когда Худояр Латыпов стрелял из своей пушки, я делал снаряды, мне было пятнадцать, и все мы, ученики ремесленного училища при большом, как тогда говорили, оборонном заводе, стояли у станков наравне со взрослыми. Мне хочется думать, что именно наши снаряды пополняли запасы его батареи.

Писатель Владимир Тендряков, воевавший под Сталинградом и Харьковом, рассказал мне случай, на мой взгляд, весьма поучительный. По одному из его военных рассказов снимался фильм. Режиссер старался быть точным во всех деталях и подробностях. Вся тогдашняя одежда, все предметы быта, все оружие были воспроизведены скрупулезно, но ког-

да автор сценария смотрел на студии отснятый материал, он вдруг увидел, что кадры будущего фильма чем-то неувловимо отличаются от того, что должно быть показано. Что-то совсем не так. Он несколько раз просматривал кадры, вглядывался в изображения, но сразу не смог понять, в чем дело. Понимание пришло позже. «Мы, солдаты этого времени, были много меньше ростом, чем нынешние актеры, играющие солдат. Не так выглядели мы у орудий, не так висели на нас автоматы, и двигались мы не так».

Я привел этот случай, чтобы еще раз отметить: далеко не все, что сохраняет наша память, мы можем воспроизвести и передать следующим поколениям. Память остается памятью, она свята. А долг потомков даже за короткой строкой, за моментальной фотографией стараться увидеть ту жизнь, которой они обязаны жизнью собственной.

...Мы пронеслись по мосту. Гор не было видно. Голодная степь тут гладкая, как стол, но если долго ехать с большой скоростью, начинает казаться, что она слегка выпуклая — ровно настолько, чтобы наша планета в конце концов могла принять форму шара. Шоссе похоже на взлетную полосу, по обе стороны до горизонта — хлопок, хлопок, хлопок... Еще вчера в Наманганской области я ехал по улице, которая тянется на сорок километров. Как говорят, кошка может пройти от города до города по крышам домов, ни разу не сойдя на землю. А здесь все иначе. Нет древних мазаров с лазурными куполами, поросшими зеленой травой, нет величественных минаретов, на которых аисты столетиями вьют гнезда. Железный Хромец — Тимур не строил здесь дворцов и усыпальниц, мудрый Улугбек — медресе и обсерваторий.

Это совсем новая земля. И проблемы здесь тоже новые.

С широкой асфальтовой дороги свернули на другую, почти такую же широкую, и въехали на территорию совхозного поселка. По существу, это современный благоустроенный городок. Двухэтажные дома — одинаково новые, типовые, но уже обжитые. Училище механизации, детский санаторий, баня, прачечная с высокой трубой, школа, краснокирпичное здание конторы, над входом — портрет моего отца.

Отец молоденький, в косоворотке. Я его таким никогда не видел. Это задолго до моего рождения. Скорее всего, 1921 год. Делегат XI Всероссийской конференции РКП(б) Акмаль Икрамов.

— Портрет не очень хороший, — сказал крепко сбитый человек с очень

смуглым лицом. — Это с почтовой марки рисовали. Потом лучше сделаем.

Кажется, это первые слова, которые я от него услышал. Представился чуть позже:

— Латыпов. Директор совхоза имени вашего отца.

Так мы познакомились. Поражало в этом человеке многое: он экономист, разработавший систему безрядной организации и оплаты труда в хлопководстве и защитивший на эту тему диссертацию; он — автор нескольких приспособлений для уничтожения сорняков; интересные мысли он высказывал тогда и о жилищном строительстве, о школьном образовании и трудовом воспитании...

В тот первый период знакомства у нас не было разговора о военном прошлом, не говорили мы об этом и после, когда Латыпова перевели директором в другой совхоз, который он поднимал и вывел в число передовых в республике. Видел я Латыпова и в момент триумфа, и в дни тревог и огорчений, которых ни один настоящий хозяйственник не минует.

...Летом 1975 года первый секретарь Новгородского обкома партии Николай Афанасьевич Антонов вручил Худояру Латыпову удостоверение почетного гражданина Новгорода и памятную медаль.

Я узнал об этом из газет. Худоярка в ответ на мои расспросы вытащил папку с документами и старыми письмами.

— Вы были заместителем политрука?

— Я всю жизнь на этой должности себя числю. Считаю, я — вечный замполит и навечно старшина. Нет для меня важнее дня, чем 13 марта сорок третьего, и нет для меня дороже награды, чем медаль «За отвагу», которая шла ко мне тридцать лет из того времени, когда мы переправились через реку Ловать и громили фашистов. Вот, Камильджан, тут все документы. И тетрадь эту внимательно смотрите, все тут правда, это я для детей и внуков писал. Если не все будет понятно, Марат поможет разобраться.

— А ездили вы в те места, где сражались?

— Собираюсь, да никак не хватает времени. Вот, думаю, на тот год... Это уже сколько лет думаю. Давайте вместе съездим.

— Я недавно был там, Худояр-ака. Если бы знал, что вы на этой земле пролили свою кровь...

Вот несколько абзацев из тетради, которую «вечный замполит» Худояр Латыпов решил оставить своим близким:

«...В четыре часа ночи артподготовку

начали «катюши». Снаряды летели над нами, а там, куда они попадали, все горело — и земля, и небо, и все, что на земле. Потом включилась дальнобойная, а в шесть утра нам дали команду наступать, перейти через Ловать, она больше, чем Сырдарья.

...Я командовал противотанковым орудием, семь человек и четыре лошади. Наступали мы по всему фронту, но я видел только реку подо льдом, по этому льду шли тысячи людей и лошадей. Шли и шли вперед. Вдруг в небе появились фашистские самолеты. Они бомбили реку, и все, что было на ней, — все пошло под лед. Вода стала красной. Просто красной от крови.

Снег, метель, огонь взрывов, и когда наша батарея вышла на берег, то казалось, что и земля качается и ломается, как лед на реке. Фашисты к этому времени уже поняли, что надо закапываться. Они били из своих дзотов, их пулеметы, минометы, пушки били по нам.

★ В один из недавних приездов в Москву.
Фото В. Пискунова.

Наш политрук командовал батареей вместо раненого командира, а мои комсомольцы все оказались ребятами крепкими. Мы закрепились на берегу, вели огонь, и впереди было не так страшно, как на реке за нашими спинами.

...Лошади кричали больше людей. А в воздухе начался бой, подоспели наши истребители. Горящие фашистские стервятники падали в черном дыму, а лошади кричали страшно, и вода становилась все красней... Из всех боев, где я участвовал, от Москвы до Новгорода, не видел я такого ужаса.

Немцы отступили. Мы заняли железнодорожный узел Козлово-Кудрино и пошли дальше. Мы спешили вперед, и вдруг раздались выстрелы, один наш товарищ упал. Я пополз к доту, оттуда стреляли.

Вижу — два немца, дал очередь, один немец упал, а другой... ему лет семнадцать, стоит, дрожит. Я на него посмотрел: совсем молодой, наверно, ни разу еще не брился. Мы его взяли в плен. Он даже не солдат, мальчик, не знает, за что воюет...

На берегах Ловати погибли многие тысячи. И русский, и немец — все мертвые лежали вместе...

Ранили меня 18 апреля на поле, откуда был виден Новгород, осколки падали в правую ногу и левую руку. Лечили в полевом госпитале, потом в Люберцах под Москвой и в городе Кирове.

— Марат, — спросил я, — почему я ни разу не видел папу с орденами и медалями? Сколько их у него?

— Я сам один или два раза видел, — ответил сын. — Орденов пять, медалей больше десяти. Он и планки не носит. Такой человек.

В Узбекистане его знают хорошо, один из руководителей республики сказал о нем коротко:

— Людям верит, хлопок знает.

— Своевольный, — неодобрительно отозвался человек, который прежде был начальником Латыпова. — Кому хочешь может возразить, дисциплину не понимает. Десять выговоров или, может быть, девять, но будет десять. За перерасход фонда заработной платы. В год по совхозу то пятьсот, а то и восемьсот тысяч.

Последний раз нечто подобное о своем старом знакомом услышал я примерно за полгода до XXVI съезда КПСС и потому очень обрадовался, когда в дни напряженной его работы в моей московской квартире зазвонил телефон. Я сразу узнал голос:

— Камильджан! Вот приехал.

За нарушения дисциплины на партийный съезд не выбирают, напутал тот товарищ, напрасно намекал на возможные оргвыводы.

Но вот то, что бывший замполитрука и сейчас на линии огня, это точно. Линия огня, линия атаки и сегодня требует смелости и стойкости. Партийную ответственность за свое дело Латыпов понимает прежде всего как ответственность за людей, с которыми он это дело ведет, за тот самый дух войска, без которого никакая победа немислима.

Мы встретились в гостинице «Россия». Латыпов говорил о своем совхозе так, будто я только что оттуда, сыпал выкладками, цифрами сравнительного анализа, соображениями о рентабельности, а я любовался энергией директора, его оптимизмом. Казалось, он вовсе не постарел с тех пор, как мы познакомились.

— Летом, я слышал, у вас неприятности были?

Узнав, что я имею в виду, он рассердился. Рассердился, а не огорчился.

— Каждый год ревизия, каждый

год выговор, а в конце каждого года после уборочной — премия и благодарность. Надо же им разобраться в конце концов, как вы думаете?

Суть вот в чем: лет пятнадцать назад первым в республике Латыпов решительно перевел все бригады и звенья совхоза на безнарядную систему, аккордно-премиальную оплату.

— Самое главное, — доказывал он и до сих пор не устает доказывать всем, — нет при такой системе обмана, покончено с приписками. Коллективизм получается, товарищество получается. Нету а звене начальника и нету исполнителей, нет теперь и едоков-бездельников. Понимаете? Вот посмотрите по документам, смешно: раньше поливов вдвое больше было, культиваций вдвое больше и ручную катменную обработку делали, а урожай получался меньше. Почему? Потому что все это лишнее делали на бумаге. А как иначе объяснить? Вот еще скажу — раньше у меня очередь стояла: «Дай новый трактор», «Дай удобрений побольше», «Добавь семян»... Горючее брали — половину на землю лили. Теперь я говорю: «Возьми трактор», — а он мне говорит: «Не надо». Понимает, амортизация машины ему в минус пойдет. По горючему экономия, по удобрениям, по семенам — тоже, а урожай растет! Потому что коллективизм, товарищество, друг перед другом в бригаде стыдно плохо работать, себя уважают и общество.

Фонд зарплаты растет, говорят, — стоит на своем Латыпов, — а про то, что прибыль при этом увеличивается в четыре раза, не говорят, про то, что тонна хлопка обходится хозяйству вдвое дешевле, забывают.

Его очень смуглое и чуть асимметричное лицо самой природой создано для выражения сарказма. Но черные глаза смеются по-доброму. Я представил себе, как непросто было спорить с Латыповым, когда он по своему разумению и вопреки тогдашним установкам то боролся с квадратно-гнездовым методом, то менял норму высева и густоту стояния растений... С ним всегда было и будет трудно, но это смогут оценить те, кто печется о деле, а не о собственном авторитете.

— Худояр-ака, а что было самое тяжелое в вашей биографии? Ведь было? На войне?

Он долго молчит.

— Зачем тебе? — за все знакомство впервые сказал «ты».

— Сам не знаю. Просто задумался, откуда в вас столько жизненной силы.

Ответил после нового молчания.

— С фронта вернулся по ранению в августе сорок третьего. Возвратился и думал, что все страшное позади. Не

увидю больше городов, где нет домов, сожженных деревьев, не услышу, как кричат лошади, уходящие под лед, не буду больше хоронить тех, с кем ел из одного котелка. Думал, что не будет никогда, даже во сне не увижу. Так буду работать, чтобы и сны никакие не снились. Приехал в Голодную степь, в родной Джуйлангар. Герой! Сразу избрали меня председателем сельсовета...

Сколько песен сложено про возвращение героя-фронтовика, но тут было еще страшней, чем в знаменитом стихотворении М. Исаковского «Враги сожгли родную хату».

Перед самым приездом Худояра скончался отец. А когда приехал фронтовик домой, на его руках в одну неделю умерли сестренка Ойниса, которой он писал стихи, и мать. Сначала думали, что это от голода, потом смерть пошла косить всех подряд, в день умирали 15—20 человек.

— Самые знаменитые ишаны и муллы съехались к нам, чтобы молитвами и жертвами отвести беду. Все вокруг только и говорили, что Аллах наслал мор, карает, мол, за какие-то ему одному ведомые грехи. Вот никак в толк не возьму, как можно почитать такого бога. А эти муллы и ишаны не столько молились о спасении живых, сколько старались запеть к каждому умершему, чтобы заработать на обязательном чтении Корана. Вы знаете, верующие без чтения Корана не могут предать земле покойника, а я — председатель сельсовета — не могу провести похороны без согласия близких. Но служители Аллаха не хотели читать джаназу там, где им не могли хорошо заплатить. Не шли, и все тут! Люди плачут, умоляют, последнее отдают, а они вычисляют, что невыгодно. И хоть бы одного покарал Аллах!

В историю медицины трагедия родного кишлака Латыпова вошла как джуйлангарский энцефалит. Вначале казалось, что это какая-то неведомая доселе инфекция. Со всего Союза съехались лучшие эпидемиологи, искали ее источник.

— Травка у нас растет, кампыр-чакпан называется, листочки зеленые, красивые, семена черненькие. Травка эта злосчастная среди пшеницы попадалась, сорняк. Чистое зерно тогда все сдавали для фронта, а местные жители лепешки пекли из того, что на току оставалось, на ручных мельницах мололи, и те черные семечки попадались. Кто знал, что это яд? Ученые и то не сразу поняли. У этого яда странное действие, поэтому вначале и думали — эпидемия. Я председатель сельсовета, 580 хозяйств. Своими руками хоронил каждого умершего.

Про эту смертельную травку

услышал я от Латыпова тогда впервые, через 38 лет после трагедии.

...Гостиница «Россия» гудела веселыми голосами, в коридорах и холлах говорили, казалось, на всех языках мира, музыка неслась мажорная. Но прошлое жило вокруг, стояло получше взглядеться.

— Вот этими руками,— говорит он.— Родственники, земляки мои.

Я смотрю на его тяжелые руки потомственного земледельца и понимаю, что не смогу по-настоящему представить себе все, что было. Не могу и не смогу, потому что никогда не видел той мертвой Голодной степи, а перед глазами только нынешняя, которую я изъездил вдоль и поперек. Великолепные совхозные поселки с домами, увитыми виноградом, с полями спящего глаз белого хлопка.

Не знаю, замечал ли кто одну особенность фотографий, которая мне порой бросается в глаза. Может, это субъективное мое восприятие? Фотография не столько воспроизводит события, сколько дает толчок для воспоминаний и личных ассоциаций. Как ни интересно смотреть старые альбомы и школьные групповые снимки, мысль влечет куда-то в сторону от изображения, хочется увидеть то, что за пределами кадра— во времени и пространстве, что было прежде, что стало потом. Вот передо мной целая пачка фотографий из совхоза имени Ворошилова.

Акалтынский район вырос на пустом месте в Голодной степи, на безжизненном пространстве земли, которая отныне и навсегда подарена человечеству. А Худояр Латыпов из тех, у кого щедрое сердце и крепкие руки. Это и его дар. Он думает о будущем, потому что в нем всегда живо прошлое.

А тогда в гостинице «Россия» Худояр-ака читал мне по-узбекски свои простые стихи о войне, детстве, о родных краях, вновь о войне, о победе, о том, что смерть фашизму— конец войне. А потом опять говорил о совхозных делах.

— Сейчас серьезно занимаемся благоустройством поселка и развитием подсобных хозяйств.

Знаю, что серьезно занимаются. Некогда унылый поселок стал похож на парк. А вокруг каждого из двадцати семи полевых станков совхоза по гектару сада, 27 гектаров винограда, абрикосов, черешни, груш, айвы.

Сегодня Худояр-ака у меня в гостях проездом в санаторий. Прошлый год совхоз завершил отлично, к новому сезону готов.

— Хлопкороб должен ждать весну, как кошка ждет мышку.— Глазами он показывает, как ждать, и смеется.— Люди имеют право жить хорошо. Они заслужили.

ЛЮДИ ПРИНОСЯТ ЦВЕТЫ...

★ Я не видел ужасов войны, это мое счастье, счастье моего поколения. Фронтовые события стали мне известны позже, когда я начал ходить в кино, читать книги. Мне довелось стать очевидцем другого периода— послевоенного. Многие мои старшие земляки не вернулись с войны. А сколько было черных платков... Вдовы, выплакав все слезы, еще долго носили траур по мужьям, сыновьям. Некоторые шли в церковь, надеясь на чудо, которое вернет им близких.

И сейчас, хотя 40 лет прошло, люди приносят свежие цветы к памятникам Великой Отечественной, склоняют головы, стоят в молчании, думая о своем горе, о величии подвига павших, о высоком смысле человеческой жизни, об истинном бессмертии.

Анушаван
ЧАТИНЯН

СТАРАЯ НАДПИСЬ

По зимней улице, в пешеходной сутолоке шла пожилая женщина с большим букетом алых роз. Шла, опираясь на палку, медленно переставляя больные ноги, изредка останавливаясь, чтобы отдышаться. Миновав почту, перешла на другую сторону, к подъезду старого дома.

По улице пронеслись автомобили. Из кинотеатра выходили зрители, толпились на остановке троллейбуса. Громко разговаривая, прошли возвращающиеся с новогодней елки детишки, каждый нес подарок от Деда-Мороза. Женщина с букетом все еще стояла у подъезда

Рисунки
Л. Ионовой.

старого дома. Поблекшие глаза ее смотрели мимо людей, мимо хлопающих дверьми троллейбусов, мимо большого серого здания с застывшими на карнизе и водосточных трубах сосульками.

Недалеко, на Петропавловке, прогремел орудийный залп, оповещающая горожан о том, что время — полдень.

Женщина подошла к краю тротуара и бережно положила на снег алые розы. Немного постояв, стала переходить улицу.

— Бабушка! Бабушка! Вы забыли цветы!

Женщина обернулась.

На краю тротуара стояла девочка, из-под шапочки торчали короткие косички. Она держала в руках букет. От волнения девочка покраснела, так велико было желание помочь бабушке, которая случайно оставила цветы.

Женщина попробовала ей улыбнуться, но на лице отразилась боль. Исчезли шумы города. Как эхо протяжно повторялась лишь одна фраза:

— Вы-ы-ы... за-бы-ли-и-и... цве-ты-ы-ы...

Старый дом стал медленно рушиться.

Показалась девочка, укутанная в большую серую шаль, из-под которой видны только глаза.

— Вы-ы-ы... за-бы-ли-и-и... цве-ты-ы-ы...

Рушится дом. Из черных оконных проемов вырываются языки пламени. Хочется еще раз увидеть то дорогое, родное лицо...

— Бабушка! Бабушка! Что с вами?!

Женщина подошла к девочке, наклонилась, поцеловала ее. Она не взяла цветы. Ушла, опираясь на палку. Удивленная странным поведением бабушки, девочка, ничего не понимая, стояла с букетом алых роз.

А за ее спиной, на стене дома виднелась потускневшая от времени надпись:

«Граждане! При артобстреле эта сторона улицы наиболее опасна!»

ТОТ ДЕНЬ

На склоне горы Салурт прадеды мои построили село Агарак. Отсюда видна вся живописная Лорийская долина.

Проливной дождь перестал внезапно, как и начался. Так часто бывает у нас в горах. Над вершинами повисла радуга, а солнце стало заглядывать в маленькие сырые дворы. После дождя дорога, проходящая через деревню, покрылась липкой глиняной жижей. По одной стороне дороги стремительно неслась желтая дождевая вода.

В школе шли занятия. В одной комнате. Слева сидели ребята старших классов, а у окна — первоклассники. Учила всем наукам одна учительница.

Внезапно распахнулась сбита из неотесанных досок дверь. Вошел дед Абгар. Он хотел что-то сказать, губы шевелились, а понять его было невозможно...

Через полчаса все деревенские женщины с детьми собрались у сельской конторы. Остановилась работа на полях, фермах, на лесопилке. Женщины плакали, и я тоже не выдержал. Слезы потекли сами. Правда, еще не знал, почему реву, но ведь время было такое — похоронок да похоронок... Раздался выстрел. Дед Абгар пальнул в небо из своей старой берданки. Потом все вошли в контору. Обычно важные новости сообщались тут, после чего советовались, решали, как быть дальше. Было тесно, некоторые женщины курили. Разместились, кто где мог. На столах скудная еда — так обычно собирались односельчане после каждой похоронок. Поднялась тетушка Ашкен.

— Сестры мои, — обратилась она к сидящим. — Родные... — От волнения она не могла говорить. — За Победу, родные! — И залпом осушила кружку.

Тетушка Варсеник вытащила из кармана телогрейки какой-то сверток и стала бережно его разворачивать. В свертке лежали письма и маленькая фотография сына. Женщины последовали ее примеру. На столах появились письма, обручальные кольца, фотографии. Матушка поцеловала портрет отца, подняла за чуб мою голову и сказала:

— Послушай, сынок. Заклинаю тебя! Посмотри на этот святой стол, на этот стол светлой памяти твоего отца и наших односельчан. И запомни. Слышишь, запомни, сынок! Сегодня последний день войны!..

Он всегда в моей памяти — последний день войны.

ПЕРВЫЙ УРОК

В глубине большой дворовой арки появился Микаэль. Он тайно преследовал ничейную рыжую кошку Дездемону. Так ее окрестила дворничиха, потому что из-за Дездемоны со всей округи во двор собирались коты и устраивали шумные ночные концерты. Микаэль не мог больше преследовать Дездемону, хотя ему было очень интересно узнать, как она влезет в узкую щелку подвального окна, забитого досками. Во-первых, ему мешали школьный ранец и гладиолусы, почти в его рост, во-вторых, Микаэль сегодня был в парадной форме, которую нельзя пачкать, в-третьих, и самое главное, надо было спешить в школу, чтобы не опоздать к первому звонку. Бабушка очень волновалась и переживала оттого, что не смогла проводить внука. А внук ее сейчас самостоятельно и уверенно шагал в сторону школы.

Она находилась недалеко, через квартал, у городского парка. В парке на скамейке сидела девушка в нарядной ученической форме с белым фартуком и кружевами. Девушка плакала и кусала кончик скомканного платка. Спиной к ней, опустив голову на руки, сидел старшеклассник. Было очевидно, что они поссорились. Поправляя машинально ремешки ранца на плечах, Микаэль стоял в нерешительности. Не мог он смотреть на плачущую девушку. Но чем помочь? Откуда ему знать, кто из них прав, кто виноват? Немного постояв, он подошел к юноше и протянул ему гладиолус. Тот в недоумении поднял голову, сморщив лицо, махнул рукой — иди, мол, не до тебя. Микаэль и не думал уходить. Подойдя ближе, шепнул на ухо: «Не тебе же... Отдай ей». Лицо старшеклассника изменилось в улыбке: неожиданно для Микаэля он даже привстал и крепко пожал ему руку.

Перед школой торжественно играл духовой оркестр.

Взрослых было больше, чем детей. Суетились мамы, бабушки, папы, давая последние наставления, еще раз проверяя, все ли на месте в портфеле. Одна предусмотрительная бабушка с термосом в руках совала бутерброд внуку, громко объясняя, что необходимо перед уроком основательно подкрепиться.

«Хорошо, что бабушка не могла пойти со мной», — подумал Микаэль. Духовой оркестр играл без остановки. Больше всех забавлял Микаэля дирижер с палочкой в руке. Он напоминал ему цаплю из зоопарка. В середине двора учителя выстраивали детей по классам. Там, где стояли старшкклассники, Микаэль увидел и своих знакомых. Девушка что-то увлеченно говорила юноше, не отрывая глаз от гладиолуса. Микаэль довольный улыбнулся. У главных школьных дверей вместе с гостями стоял директор. А почетными гостями школы сегодня были ветераны труда и ветераны войны. На груди у каждого сверкали боевые и трудовые ордена и медали.

Директор школы открыл торжественный митинг. Потом пионеры преподносили ветеранам цветы. Сквозь толпу взрослых Микаэлю никак не удавалось пробраться к своему классу. Со стороны парка подошел пожилой мужчина. Микаэль заметил на его пиджаке орденские колодки, а над колодками красовалась Звезда Героя! Микаэль, как замороженный, не мог оторвать глаз от Звезды. Мужчина заметил взгляд мальчика и улыбнулся ему.

— Дяденька! Вы самый настоящий герой? — спросил Микаэль.

— Да, настоящий, — ответил мужчина.

— А почему вы не там, со всеми? — не успокаивался мальчик.

— Стало быть, опоздал, брат, — добродушно ответил мужчина.

Микаэль на минуту задумался. Потом выбрал из двух оставшихся гладиолусов один.

— Возьмите... Там уже всех героев поздравили.

— Спасибо, сынок, но у тебя-то самого ведь один остается.

— Это учительница, — уточнил Микаэль. — Но сегодня у нее будет много цветов, а вы опоздали.

Узнав, что Микаэль не может пробраться к своему классу, мужчина помог ему найти учительницу. Только в спешке и суতোлке последний гладиолус сломался. В паре с Микаэлем оказалась девочка с большим бантом на макушке. Она посмотрела на соседа и сказала:

— Меня зовут Лиличка...

Иза-за сломанного цветка у Микаэля испортилось настроение, но, как учила бабушка, долг вежливости заставил его представиться:

— Микаэль.

— А можно тебя просто Мика звать, так легче, потому у нас в соседнем парадном живет сенбернар, его зовут Ника, ну, почти что Мика...

Микаэль скосил глаза, надул, что было сил, щеки, потянул вниз мочки ушей и зашипел. Затем он скорчил другую гримасу и зашевелил ушами.

Общительная соседка не унималась.

— Слушай, Мика, ты же феномен, ты будешь провожать меня из школы, когда мама не сможет отпроситься с работы. Ты можешь напугать любого хулигана, правда? А почему ты пришел без цветов? Забыл, наверное? — с упреком спросила Лиличка, и увидела, что ее одноклассник вдруг занервничал и покраснел. Посмотрев на свой большой букет, Лиличка вытащила несколько белых ромашек и сказала:

— Возьми! Разве можно в такой день быть без цветов! Возьми, ведь мы с тобой теперь в одном классе будем учиться!

Микаэль взял ромашки и совсем тихо поблагодарил.

Рука дирижера-цапли повисла в воздухе. Во дворе стало тихо. Эту тишину нарушил громкий школьный звонок.

Первыми вошли в парадные двери школы первоклассники. А первый урок был — урок Мира.

Читатель сообщает, советует, спрашивает

Духом не падаю никогда

Меня взволновала публикация «Каждому письму будем радоваться» М. Аксеновой (в № 1 за 1984 г.), где мать рассказала о горьком одиночестве своего больного сына Володи.

Хочу предложить Володе дружбу с нашим клубом. Нас более 100 человек (от 13 до 35 лет, есть и старше), все мы — друзья по переписке. У нас действуют заповеди: «Помни, ты — не один», «Если тебе тяжело, найди человека, которому тяжелее, чем тебе, и — постарайся ему помочь».

Члены клуба так же, как и я, из-за болезни лишены возможности ходить. Но духом никто не падает, каждый занят своим делом, а от этого

выигрывают наши общие цели и интересы. Время от времени мы проводим лотереи и ярмарки, сбор от которых идет в Фонд мира, в Фонд XII Фестиваля молодежи и студентов в Москве. В клубе есть рукописный журнал — сюда мы посылаем свои стихи, рассказы, заметки, рисунки. Еще один рукописный журнал (он называется «Солнышко») мы выпускаем для своего подшефного — четырехлетнего Димочки, нашего, к великому сожалению, товарища по несчастью.

Среди членов клуба есть школьники, студенты, надомники; круг общения в значительной степени определяют наши интересы: шахматы, коллекционирование, рукоделие, кулинария и многое другое.

Если Володя (да и не только он)

захочет дружить с нашим клубом, мы протягиваем руки. И пусть вас не пугают большие расстояния между нами, их легко одолеют письма! Мой адрес: г. Орехово-Зуево-9, «Стрелки», корп. 5, комн. 11. (Сергеева Людмила Дмитриевна).

Вкратце о себе. Больна с детских лет. Воспитывалась старым большевиком — своей бабушкой; далека от религии. Очень жалею, что не смогла закончить институт в молодости — из-за ухудшения здоровья. Раньше я ходила, а сейчас прикована к постели. Но духом не падаю никогда. У меня много друзей, стараюсь быть полезной людям.

С искренним приветом,

Л. СЕРГЕЕВА

г. Орехово-Зуево

МОЛОДЕЖИ- ИДЕЙНУЮ ЗАКАЛКУ

Практика: опыт, проблемы

А. БАБИЙЧУК,
первый секретарь Львовского
обкома ЛКСМ Украины

Однажды наши дружинники задержали в так называемом святом саду города группу ребят, которые выделялись вызывающим поведением и странным внешним видом. Одеты они были неряшливо, в майках с сомнительными надписями. У многих на шее болтался крестик.

Беседа с этими молодыми людьми показала, что у них не только отсутствует чувство меры, вкус. Удивляла их бездуховность, аполитичность. И если в конце концов они согласились с тем, что носить майки с надписью «I love sex» просто неприлично, то никак не могли взять в толк, почему ношение в виде украшения крестиков и различных брелоков с культовой символикой, распространение фотокопий церковных календарей является прямым нарушением того самого принципа свободы совести, на который они то и дело ссылались.

И когда я вижу нечесаных парней и девушек, бесцельно сидящих напротив популярного во Львове кафе или вышагивающих по проспекту и демонстрирующих полное пренебрежение к окружающим, всех этих жалких подражателей «хиппи», «панков», то думаю: все-таки не до конца мы используем наши воспитательные возможности, коль не сумели в свое время привить этим молодым людям неприятие так называемых «западных культурных ценностей» и умение противостоять изощренной пропаганде, которую ведут в расчете на нашу молодежь зарубежные центры.

Все, о чем я рассказал, — это, конечно, и есть результаты влияния буржуазной идеологии. Но, положив руку на сердце, скажите — разве мало мы знаем случаев, когда неглупые и образованные юноши и девушки не могут дать правильную оценку событиям, происходящим в мире, отстают гражданскую, атеистическую позицию.

Вот почему областная комсомольская организация, которая работает под руководством и в тесном контакте с обкомом партии, советскими и профсоюзными организациями, обществом «Знание», стремится к созданию хорошо продуманной, единой, наступательной системы контрпропаганды. Ведь наш регион

рассматривается зарубежными антикоммунистическими центрами как благодатное поле для насаждения враждебной идеологии.

Шесть столетий эта местность находилась под иностранным гнетом. Советская власть пришла в западные области Украины на два десятилетия позже, чем на остальную ее территорию. Не надо забывать, какое сопротивление новой власти оказывали украинские буржуазные националисты, униатская церковь.

Определенную роль играют и десятки тысяч западных туристов, проезжающих через нашу область.

Необходимо подчеркнуть, что идеологические диверсии нередко совершаются под прикрытием религии. Об этом говорил на июньском (1983 г.) Пленуме ЦК КПСС товарищ К. У. Черненко: «Многочисленные идеологические центры империализма стремятся не только поддерживать, но и насаждать религиозность, придать ей антисоветскую, националистическую направленность».

Мы отчетливо ощущаем, что антикоммунисты ставят религию во главу угла своей деятельности, принимая во внимание религиозную обстановку, которая исторически сложилась на территории области. До войны здесь было много униатских, римско-католических, православных церквей. Часть из них, за исключением униатских, функционирует и сегодня. Они располагают основательной материальной базой, опытными проповедниками. Это одна из причин того, что в области, особенно в сельской местности, еще велико число людей, соблюдающих религиозные обряды, среди них много молодежи. В последние годы активизировалась деятельность представителей униатства, бывших униатских священников, раздаются даже требования возобновить деятельность этой церкви, которая, как известно, самоликвидировалась в 1946 году (ее приходы вошли в состав русской православной церкви).

Нельзя забывать и то, что западные радиостанции, и в первую очередь «Радио Ватикана», регулярно ведут вещание на СССР. В передачах преднамеренно искажается жизнь в нашей

стране, политика партии и государства в отношении религии и церкви, распространяются вымыслы о гонениях и преследованиях служителей культа, верующих. Социалистическое общество изображается безнравственным и бездуховным, порочится научный атеизм.

В последнее время радиодиверсанты уделяют большое внимание идеологическому влиянию на молодежь. Программы передач рассчитаны на пробуждение интереса юношей и девушек к религии, церкви, Библии. Этому посвящены специальные рубрики: «Беседы с верующими», «Чему учит церковь», «Литургия для юношества».

Всю контрпропаганду мы ведем в двух направлениях. Во-первых, освещаем достижения нашей страны, советского образа жизни, развенчиваем буржуазную идеологию и мораль. И, во-вторых, занимаемся целенаправленным атеистическим воспитанием молодежи.

Сегодня, перестраивая лекционную пропаганду в соответствии с указаниями ЦК КПСС, мы используем и такие формы работы, как беседы, диспуты, встречи. Созданы бюро политического информирования. Сейчас они действуют в более чем 900 учебных заведениях. Наш опыт одобрен областным комитетом партии и ЦК ЛКСМ Украины.

Чем привлекают юношей и девушек эти бюро? Тем, что там проводится интересная и разнообразная работа — политтурниры, политвикторины, единые дни студенческого вопроса. Особенно популярными стали политтурниры, которые представляют собой как бы синтез вечера вопросов и ответов и устного журнала.

Расскажу подробнее, как проходил во Львовском университете имени И. Франко политтурнир между студентами первых курсов исторического и экономического факультетов.

Подготовку к турниру ребята начали с того, что определили тему: «Основные направления идеологической борьбы на современном этапе». Выбрали ее потому, что она актуальна, позволяет поднять важные, глубокие проблемы, волнующие сегодня людей во всем мире, рассматривать

теоретические и практические вопросы.

Поскольку такому турниру свойственны элементы викторины, было подобрано жюри из пяти человек. В него вошли преподаватели, представители партийной, комсомольской организаций. Для каждой команды выделили консультантов — преподавателей кафедры общественных наук, которые совместно с работниками библиотеки помогли студентам подготовиться к турниру.

И вот после занятий в актовом зале университета, оформленном плакатами, фотографиями, собрались команды и болельщики. Ведущий задавал вопросы, а жюри оценивало ответы. Победу команды определяли эрудиция ребят, и умение пользоваться конкретным местным материалом, и теоретическая подготовленность.

Такие соревнования заставляют студентов значительно расширять политические знания, вырабатывают навыки участия в дискуссиях, умение отстаивать свои убеждения. Ни с чем не сравнимый опыт приобрели студенты Львовского политехнического института, принявшие участие в политурнирах «Критика современных буржуазных теорий о молодежи», «Национальная политика КПСС и ее извращение буржуазными фальсификаторами». Эту форму работы мы будем совершенствовать и дальше, перенося ее в ПТУ, в школы.

Каждому жителю области, взрослому и молодому, известно имя нашего знаменитого земляка Ярослава Галана. Писатель-коммунист, павший от рук националистов, своим творчеством явил яркий пример того, какой должна быть настоящая контрпропаганда. Его замечательные памфлеты, разоблачавшие украинский буржуазный национализм, униатскую церковь, Ватикан, антинаучность религиозного мировоззрения, знает у нас каждый. Поэтому нет ничего удивительного в том, что, когда мы начали создавать на различных предприятиях, в колхозах и совхозах, вузах, ПТУ, школах политклубы, их называли именем Ярослава Галана.

Сейчас таких клубов свыше 700. Их задача — продолжать публицистические традиции писателя, пропагандировать его творчество, давать отпор буржуазному национализму и клерикальному антикоммунизму. Учащиеся средней школы села Комарно Городокского района интересно проводят тематические вечера непосредственно в колхозных бригадах, клубах, «красных уголках». Комсомольцы колхоза имени Ярослава Галана организуют вечера-встречи с людьми, знавшими писателя, актерами львовских театров, писателями, которые в своем творчестве следуют заветам Галана. А члены клуба средней школы № 79 города Львова отдают предпочтение острым публицистичес-

ким темам, например: «Ярослав Галан — пламенный борец против Ватикана и униатской церкви».

Клуб львовского технического училища № 27 по праву считается центром молодежных политических клубов в Радянском районе города. Его работой руководит совет, который возглавляет секретарь комитета комсомола Светлана Ищак. В клубе три секции: общественно-политическая, эстетическая и атеистическая. Хорошую инициативу проявляют комсомольцы. До сих пор, например, говорят в училище о выставке политического плаката. В свое время активисты клуба решили провести конкурс. Скептики сомневались: разве много у нас художников? Однако к сроку на стол жюри легло несколько десятков неплохих работ. А потом была выставка и хорошие отзывы о ней. Галановцы задают тон в комсомольской работе. По их инициативе комсомольцы училища проводят субботники и воскресники, а заработанные деньги отсылают в Фонд мира. Клуб регулярно организует выездные расширенные заседания, на которые приглашают ребят из других училищ. Одна из таких встреч состоялась в театре имени М. Заньковецкой. В ее подготовке и проведении приняли участие секции эстетического и атеистического воспитания.

Атеистическая пропаганда занимает одно из ведущих мест в работе политклубов. Иногда на заседания приглашают верующих. Такие встречи проводились в Радеховском, Стрыйском, Самборском, Николаевском районах области.

Воспитание юношей и девушек в духе советского патриотизма и социалистического интернационализма помогает им успешно противостоять вымыслам буржуазно-националистической пропаганды. Мы нацеливаем комитеты комсомола на укрепление всесторонних связей с комсомольскими организациями других областей и братских республик. Сегодня 32 комсомольские организации области дружат с молодежными организациями родственных предприятий областей-побратимов.

Развернулось широкое социалистическое соревнование с друзьями-соперниками из Армении, Молдавии, Ростовской и Ульяновской областей. Более десяти лет, например, комсомольская организация производственного объединения имени В. И. Ленина участвует в социалистическом соревновании комсомольских организаций различных предприятий из шести республик и девяти городов страны.

Каждый год на границе трех республик — Латвии, Литвы, Белоруссии — открывается лагерь комсомольского актива участников соревнования. Приглашают сюда и представителей львовской молодежи. Здесь проводятся различные встречи, соб-

рания, митинги, акции солидарности и борьбы за мир, конкурсы на лучший политический плакат, политическую песню, организуются фотовыставки, идет обмен опытом работы.

На одной из встреч ребята из рижского производственного объединения «Радиотехника» рассказали об организации досуга молодежи, а юноши и девушки Таллинского производственного объединения радиоэлектронной техники поделились опытом атеистического воспитания и пропаганды новой обрядности.

Держим мы под контролем и работу бюро международного молодежного туризма «Спутник». Ежегодно более трехсот групп приезжают в нашу область из социалистических и капиталистических стран. В них, надо прямо сказать, разные люди. Большинство доброжелательны к нашей стране, с пониманием относятся к ее успехам и трудностям, другие, напичканные сведениями, распространяемыми буржуазными средствами пропаганды, недоверчивы ко всему, что видят, третьи специально едут, чтобы выискать какие-то темные стороны, позлорадствовать, задать провокационные вопросы.

Наши гиды, а это все молодые люди, должны не только знать иностранный язык, быть корректными, доброжелательными, но и уметь ответить на любые вопросы. А они бывают разные. Есть и наивные. Например такой: «Нужно ли проходить таможенный досмотр при переезде из одной союзной республики в другую?» Особенно много вопросов касается положения верующих в нашей стране.

В нашей области — единственная в стране двухгодичная школа гидов-переводчиков. Там они слушают лекции по вопросам религии и атеизма, пишут рефераты. Один из них — «Реакционная сущность украинского буржуазного национализма». И такие темы, конечно, нужны, но хотелось бы пожелать, чтобы слушатели почаще обращались к современности.

О зрелости и степени подготовки гидов-переводчиков говорят дискуссии с зарубежными гостями, которые нередко разгораются во время поездок. Как-то один из туристов завел разговор:

— Вот вы говорите, что у вас свобода совести, а всем известно, что вы наказываете комсомольцев, которые совершают религиозные обряды.

— Мы не просто наказываем таких, — ответил гид, — а исключаем из наших рядов. Никого в комсомол насильно не привлекают. Каждый может выбрать любое мировоззрение. Но если ты выбрал Коммунистический Союз молодежи, то, следовательно, придерживаешься материалистических взглядов. Этого требует и устав. Комсомол не допускает

пробытия в своих рядах гостежих.

Такой ответ разом снял и предупредил другие вопросы. Безусловно, не всем он пришелся по душе, но многие из туристов оценили прямоту, искренность и принципиальную позицию гида и той организации, членом которой он состоит.

Другая сторона деятельности «Спутника» — естественно, непосредственная работа с иностранными туристами. Ее он ведет в тесном контакте с комитетами комсомола, разъясняя миролюбивую внешнюю политику нашего государства, достижения социалистического строя.

Есть во Львове городской клуб творческой молодежи, ему уже семь лет. За это время здесь побывало более 115 тысяч человек, из которых свыше 10 тысяч — иностранные туристы. В клубе регулярно проводятся вечера «Два мира — два образа жизни», на которые приглашают деятелей литературы, искусства, знатных рабочих, ветеранов труда. На таких вечерах рассказывали о своих зарубежных поездках художник М. Андрищенко, журналист В. Синецкий, а писатель Р. Иванчук делился впечатлениями о работе одной из сессий ООН, в которой он участвовал.

Повышенный интерес и у нашей молодежи, и у зарубежных гостей вызвали встречи с мастером Львовского производственного объединения имени 50-летия Октября Владимиром Ивановичем Ляховчуком. Его жизнь сложилась непросто. Мальчишкой вместе с родителями он выехал на заработки в Аргентину и там на собственном опыте познал все «прелести» капиталистического образа жизни. 20 лет провел за границей, а потом вернулся на Родину. Вот уже много лет активно занимается пропагандистской деятельностью. И никаких аргументов нет у его оппонентов, когда В. Ляховчук на примерах из собственной жизни сравнивает две социальные системы.

Контрпропагандистскую работу ведут и наши печать, радио, телевидение. Идеологическая борьба, интернациональное воспитание молодежи, вопросы контрпропаганды находятся в центре внимания областной молодежной газеты «Ленинская молодежь». Особо ртмечу тематическую страницу «Молодежный политический клуб имени Ярослава Галана». Она рассказывает о дружбе народов СССР, о социально-экономических преобразованиях, происшедших в области за годы Советской власти. Немалое место отводится статьям о жизни юношей и девушек в капиталистических странах, об их проблемах и заботах.

Привлекают формы подачи материала. Например, своими впечатлениями о Советской стране делятся иностранные туристы, в частности те,

кто когда-то жил на Львовщине. Так, в одном из выпусков «Клуба» было напечатано интервью с американцами украинского происхождения Теодором Рудным, Дмитрием Павловичем и Михаилом Ганусяком. Они рассказали, что увиденное ими на их бывшей родине превзошло самые лучшие ожидания.

Выпускает газета и целевые номера. Однажды в журнале «Америка» был опубликован фотоочерк, по которому можно было судить, будто у выходцев с Украины в США чуть ли не райская жизнь. «Ленинская молодежь» образно, доходчиво и убедительно показала, что жизнь «королевы красоты» Анны-Лизы Ильченко, певицы Мелани Софки, которые, по американским понятиям, достигли полного преуспеяния, не является в США типичной для тысяч и тысяч их соотечественников. Малар М. Закопай из города Винники, слесарь О. Покошок из Сокальского райбыткомбината, которые гостили у родственников в США, рассказали, как в действительности живет там выходцам с Украины. А стержневым материалом этого выпуска стало публицистическое выступление лауреата республиканской премии имени Я. Галана Н. Тороповского «Разгримированная Америка».

«Комсомольская правда» охарактеризовала этот номер как творческую удачу газеты. Подобные тематические публикации находят широкий отклик у читателей.

В постановлении ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении партийного руководства комсомолом и повышении его роли в коммунистическом воспитании молодежи» говорится: мы не должны «допускать, чтобы под прикрытием самодеятельных объединений в среду молодежи проникали апатичность, безразличность, слепое подражание западной моде». Учитывая специфику проникновения в нашу страну враждебной идеологии, стремление западной пропаганды воздействовать на молодежь с помощью музыки, моды, газета посвятила этой теме специальный выпуск, предоставив одну из страниц студентам Львовского университета — членам студии молодого публициста. В статье «Развлечение под вражеские голоса!» был поднят вопрос об увлечении некоторых молодых людей музыкой далеко не лучших западных ансамблей. Дело в том, что и у нас в подражание этим ансамблям появились группы с низкопробной, безыдейной программой, подобные «Вуйкам».

В последнее время сотрудники редакции все смелее берутся за атеистическую тему. Публикации по этой проблематике регулярно появляются на газетной полосе. Учитывая, например, рецидивы униатства в области, выразившиеся, в частности,

в призывах вновь открыть униатские церкви, редакция напечатала серию статей об униатской церкви и ее многолетнем руководителе митрополите Шептицком: «Золотая нота в медном перезвоне», «Схизматик», «Офицер за епископской кафедрой или кандидат в святые», «Навязанный Римом брак».

Хорошо, что газета уделяет внимание подобным темам. Но обком комсомола нацеливает журналистов на разговор и о сегодняшнем отношении молодых людей к религии, о том, в чем кое-кто видит ее «привлекательность», почему еще нередки случаи проявления отдельными комсомольцами безыдейности, мировоззренческой неразборчивости. Такой принципиальный и нелицеприятный разговор, мы считаем, был бы весьма кстати.

Нужно особо отметить, что некоторые религиозные проповедники, а также зарубежные «голоса», ведя пропаганду своего мировоззрения, не преминут подчеркнуть, что у нас в стране нарушаются принципы свободы совести. Дети, особенно из семей верующих, часто слышат это, и у них с малых лет складывается негативное отношение к атеистам. Вот почему во главу угла мы ставим индивидуальную работу с молодежью. Формы ее самые разные. Например, мы приглашаем ребят из верующих семей в пионерские лагеря, лагеря труда и отдыха.

Пока у нас в этом сложном деле опыт небольшой, делать далеко идущие выводы преждевременно. Однако следует сказать, что там, где комсомольцы подходят к работе не формально, успехи очевидны.

В каменско-бугской школе № 1 учился Богдан Рищак. Рос он в глубоко верующей семье и до шестого класса посещал вместе с родителями молитвенные собрания. В школе был молчалив, замкнут. Но учителя сумели разглядеть в Богдане и другие черты. Он прилежно учился, а главное, был по натуре коллективистом. Секретарь комитета комсомола школы молодой учитель Я. Штокало часто бывал у Рищака дома, беседовал с родителями, убедил их отпустить сына на лето в школьный лагерь. Там Богдан с большим удовольствием участвовал в работе поста бережливых. Дружелюбие учителей и товарищей не могло не найти отклика в сердце мальчика. Да и родители видели, что в школе к сыну относятся по-доброму. Пришел день, и Богдан Рищак принес в комитет комсомола заявление с просьбой принять его в члены ВЛКСМ. Сейчас он учится в ПТУ. Товарищи избрали его в комсомольское бюро группы и в профком.

Областная комсомольская организация, руководствуясь решениями июньского (1983 г.) Пленума ЦК КПСС, указаниями и рекомендациями, высказанными К. У. Черненко на

Всеармейском совещании секретарей комсомольских организаций, постановлением ЦК КПСС «О дальнейшем улучшении партийного руководства комсомолом и повышении его роли в коммунистическом воспитании молодежи», а также решениями XIX съезда ВЛКСМ, стремятся совершенствовать контрпропагандистскую работу. Ее центром стал областной методический совет по борьбе с буржуазной идеологией. В его составе — представители райкомов и горкомов комсомола, молодежных средств массовой информации, общества «Знание», научных центров и творческих организаций. Возглавляет совет секретарь областного комитета комсомола по пропаганде и культмассовой работе. Совет оказывает методическую и практическую помощь комитетам комсомола, а также координирует всю контрпропагандистскую работу в области.

Сейчас перед комитетами комсомола стоит задача — улучшить подбор и подготовку пропагандистов, особенно тех, кто занимается критикой буржуазной идеологии. К этой работе мы привлекаем людей опытных, хорошо знающих жизнь и, главное, обладающих высокой политической культурой.

В области около 200 внештатных лекторских групп, в которых более 2,5 тысяч молодых пропагандистов.

Несколько лет действуют и группы по борьбе с буржуазной идеологией и пропагандой, созданные при всех райкомах и горкомах. Они выявляют каналы, по которым идет проникновение в среду молодежи буржуазной идеологии, анализируют причины, порождающие политическую индифферентность, дают соответствующие рекомендации комитетам комсомола. Кроме того, члены этих групп разрабатывают методические рекомендации по организации контрпропаганды, участвуют в проведении массово-политических мероприятий.

Мы отдаем себе отчет в том, что идейный противник не оставит попыток привнести в нашу страну враждебную идеологию, будет стремиться насаждать безыдейность, апатичность, мировоззренческую неразборчивость, развивать у молодых людей потребительскую психологию. Вот почему мы будем и дальше совершенствовать воспитательную работу, ее стиль и методы, обеспечивать правдивость, актуальность, глубину содержания всех пропагандистских мероприятий. Как отмечалось в переломной статье газеты «Правда» 18 октября 1984 года, весь «арсенал атеистического воспитания молодежи должен служить повышению ее сознательности, идейно-нравственной закалке».

Записал В. Евсеев.

г. Львов

● «В себе и других я стараюсь воспитать уважение к работе, к труду, к значению и важности работы», говорит Николай Соснов, бригадир наладчиков Львовского автобусного завода имени 50-летия СССР. В этом коллективе, работающем на один наряд, есть неписанный закон: каждый, от ученика до бригадира, должен искать новые пути роста производительности труда, экономить каждый грамм металла, каждую рабочую минуту.

На снимке: Николай Соснов с учащимися заводского ПТУ.

● Посланцев шести республик собрал интернациональный лагерь комсомольского актива «Дружяй» на берегу озера Дрисвяты, что на границе Латвии, Литвы и Белоруссии. Лагерь этот традиционный. Уже пятнадцать раз приезжает сюда молодежь родственных предприятий Минска, Риги, Новгорода, Таллина, Львова, Каунаса, Паневежиса и Шяуляя, чтобы поговорить о комсомольских и производственных делах. В «Дружяй» побывало уже около трех тысяч юношей и девушек.

Фото ТАСС.

ОБЩЕЕ ДЕЛО

Э. КОМИССАРОВА,
председатель научно-методического
совета по пропаганде научного
атеизма при правлении
Челябинской областной
организации общества «Знание»,
кандидат исторических наук

НЕ ЗАБУДУ впечатления, которое произвела на меня несколько лет назад публикация в одной из центральных газет. Речь в ней шла о семье евангельских христиан-баптистов. Не буду пересказывать историю — она довольно типична. Запомнилась статья другим. По ходу дела с многодетной семьей общались разные люди — с места работы, из школы, исполкома, но никто не при-

нял. ³⁰ внимание, что семья — верующая. И автор публикации, пытаясь объяснить случившееся, всю вину за это «незнание» вслагал на научно-методический совет, который имел и план работы, и методические пособия, и протоколы заседаний, а не сделал главного: «не заглянул» в душу верующей семьи.

И тогда, и сейчас я убеждена, что акценты здесь расставлены неправильно. Почему главная ответственность за невнимание к мировоззренческой позиции, идейным убеждениям и нравственным принципам отдельной семьи автор возложил не на коллективы, где работали, учились и воспитывались ее члены, а на общественную организацию, призванную обеспечить высокий научно-методический уровень атеистической пропаганды?

Но выступление газеты взволновало: действительно, что может совет, что должен, все ли он делает для повышения эффективности атеистической пропаганды и каковы критерии этой эффективности? Вопросы не

праздные, от ответа на них зависит, что и как будет делать совет, какое место займет он в системе атеистического воспитания, сложившейся в городе, районе, области.

Довольно долго атеисты нашей области спорили о функциях научно-методического совета, его обязанностях и полномочиях и пришли к выводу: научно-методический совет должен отвечать за содержание, за повышение методологического и методического уровня пропаганды атеизма. Вначале состав НМС был громоздкий, не очень дееспособный, но зато «почетный»: в него включили руководителей всех учреждений, так или иначе связанных с атеистическим воспитанием. Год проработали и увидели, что это — не лучший вариант. Посоветовавшись с областным комитетом партии, мы почти полностью изменили состав совета, включив в него тех, кто непосредственно занимается атеистической пропагандой: преподавателей научного атеизма вузов, председателей крупнейших атеистических секций общества «Зна-

ЗА ЧТО ПЛАТИЛИ ДВА ДИРХЕМА

К. БАЙБОСЫНОВ,
директор Джамбулского
областного историко-
краеведческого музея

● Было это в совхозе «Алмалы» Курдайского района. Мужчина средних лет спросил меня: «Правду ли говорят наши аксакалы, что ислам самая старая в мире религия?» Ответить на этот вопрос не составляло труда, тем более что под рукой оказались и наглядные пособия: фотографии некоторых экспонатов Джамбулского областного историко-краеведческого музея — вещественные доказательства того, что на территории нашего края когда-то бытовали куда

более древние, чем ислам, верования и культы.

Благодаря многолетним археологическим раскопкам, случайным находкам у нас в музее образовалась богатая коллекция предметов материальной культуры Тараза (так в средние века назывался город Джамбул). Наскальные рисунки, например, «иллюстрируют» верования и обряды родоплеменного общества, связанные с представлениями о родстве между нашими предками и тотемами — животными, растениями, различными неодушевленными предметами.

Ритуальные сосуды из захоронений андроновской культуры¹, из курганов саков (I тысячелетие до н. э.) и усуней (II в. до н. э. — V в. н. э.),

● Во время экскурсии в Джамбулском областном историко-краеведческом музее.

а также ряд других археологических данных говорят о том, что обитавшие в Таласской и Чуйской долинах племена поклонялись солнцу и «небесному коню». Кольцевые и серповидные каменные выкладки Беркаринского курганника на территории совхоза «Биликуль» Джувалинского района, по мнению исследователей, — не что иное, как культовое изображение луны и солнца². Здесь в далекие времена жили последователи зороастризма — религии, зародившейся в Иране. Вплоть до VI—VIII веков часть населения Тараза придерживалась этого вероучения: об этом свидетельствует древнее кладбище, а также захоронения костей человека в оссуариях (глиняных ящиках), найденных в Тектурмесе, — они представлены в нашем музее.

В VI—VIII веках на территории области жили и приверженцы буддизма, манихейства, христианства. Ислам появился в Южном Казахстане в VIII веке, когда сюда пришли арабские завоеватели. По сообщению среднеазиатского историка Наршахи (899—959), на первых порах каждому, кто посещал пятничное моление в соборной мечети, служители Аллаха выдавали по два дирхема.

Однако ранние попытки распространить эту религию среди кочевых тюрок успеха не имели. Массовое обращение тюрок в ислам началось лишь со 2-й половины XI века. Об этом есть историческое свидетельство: «Обитатели 10 000 шатров приняли ислам и в праздник жертвоприношения закололи 20 000 голов скота». Эти тюрки кочевали на территории нашего края, около Баласагуна³.

Рабочие совхоза «Алмалы» благодарили нас за такой подробный и аргументированный рассказ о появлении ислама на территории бывшего государства Караханидов⁴. Они говорили, что неплохо было бы верующим аксакалам побывать в краеведческом музее, тогда бы они не распространяли мифы о «первородности» религии, данной Аллахом жителям Казахстана и не смущали бы народ этими и другими сказками.

И действительно, чего только иной раз не

¹ Культура населения эпохи бронзы, обитавшего в Западной Сибири и Казахстане во 2-й половине II — начале I тысячелетия до н. э.

² Бернштам А. Н. Памятники старины Таласской долины. 1941, с. 13—14.

³ См.: Сенигова Т. Н. Средневековый Тараз. Алма-Ата, 1972.

⁴ Тюркская династия (927—1212), стоявшая во главе среднеазиатского государства, столицами которого в разное время были Кашгар, Баласагун, Узген и Тараз.

ние», работников областных газет, радио и телевидения, отвечающих за пропаганду атеизма, руководителей лекторских отделений молодежных организаций, инструктора обкома КПСС, ответственного за атеистическое воспитание в области.

Такой состав позволяет совету быть центром по разработке методических рекомендаций, тематики лекций и целых циклов, учебных планов и программ для всей системы атеистического образования трудящихся в области: университетов лекторского мастерства, народных университетов и школ атеистов и т. д. В то же время совет имеет возможность учить, готовить лекторские кадры, использовать различные формы пропаганды, осуществлять связь с районными советами и секциями, другими научно-методическими советами.

Расскажу лишь о некоторых сторонах нашей работы. Прежде всего мы наладили четкую двустороннюю связь с организациями на местах. Почти все члены совета распределили между собой периферийные организации и

поддерживают связь с ними. Проводя такое распределение, мы старались учитывать и обстановку в районе, и его отдаленность от областного центра, и загруженность члена НМС. Таким образом, каждый из нас шефствует над четырьмя-пятью районными организациями. Обязанность шефа — не менее раза в год съездить в район, прочитать там несколько лекций, прослушать местного коллегу, познакомиться с документацией, посоветовать, подсказать, вынести отдельные вопросы на обсуждение областного совета.

Нужно учесть, что члены совета встречаются со своими подшефными на занятиях университета лекторского мастерства, на городских семинарах и ежегодных встречах председателей советов и секций. Это позволяет хорошо знать состояние дел на местах. В конце года каждый член совета отчитывается о своей работе в подшефных организациях. И нужно признать, что заметная деятельность организаций Миасса, Копейска, Карталов, Верхне-Уральска, Увельского и

Троицкого районов области, Калининского района Челябинска в значительной степени объясняется активной работой членов совета В. П. Корняковой, В. Н. Обжорина, В. Я. Нагевичене, Р. А. Ширшова.

Доцент Челябинского политехнического института Валентина Яковлевна Нагевичене не только страстный пропагандист (читает за год более ста лекций), но и активный работник нашего НМС. Свои знания и опыт она щедро передает пропагандистам Миасса. С ее помощью тут решаются методические и кадровые вопросы, организованы лектории по пропаганде новых обрядов. С ее участием при миасском Дворце культуры автомобилестроителей создан «Клуб молодой семьи», в работе которого нашли отражение и вопросы научного атеизма.

Другой член совета, пенсионер Валентин Николаевич Обжорин, в своем подшефном Калининском районе Челябинска создал школу по подготовке лекторов-атеистов, разработал для ее слушателей ускоренную

услышишь! В одном доме на участке «Кызыл-ту» колхоза имени Кирова Меркенского района я увидел на стене восемь бараньих локтевых костей. Старик хозяин разъяснил мне, что это, мол, древний обычай: всего должна висеть в юрте 41 кость, и если в дом заберутся воры, кости превращаются в охраняющих воинов.

В том же районе один аксакал показал мне старинную саблю, которая принадлежала якобы какому-то святому, а теперь помогает... от головной боли.

В Луговском районе мое внимание привлек еще один фетиш — украшенная узорами палка с острым железным наконечником. По рассказу хозяйки, эту палку привез ее дед из Мекки, она тоже считается священной, и мусульмане верят, что она исцеляет от разных болезней.

В сельских районах работники музея нередко видят в домах местных жителей разные предметы, которые, по мнению их владельцев, обладают сверхъестественными свойствами. Как правило, эти люди считают себя истинными мусульманами и не подозревают, что нарушают одну из главных исламских заповедей — поклоняются рукотворным и природным объектам, то есть исполняют языческие обряды. Во многих сельских домах можно увидеть детские колыбели, к которым привязаны перья филина или

когти орла — старинные средства «от сглаза».

Предметы и документы из музейных коллекций, которые мы демонстрируем во время лекций, делают их убедительнее, доходчивее. Хорошим подспорьем в атеистической работе служат наши стенды с фотографиями музейных экспонатов и расширенными текстовками. Мы их показываем в колхозах, совхозах, на участках отгонного животноводства, и они всегда вызывают интерес у сельских тружеников и жителей округи. Знакомство с историческим прошлым своей области нередко становится первым шагом в преодолении религиозных предрассудков.

До революции на территории края было немало святых мест, которые в дни мусульманских праздников привлекали толпы паломников. Особым почитанием пользовался мавзолей Аулие-Ата Карахана, украшенный черепами баранов с огромными рогами. И сегодня служители Аллаха уверяют мусульман, что «от могилы святого хана исходят целительные силы». Им выгодно привлечь к этому месту паломников — люди в поисках исцеления приходят

● *Штамп «небесный конь» на одном из оссуариев зороастрийского захоронения в предместье древнего Тараза.*

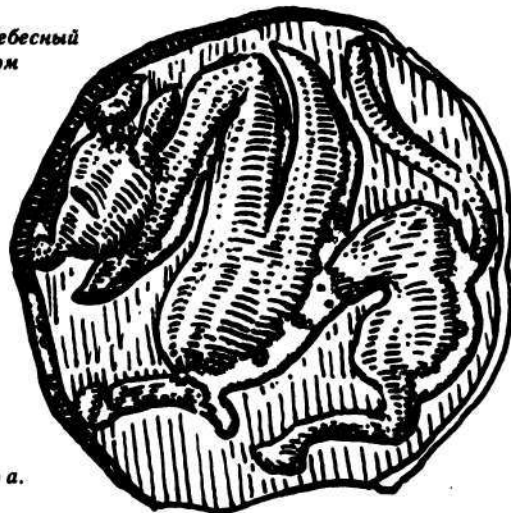

Фото автора.

● *Тотемический символ, изображающий птицу, на металлическом светильнике из Тараза (IX—X вв.).*

сюда не с пустыми руками. Экспонаты и документы, хранящиеся в нашем музее, помогают узнать, каков же на самом деле был этот представитель династии Караханов — обычный для тех времен восточный деспот, жестоко эксплуатировавший бесправных подданных. А «священная его заслуга» состоит в том, что он принуждал свой народ принимать мусульманство.

Коллекции историко-краеведческих музеев — отличное подспорье для тех, кто ведет атеистическую пропаганду. Хочется пожелать лекторам, чтобы они чаще обращались к богатым материалам, хранящимся в этих музеях.

г. Джамбул
Казахской ССР

программу подготовки, помог в проведении отдельных занятий, в организации социологических исследований по изучению атеистической убежденности молодежи района. Благодаря его заботам Калининская районная организация общества «Знание» стала одной из лучших в городе по пропаганде атеизма.

Много внимания уделяет совет поиску интересных форм и методов работы. И здесь мы тоже реорганизовали свою деятельность. Один член совета занимается лекториями и кинолекториями, другой консультирует печать, радио и телевидение, третий следит за циклами лекций и т. д. Так, референт областной организации общества «Знание» Валентина Павловна Корнякова поддерживает связь со всеми районными газетами, консультирует их по проблемам атеистического воспитания, помогает редакции областных изданий «Челябинский рабочий», «Комсомолец», «Политинформатор». Там регулярно публикуются материалы об опыте лучших лекторов-атеистов, организаций, методические пособия в помощь лектору.

Члены совета: доцент Челябинского политехнического института И. В. Вишев, старший преподаватель медицинского института кандидат философских наук Т. С. Бастрасова и старший преподаватель педагогического института Т. В. Никанорова — активно работают в общественной редакции радиожурнала «Колокол», который вот уже 20 лет дважды в месяц выходит в эфир. Каждая передача посвоему интересна, не повторяется. Постоянно растет круг тех, кто пишет в редакцию «Колокола», обращается к нему за советом, помощью. И члены совета отвечают на письма, едут на места, выясняют обстоятельства дела, помогают, советуют. А в ответ — новые письма, иногда подобные тому, которое получила редакция «Колокола» весной прошлого года.

«Дорогая редакция! Я — инвалид, с детства прикована к постели. Прослушав очередную передачу «Колокола», посвященную рассказу о деятельности совета церковью евангельских христиан-баптистов, хочу еще раз поблагодарить за помощь, которую я получила от атеистов, от вас, членов редакции «Колокола». Это вы протянули мне настоящую дружескую руку помощи, внимания. Благодаря вам я не отчаялась, не потеряла веру в себя, в людей, стала жить, работать и бороться с недугом. Большое спасибо вам!»

Известны также случаи, когда радиожурнал с помощью членов НМС и особенно доцента Института культуры Елены Николаевны Алешко, создателя и инициатора многих передач «Колокола», помогал верующим людям увидеть истинные ценности советского образа жизни, поверить

в справедливость. Так было, например, с рабочим из города Коркино С. О. Переходой. Он прислал в редакцию письмо, в котором возражал авторам «Колокола». Завязалась интересная переписка. Потом были встречи, много встреч и бесед, иногда непростых и долгих. И вот старый рабочий порвал с религией. Теперь он постоянно сотрудничает в радиожурнале, стремясь помочь своим бывшим единоверцам избавиться от предратных, иллюзорных представлений об окружающем мире.

Члены совета анализируют почту «Колокола», встречаются с авторами писем, ведут с ними индивидуальную работу, изучают отношение слушателей к атеистическим передачам Челябинского радио. Так, выяснилось, что из всех средств массовой информации именно радио наиболее популярно в среде верующих, что некоторые руководители религиозных общин даже записывают передачи на магнитофонную ленту, изучают их, а затем специально готовят ответы на вопросы, возникающие у рядовых верующих после прослушивания.

Еще большие потенциальные возможности в атеистическом воспитании имеет телевидение. Здесь большую роль играет не только слово, но и видеоряд. Известно, что лучше один раз увидеть, чем десять раз услышать. И наш совет не обходит вниманием эту форму массовой информации и пропаганды. Многочисленные передачи «За круглым столом», циклы, посвященные новым советским обрядам и праздникам, дискуссии в студенческой аудитории на темы «Место религии в истории России», «Молодежь и религия», серия передач о жизни и деятельности тех или иных религиозных объединений, атеистический телефильм или телеочерк, встречи с верующими и неверующими — все организуется и проводится с помощью и при непосредственном участии членов областного НМС.

Еще об одной стороне деятельности совета хотелось бы рассказать. Речь идет о связи и координации работы с областными и районными организациями общества «Знание», занимающимися идеологической, пропагандистской и культурно-просветительной деятельностью, с другими научно-методическими советами.

Что обычно происходит на практике? К примеру, научно-методический совет по пропаганде естественнонаучных знаний готовит свои методические пособия и разработки лекций, не учитывая атеистический потенциал той или иной темы. И получается, что, делая, в общем-то, одно дело, мы, как лебедь, рак и щука, тянем его в разные стороны. А действовать надо единым фронтом! Помню, как в первое время на заседании председателей НМС области я буквально зывала: «Товарищи! Нам нужна помощь

всех научно-методических советов. Силами только одного нашего совета задач научно-атеистического воспитания, повышения его эффективности не решить. Нужны лекторы широкого профиля!» Меня выслушивали, со мной соглашались, а затем спрашивали: «Скажите четко по каждому НМС: какую помощь и в какой форме вы желали бы получить и что можете предложить конкретно?»

Сейчас дело наконец сдвинулось с мертвой точки. Постепенно создавались темы совместных циклов и лекториев нашего совета с другими НМС — по пропаганде естественнонаучных, медицинских, педагогических, правовых знаний, марксистско-ленинской философии, с молодежной комиссией. На совместных заседаниях стали, например, обсуждаться такие вопросы: «Задачи молодежной комиссии по пропаганде научного атеизма», «Место и роль научно-методического совета по пропаганде медицинских знаний в разработке атеистической и естественнонаучной тематики». Совместно с молодежной комиссией мы издали методические рекомендации «Атеистическое воспитание молодежи» и вместе с обкомом комсомола провели семинар лекторов «Атеистическое воспитание молодежи». Научно-методический совет по пропаганде правовых знаний помог нам в организации и проведении серии передач в «Колоколе» по вопросам свободы совести и разъяснению советского законодательства о религиозных культах, а НМС по естественнонаучной пропаганде взял на себя цикл передач о мировоззренческом воспитании.

Конечно, в своей работе мы постоянно контактируем с отделами народного образования, культуры и закс исполнительного комитета областного Совета народных депутатов, с областным советом профсоюзов. Вместе с этими организациями мы провели семинар учителей, работников библиотек и отделов закс, профсоюзных работников и лекторов области по таким проблемам, как «Атеистическое воспитание учащихся», «Участие библиотек области в атеистическом воспитании трудящихся», «Роль советских обрядов и праздников в атеистическом воспитании трудящихся».

И хотя не всегда и не все еще получается у нас так, как было задумано, но в целом четкое распределение функций между членами методического совета, тесная связь с районными организациями и секциями, с другими НМС позволяет надеяться, что работать будем еще интереснее и эффективнее. Ведь каждый вкладывает толику своего труда в общее дело научно-атеистической пропаганды.

г. Магнитогорск
Челябинской области

НАУЧНЫЙ АТЕИЗМ — ЗАДАЧИ ПРЕПОДАВАНИЯ

П. ЛОБАЗОВ,
доктор исторических наук,
профессор,
И. БАТЮК,
доцент

Среди учебных дисциплин, формирующих диалектико-материалистическое мировоззрение студентов, важная роль принадлежит научному атеизму. Дальнейшему совершенствованию теоретического и методического уровня преподавания научного атеизма в высших и средних специальных учебных заведениях, повышению его роли в атеистическом воспитании студенческой молодежи страны в свете решений XXVI съезда партии и июньского (1983 г.) Пленума ЦК КПСС была посвящена Всесоюзная научно-методическая конференция, которая состоялась в мае 1984 года в Одессе на базе ордена Трудового Красного Знамени Государственного университета имени И. И. Мечникова и его кафедры научного атеизма, этики и эстетики.

В работе конференции приняли участие представители союзных и республиканских академических институтов, отделов и кафедр научного атеизма, философии, научного коммунизма, политэкономии, истории КПСС университетов, педагогических, медицинских, сельскохозяйственных, технических вузов всей страны, а также работники министерств высшего и среднего специального образования СССР и Украины, пропагандисты, лекторы, преподаватели ПТУ, техникумов, средних школ Одесской области.

Состоялось два пленарных заседания. Кроме того, работали четыре секции: «Совершенствование идейно-теоретического и научно-методического уровня преподавания научного атеизма», «Атеистическое воспитание молодежи: опыт и проблемы», «Организация научно-исследовательской и лекционно-пропагандистской работы», «Религия и современная идеологическая и политическая борьба».

На конференции выступило 128 человек. Особый интерес вызвали доклады на пленарных и секционных заседаниях: «О совершенствовании преподавания научного атеизма в высших и средних специальных учебных заведениях в свете решений XXVI съезда партии и июньского (1983 г.) Пленума ЦК КПСС» — Г. Г. Квасова, начальника Главного управления преподавания общественных наук Минвуза СССР; «Материалы июньского (1983 г.) Пленума ЦК КПСС в курсе «Основ научного атеизма: методологические и методические аспекты» — профессора М. П. Новикова, заведующего кафедрой истории и теории атеизма Московского университета; «Актуальные проблемы атеистического воспитания в свете материалов

июньского (1983 г.) Пленума ЦК КПСС» — профессора В. И. Гараджи, директора Института научного атеизма АОН при ЦК КПСС; «Новые темы в курсе «Основ научного атеизма» («Атеизм и духовная культура», «Формирование атеистической убежденности») — профессора МГУ Д. М. Угриновича; «Раскрытие социальной природы религии в курсе «Основ научного атеизма» — профессора МГУ И. Н. Яблокова; «Обучение будущих специалистов навыкам критики антикоммунизма и методики контрпропаганды в курсе «Основы научного атеизма» — профессора Г. В. Воронцова (Ленинград); «Иудейский клерикализм и сионизм» — доцента Г. Л. Баканурского (Одесса).

Лейтмотивом докладов и сообщений на конференции было повышение идейно-теоретического и методического уровня лекций и семинаров по научному атеизму, определение актуальных задач критики религиозной идеологии, дальнейшего улучшения атеистического воспитания в условиях обострившейся идеологической борьбы, активизации правых религиозно-политических течений в несоциалистическом мире, усилившейся использования империалистической пропагандой религиозных концепций с антикоммунистических позиций. В ряде выступлений подчеркивалась необходимость преодоления просветительского подхода к проблемам атеизма, когда не учитывается связь атеистического воспитания с решением социально-экономических и политических задач, с совершенствованием общества развитого социализма. Большое внимание уделялось индивидуальному дифференцированному подходу в процессе преодоления религиозных пережитков, обеспечению в повседневной жизни реализации идеалов и норм социалистического гуманизма.

Одной из главных задач конференции было обсуждение проекта новой программы курса «Основы научного атеизма» для высших учебных заведений. В ходе дискуссии было одобрено введение в программу таких новых тем и разделов, которые существенно расширяют и обогащают содержание курса. С удовлетворением отмечалось, что в новой программе обстоятельнее раскрыта роль религии и атеизма в современной политической и идеологической борьбе, больше сказано о нетрадиционных формах религии. Программа ставит вопрос о необходимости борьбы с встречающимися подчас «богоискательскими» мотивами, о последовательном преодолении «мировоззренческой неразборчивости» в искусстве и литературе, а также о действенных средствах формирования атеистической убежденности и о критике экстремистских тенденций в некоторых конфессиях.

Было высказано мнение о необходимос-

ти продолжить работу по совершенствованию программы курса «Основ научного атеизма» с целью дальнейшего повышения его философского уровня, углубления принципа историзма. Большого освещения заслуживает историко-материалистическая концепция религии и ее преодоления, диалектико-материалистическая обобщенная трактовка научной картины мира.

В ходе дискуссии было выдвинуто предложение включить новую тему «Атеизм и религия в современной идеологической борьбе» в семинарские занятия, увеличив их продолжительность до 6 часов.

Проект новой программы, одобренный участниками конференции, призван способствовать подъему теоретического и идейного уровня преподавания научного атеизма в высших и средних специальных учебных заведениях и через соответствующую подготовленность молодых специалистов — улучшению атеистического воспитания среди населения городов и сел страны.

На конференции было отмечено, что особого внимания и одобрения заслуживает работа, которую проводят различные кафедры научного атеизма различных вузов по организации конкретных социологических исследований. В процессе формирования у студентов атеистической убежденности применяются разнообразные аудиторные и внеаудиторные формы работы: художественное творчество, музыкальное искусство, проведение праздников, поэтических вечеров, постановка спектаклей, исследовательская работа студентов (УИРС и НИРС, клубы воинствующих атеистов и т. д.). Об этом на конференции рассказывали товарищи О. С. Аржанов (Горький), Р. Н. Данильченко (Москва), Л. Г. Зубенко (Ужгород), П. К. Лобазов, Н. А. Адонин (Одесса), В. В. Турница (Ужгород), В. А. Трескилов (Ижевск), К. С. Синютина (Ярославль), Ю. Н. Свищерский (Тернополь), Н. Р. Аксенов (Челябинск) и др. Необходимо, как говорили участники конференции, накопленный ими опыт сделать достоянием других учебных заведений страны. Для этого целесообразно обеспечить широкое издание тезисов проводимых конференций, выпуски периодических сборников по обмену опытом работы, направленной на формирование атеистической убежденности у молодежи. Необходима и разработка на пятилетие планов проведения научно-практических конференций, о которых заранее знали бы преподаватели вузов.

Всесоюзная научно-методическая конференция одобрила проект рекомендаций, подготовленных оргкомитетом. В них, в частности, говорится, что преподавателям научного атеизма высших и средних специальных учебных заведений изложение проблем научного атеизма и атеистического воспитания необходимо связывать с актуальными проблемами современности; задачами совершенствования общества развитого социализма, сохранения и упрочения мира, идеологической борьбы на международной арене.

40 участников конференции приняли практическое участие в Дне атеиста. Они встретились с рабочими, колхозниками, интеллигенцией Одессы и Одесской области, выступили с лекциями по актуальным проблемам научного атеизма.

В оценке работы Всесоюзной научно-методической конференции ее участники были единодушны: она прошла на высоком идейном и теоретическом уровне.

ЗА ДВЕРЬЮ ЗВЕЗДНОГО ЗАЛА

Большой круг вопросов, причем важных, актуальных, поднял Л. Чульский. Но прежде чем говорить о них, необходимо четко уяснить главную задачу планетария. А она состоит в пропаганде научно-материалистического мировоззрения на материале знаний о Вселенной, Земле, достижений космонавтики.

Как известно, основная форма работы планетария — лекции, которые разрабатываются на основе научных данных. Исходную информацию мы получаем на семинарах, из книг, журналов и газет, сопоставляем и осмысливаем различные гипотезы. Нас интересуют результаты, которые получил ученый в ходе эксперимента, выводы, к которым он пришел, и мы делаем их достоянием широкой аудитории.

В то же время нельзя не согласиться с автором статьи, когда он говорит о наличии в перечне лекций многих планетариев тем, не отвечающих задачам этого учреждения. Однако и здесь есть свое «но». Хотя планетарий должен заниматься популяризацией астрономии и космонавтики, нельзя игнорировать и другие науки. Если грамотно «привлечь», скажем, географическую или медицинскую тему к лекции о космосе, то это только расширит представление о нем. В этом смысле чем шире тематика лекций, тем интереснее будет она для наших посетителей.

В статье «Планетарий: каким ему быть» (1984, № 10) Л. Чульский размышлял об опыте работы этих учреждений и высказывал ряд критических замечаний. О тематике читаемых там лекций, о принципах их отбора, подготовке лекторского актива, об отсутствии единого методического руководства планетариями.

● На занятии астрономического кружка.

Наш специальный корреспондент Ю. Лаговер встретился с директором Новокузнецкого городского планетария А. А. ФЕДОРОВЫМ и попросил его прокомментировать эту статью.

Мы, например, организуем лектории, рассчитанные на аудиторию разного возраста, и стремимся даже конкретную тему увязать с широким кругом вопросов. Так, мы создаем лекторий по геронтологии. Казалось бы, «непланетарная» тема, но увязываем проблему долголетия с охраной здоровья людей, изучением и освоением космоса, мировоззренческим осмыслением этих достижений.

Общемировоззренческая направленность работы планетария открывает двери звездного зала многим темам. Атеистическая проблематика сразу же заняла свое место, не вызвав сомнений в правомерности места «прописки». Требуется, чтобы «непланетарные» темы учитывали специфич-

● Торжественная линейка участников II городского слета юных астрономов

ку планетария, чтобы в нем правильно взяли и точно придерживались этого направления. В этом секрет успеха «непланетарных» тем.

Можно неплохо использовать творческие возможности планетариев и вне их звездного зала.

Мы, к примеру, участвуем в работе постоянно действующего кино клуба «Юный атеист». На мой взгляд, нам удается сочетать тут планетарные задачи и вроде бы «сторонние». Назову лишь одно совмещение проблем, дающее возможность серьезного мировоззренческого разговора, — «Человек, космос, бог», «Наука и религия о происхождении человека», «Мифы и легенды Библии».

Познание Вселенной, освоение космоса — это крупномасштабные направления человеческой деятельности. Именно здесь проходит один из рубежей противостояния материализма и идеализма, науки и религии. Правильное осмысление возникающих в связи с этим вопросов содействует формированию научно-материалистического мировоззрения, атеистической убежденности. Особенность разработки лекций для планетария состоит в общемировоззренческом синтезе различных наук, занимающихся астрономическими и космическими исследованиями. Если исходить из такого понимания, вряд ли можно согласиться с Л. Чульским, когда, например, лекцию «Человек в поисках энергии», читаемую в Кировском планетарии, он относит к разряду «сомнительных». При надлежащей разработке она может стать весьма «планетарной».

Серьезные возражения вызывает такое мнение «пессимиста»: планетарии изживают себя потому, что это «рудиментарный орган системы просвещения и пропаганды». В чем же «пессимист» видит «рудиментарность» планетариев? В особом их положении. Напомним, каком именно. Общество «Знание», говорит он, организует много разных лекций по широчайшей тематике. Но на лекцию об энергетике слушателей не приглашают на электростанцию, а о животноводстве — на ферму... Почему же астрономия должна находиться на особом положении? Действительно, почему? На этот вопрос он отвечает так: «...Потому, что в свое время здесь проходил передний край противостояния науки и религии». Но это время ушло. А пережитком его является и то, что в планетариях непомерно большую долю занимает атеистическая пропаганда.

Во-первых, говоря об энергетике и животноводстве, «пессимист», видимо, смешивает лекцию с экскурсией, которая, кроме рассказа, включает еще и показ. Как известно, эффективность такой формы работы более высока, поскольку лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать. Что же

касается популярных лекций по астрономии и космонавтике, то планетарий — единственное место, где их можно сопроводить демонстрацией звездного неба, слайдов и т. п.

Во-вторых, нельзя согласиться с замечанием «о непомерно большой доле» атеистической пропаганды в работе планетариев. Астрономия и космонавтика отнюдь не перестали быть той областью, где происходит идейный спор с религией. Достаточно вспомнить мистифицируемые буржуазной пропагандой неизученные космические явления, «встречи с пришельцами», достигший невиданных масштабов на Западе астрологический бум...

Нет, не «рудиментарным органом системы просвещения и пропаганды» видится мне планетарий будущего, а передовым научно-просветительным учреждением с широкими перспективами.

Вместе с тем есть еще немало нерешенных вопросов, перерастающих порой для планетариев в серьезные проблемы. Я согласен с мнением «неудовлетворенного», утверждающего, что «соотношение растущих потребностей и наличных возможностей не оставляет места для благоприятной», что «большинство планетариев находится в мало приспособленных зданиях, а оборудование их устарело». Но этим не ограничиваются их проблемы. Так, например, до сих пор таковой является получение научной информации.

Совещания и семинары, на которых, как правило, мы получаем необходимую научно-методическую информацию, проводятся еще редко. На состоявшемся в 1982 году в Новокузнецке Всероссийском совещании директоров планетариев было принято решение о проведении ежегодных научно-методических совещаний. К сожалению, оно осталось на бумаге. Приходится изыскивать средства и возможности для ежегодных командировок 2-3 сотрудников и лекторов в планетарии Москвы, Ленинграда, Киева и других городов страны для обмена опытом.

Другой не менее важный вопрос — это подбор кадров, как руководящих, так и лекторских. Ведь работа в планетарии требует соответствующей подготовки, уровня знаний. Л. Чульский устами «удовлетворенного» отмечает хорошую квалификацию лекторских кадров Йошкар-Олинского планетария. Но это скорее исключение из правила. Так, наш опыт показывает, что те лекторы, которые готовятся при народных университетах общества «Знание», подготовлены слабо.

Серьезным остается вопрос технического оснащения планетариев. В первую очередь, это касается астрономической, проекционной аппаратуры, слайдов. Их мало, а кроме того,

и слайды, и аппараты нередко плохо изготовлены. Изготавливать самостоятельно, положим, слайды мы не можем. Для этого нужны лаборатории, специалисты, а они штатным расписанием не предусмотрены. Я думаю, что такую возможность нужно предоставить хотя бы одному-двум планетариям, что позволило бы получить необходимый минимум иллюстративного материала и всем остальным.

Успешное решение вопросов, стоящих перед планетариями, во многом зависит от инициативы, профессиональной подготовленности, творческого отношения коллектива к своему делу. Но основная причина та, на которую совершенно правильно указывает «неудовлетворенный»: «Почему часть планетариев относится к обществу «Знание», а часть находится в ведении управлений и отделов министерства культуры или местных Советов?» Ведомственная разобщенность и, как следствие, отсутствие централизованного руководства не позволяют координировать работу, комплексно и своевременно решать насущные проблемы. Отсутствие единого научно-методического центра порождает подчас недоразумения и с тематикой лекций.

Нужно признать, что каждый планетарий живет своей жизнью. В одном ради плана устраивают развлекательные вечера, в другом сдают помещения в аренду... Нельзя согласиться с мнением «оптимиста», что «многие беды планетариев... в излишней централизации, сказывающейся на материально-техническом обеспечении, на нормах нагрузки лекторов, проявляющейся в некотором однообразии как тематики, так и самих лекций». Приведу такой пример. Появилась возможность приобрести новые аппараты фирмы «Карл Цейс Йена», но планетарии, находящиеся в ведении Министерства культуры, не могут на них претендовать. Скорее всего, аппараты получают те, что находятся в ведении общества «Знание». Но даже им родная организация оказывает недостаточно внимания.

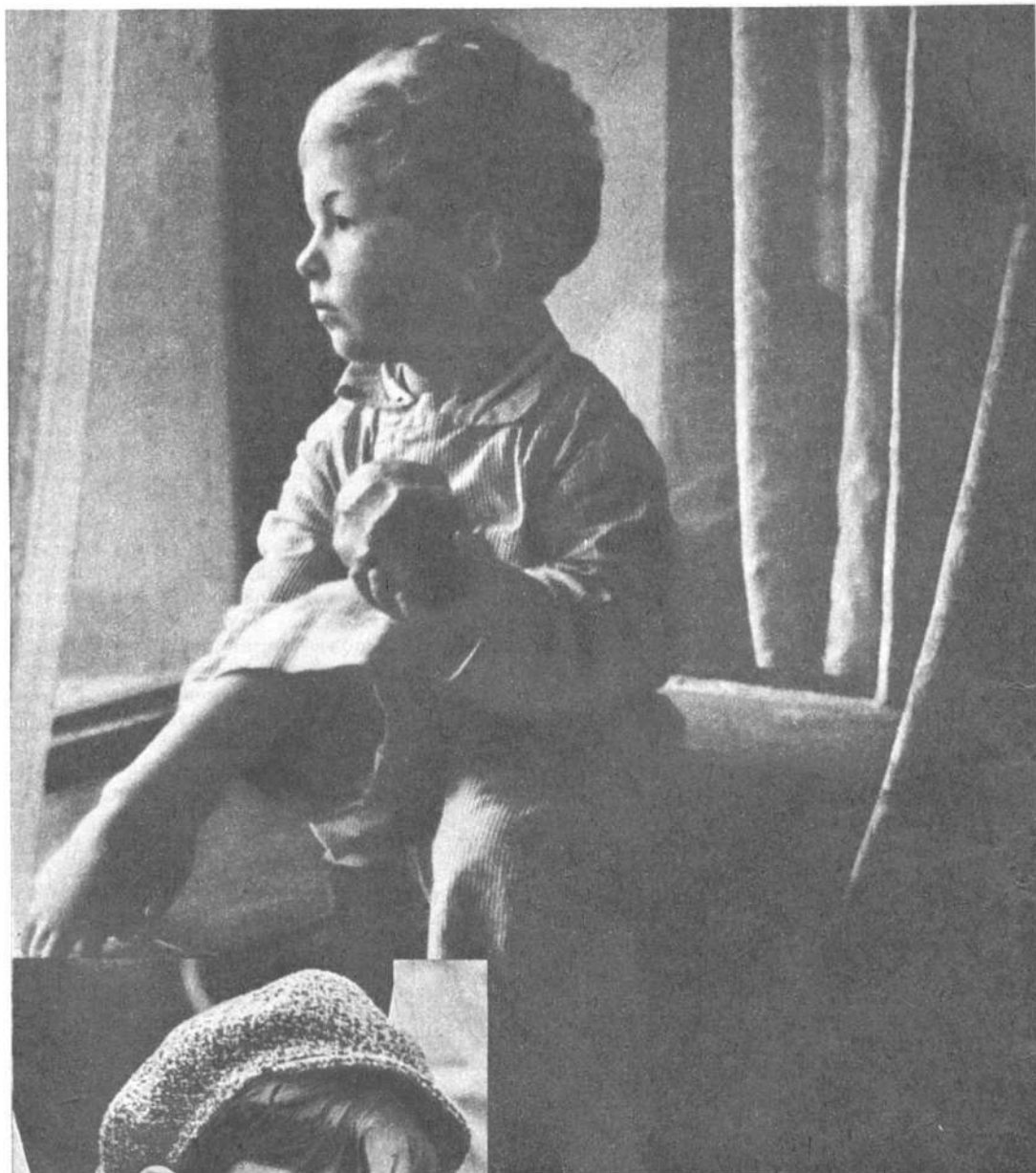
Планетарии на протяжении многих лет успешно справляются со своей основной задачей — пропагандой научно-материалистического мировоззрения. Однако сегодня посетители, культурный и образовательный уровень которых возрос, предъявляют все большие требования. А если учесть, что основная аудитория звездного зала — школьники, то скорейшее решение назревших проблем становится особенно актуальным сейчас, когда проводится школьная реформа.

Я думаю, что ответ на вопрос, вынесенный Л. Чульским в название статьи «Планетарий: каким ему быть?», — в практическом разрешении всех его проблем.

Воспитание доброты, умения сочувствовать и сострадать, жалеть другого человека, особенно того, кто слабее тебя, — важная составная часть системы атеистического воспитания.

Без этого компонента трудно вести последовательную борьбу с религиозной идеологией, только таким образом можно убедительно доказать преимущества нравственности атеистической перед нравственностью религиозной.

Важным звеньям названной проблемы посвящен очерк.

Здесь и запутаться невозможно: вышел из метро, вторая улица направо. Но тогда, в первый раз, мне показалось, что я ошиблась. Странно, что эта зеленая тихая улица с двухэтажными особняками называется Ярославским проспектом.

— Детский дом? — переспросила молодая женщина в сером модном пальто. — Я сама в Ленинграде в командировке, но разве у нас есть еще детские дома?

— Если хотите, я вас провожу, — произнес мальчик очень вежливо, и я подумала о знаменитой ленинградской внимательности. — Мы с ними в одной школе учимся. У нас в классе — восемь детдомовцев.

— Дружите? — спросила я.

Мальчик посмотрел на меня, словно пытаюсь понять, что за этим вопросом кроется, и ответил:

— У нас вообще класс дружный. Я не сдавалась:

— Дома у тебя кто-то из этих восьми бывает по воскресеньям?

— Воскресенье у меня, к сожалению, занято. Спортивная школа и английский язык... Вот мы и пришли. — И он остановился перед зданием начала века, на котором висела вывеска: «Детский дом № 53».

— Думаю, что мы не самый лучший детский дом, но и не худший, — говорит его директор Нина Вячеславовна Чувашова, у которой главная семья — здесь.

Директорский кабинет — напротив лестницы, по которой носятся ребята. Дверь открыта настежь, и, похоже, Нине Вячеславовне это несколько не мешает.

— Нинславна, — заглядывает ху-

дом — сиротство, одиночество. Современное детское учреждение этого типа — беда иная. В 53-м ленинградском детском доме круглых сирот очень мало, у подавляющего большинства мать, отец или оба лишены родительских прав. В шкафчике у Нины Вячеславовны стоят одинаковые папки с личными делами воспитанников, которые им и по окончании учебы на руки не выдают.

«Комиссия по делам несовершеннолетних Кронштадтского исполкома просит лишить ответчицу родительских прав на четверых детей, мотивируя свои искковые требования тем, что она систематически злоупотребляет спиртными напитками и ведет аморальный образ жизни. Дети не имеют кроватей и постельных принадлежностей, спят на полу, пособие,

мы, как можем, заменяем им дом.

...Все дни, проведенные в Ленинграде, не могу избавиться от памяти военного детства, в которое вместе с войной вошли ранее не знакомые слова: эвакуация и интернат. Рязанская деревня, казахский поселок. Треугольники писем, на которых стояли лаконичные адреса полевой почты. Уроки при копилке, комната, заставленная кроватями, надоевшая «затируха» на обед — все было не страшно, потому что — мы знали — будет возвращение домой.

Нина Вячеславовна ведет меня по детскому дому. В столовой накрывают на ужин, на столах скатерти и хорошая посуда. В классной комнате — час самоподготовки. Ребята за партами, воспитательница — за столом. «Миша, как ты сидишь? Сере-

ГОСТИ

Елена БРУСКОВА

ПО ВОСКРЕСЕНЬЯМ

Детство — важнейший период человеческой жизни, не подготовка к будущей жизни, а настоящая, яркая, самобытная, неповторимая жизнь. И от того, как прошло детство, кто вел ребенка за руку в детские годы, что вошло в его разум и сердце из окружающего мира — от этого в решающей степени зависит, каким человеком станет сегодняшний малыш.

В. А. Сухомлинский

денькая маленькая девчужка, — можно, я мамочке позвоню?

— Придешь попозже, — отрезает Нина Вячеславовна, а у меня сердце сжимается.

Чувашова смахивает челку со лба, смотрит куда-то в коридор, в котором безропотно исчезла девчужка, и тяжело вздыхает:

— Не разрешить не могу, и от разговора этого — одно горе. Хорошо, если «мамочка» будет в состоянии к телефону подойти.

Детский дом № 53 называется семейным, потому что в него помещают братьев и сестер. Отдельно — дошкольный корпус, в главном здании — школьники. Старшеклассников немного, после восьмилетки большинство идет в техникумы, в профессионально-технические училища. Надо поскорее становиться на ноги.

В расхожем представлении детский

которое она получает на детей, систематически пропинается».

Те немногие, еще не ушедшие на пенсию воспитатели, которые работали в детских домах после войны, говорят, что тогда им было куда легче. Хотя тогдашние ребячьи судьбы — одна страшнее другой. Но тех воспитанников осиротила война, от которой все страдали. Об их потерях можно было говорить, ничего не скрывая, не придумывая.

А этим, сегодняшним, как объяснишь самое тяжкое из сиротств — при живых родителях? Как скажешь, почему мама на письма не отвечает, а папа обещанный мячик не приносит? Как скроешь от них, что они и до того, как произнесли роковые слова: «Встать, суд идет!» — были для родителей обузой?

— Труднее наших детей, — сказала Нина Вячеславовна, — не бывает. Но

жа, не отвлекайся!» Поднялись на второй этаж.

Двадцать три кровати, покрывала заправлены одинаково, в середине — четыре кресла, диванчик. «Здесь ребята в свободное время играют». На стене — режим дня. Завтрак, школа, прогулки, домашние задания — все по часам. В детском доме есть дети, живущие по расписанию всю жизнь, с дома младенца. Спальни старших поменьше — двенадцать, десять кроватей. Те же подушки уголкам, те же тумбочки, те же шкафы. «Шефы помогли».

На шефах, как и в любых других детских домах, многое держится. Нина Вячеславовна с благодарностью перечисляет организации. Садово-парковое хозяйство, завод «Светлана» и другие заводы и учреждения города. Куда ни кинь — все шефы. Мебель деревянную завезли,

цветной телевизор, кинокамеры и диапроекторы подарили, электроприборы чинят, белить-красить помогают, игрушки покупают. Путевки на лето в санатории, в пионерлагеря — тоже шефы.

Шефы многое могут и многое делают, но родительский дом заметить и они не в состоянии. Вернее так: традиционно сложилось, что от шефов этого и не ждут. Вот и в «Хозяйке детского дома», телевизионном фильме о сегодняшнем детском доме со всеми его проблемами, к шефам тоже идут только за материальной помощью. А по телефону разве позвонит воспитанник шефу? По телефону пытаются позвонить в тот дом, который, вопреки жестокой правде, кажется твоим собственным.

— Вы не поверите, — говорит Нина Вячеславовна, — как ребята быстро забывают плохое, как они готовы все простить. И как надеются, что их домой заберут. Какой бы ребенок ни был, а ему надо время от времени от коллектива отдохнуть. Поэтому мы очень заинтересованы, чтобы они с домашними из их же школы дружили.

Домашними в детском доме называют тех детей, у которых есть семья.

— Получается? — спрашиваю я.

Нина Вячеславовна спохватывается:

— А я вам еще мастерские не показала...

Мы идем в мастерскую через вестибюль. В углу бабушка в старомодной шубке и шляпке держит в руках гранат, и они вместе с внучкой едят по зернышку. Комнаты для гостей, для посетителей в детском доме нет (не только здесь, в других детдомах — тоже), к себе в дом, разоренный спишимся сыном, бабушка повести не может (и по закону права не имеет). Так и сидят на глазах у всех, на ходу, в неуют.

«Заменяем им дом»...

Как это иногда не сходится — наши представления о подростковых проблемах и сама жизнь. Какие тут джинсы, майки и магнитофоны? У них, в детском доме, своя шкала ценностей. Здесь с надеждой смотрят на открывающуюся дверь: не к тебе ли? С грустью провожают тех, кому есть куда уйти. Хотя бы в воскресенье.

Ольга Всеволодовна появилась в детском доме пять лет назад. Так бывает в жизни человека: вдруг заметила на соседней улице дом с вывеской, которая (как и до сих пор многим кажется) вроде бы должна исчезнуть из нашей жизни. И тогда подумала, что кому-то тоже плохо и, может быть, нужна ее помощь, ее забота.

В детский дом время от времени приходят люди со своими хлопотами. Кто сразу говорит, что хотел бы усыновить ребенка, кто сначала хочет подумать, приглядеться. Нина Вячеславовна направила ее в дошкольную

группу, не очень уверенная, что увидит ее вновь. Хотя на усыновление детей очередь, у них чаще всего так случается: узнает человек о действующих законах — братьев и сестер можно усыновлять только вместе — и исчезает.

Но Ольга Всеволодовна приходила так часто, как могла. И когда из жизни ушла беда, которая толкнула ее на Ярославский проспект, она поняла, что оставить ребят уже не может. В те дни она написала подружке: «У меня такое ощущение, что эти дети осознают себя не человеком, а дробью: 1/20, 1/30 от группы. Ведь воспитатель имеет дело с группой, а ребенок чаще всего обращает на себя внимание, когда не моет вместе со всеми руки, медленно одевается, машет другим спать. А его индивидуальные желания? Мы не нашли способа им помочь, этим детям».

Если бы ребята, которым она по вечерам читала книжки, а по воскресеньям водила в парк кататься на каруселях, были голодны или плохо одеты, она бы знала, как им помочь. А они ссорились за право взять ее за руку, бросались к ней во дворе со словами: «А вы знаете, Павлик что выдумал, он выдумал звать вас мамой». Танечка подошла и спросила: «Вы меня любите?» Она, растерявшись, ответила: «И тебя, и всех остальных тоже». И поняла, как ее обидела.

«В городской адресный стол г. Ленинграда. Администрация детского дома просит разыскать родителей ученика первого класса Сухинич Валерия. Отец — Сухинич Виталий Иванович, мать — Сухинич Людмила Александровна. Место пребывания родителей просим сообщить по адресу...»

Пожилая воспитательница, которая сразу стала звать 36-летнюю Ольгу Всеволодовну по имени, сказала с грубоватой простотой: «На всех тебя все равно не хватит». К тому времени Ольга Всеволодовна и сама знала, что самую большую зависть вызывают те немногие ребята, за которыми по праздникам приходят родственники. Вечером дома Ольга Всеволодовна устроила «семейный совет». Предстояло продумать серьезные изменения в их достаточно размеренной жизни — совсем другие, не похожие на прежние воскресенья.

На следующее воскресенье Ольга Всеволодовна повела четырех малышек к себе домой.

— У вас есть сын? — увидев Костю, спросила бесхитрая Наташа. — Зачем же вы тогда взяли нас?

Они ходили по ее спартанской квартире, как по музею. Их все удивляло и приводило в восторг: полки с книгами до потолка, ужин на кухне, разные тарелки, заварной маленький чайник, комната, в которой стояло всего две тахты и подушки лежали «не по форме».

Сначала они не решались спросить, возьмет ли она их еще раз, и хитрили изо всех сил: «Я здесь всегда буду сидеть, можно?», «А на следующий раз я в другую игру буду играть». В конце, когда послушно одевались, чтобы идти в детский дом, Ирочка не выдержала: «Мы всегда будем к вам ходить?» И по-своему растолковав ее уклончивый ответ, вернулась в свою группу с радостным криком: «Нас будут забирать каждое воскресенье!» Ольга Всеволодовна увидела, как героически перенесли эту новость остальные, и подсчитала, что за кухонный стол можно усадить семерых.

Но и на семерых остановиться не удалось. Кого-то воспитатели наказывали за плохую отметку и не пускали к ней в гости, и она брала другого. Приближаясь к детскому дому в следующее воскресенье, Ольга Всеволодовна с ужасом видела, что оделись не семь, а десять человек, и тогда она пообещала взять троих в следующий раз.

Наступило лето, и ребята развлеклись по санаториям и пионерским лагерям. Костя сидел за учебниками, он окончил десятый и поступал в институт. Ольга Всеволодовна вспомнила, что ни разу не провала отпуска отдельно от сына, и пошла в детский дом узнавать, где ее маленькие приятели и когда у них родительский день.

Надо отдать ребятам должное: они не были эгоистичны. За лагерную ограду к ней выбегали с друзьями, с братьями и сестрами. Им хотелось поделиться нечастой радостью: к ним приехали, как к «домашним». Если кто-то из детей заболел и попадал в больницу, по субботам Ольга Всеволодовна их навещала. Иногда оказывалось, что в палате лежит старший мальчик из этого же детского дома, и в очередной раз она появлялась с двумя пакетами. В больнице недоверчиво спрашивали: «Так вы действительно не воспитательница?» и умилялись ее самоотверженности, а она чувствовала себя виноватой. Если бы ее сын, ее Костя лежал в больнице, разве ограничивалась бы она одним субботним посещением?

Ольга Всеволодовна примеряла все на себя и Костю. И от этого становилось труднее. Она уже знала, что стоит за ребячьими рассказами о маминих обещаниях что-то купить, о скором папином приезде и возвращении домой. Обман и предательство. Подлость и безволие. Воспитатели себя ответственными за это не ощущали. Наверное, правильно, они были призваны защищать, оберегать, растить детей. А считать себя виноватыми за чужие грехи? На это ни сердца, ни нервов не хватит.

Ольга Всеволодовна понимала, что заглядеть вину родителей она не может. Но ей казалось, что она может

вернуть ребятам частичку отнятого у них тепла.

«В РОНО Ждановского района заявление»

Настоящим заявлением даю согласие на усыновление дочери Ростовцевой Натальи, рождения 12 сентября 1970 года, любимым гражданином Советского Союза. В дальнейшем никаких претензий с моей стороны предъявлено не будет...

Костя помогал, чем мог: занимался с отстающими по математике, учил музыку, отводил вместе с ней ребят вечером в детский дом. Но главная забота все равно лежала на ее плечах. Попробуйте представить себе: каждое воскресенье у вас семь ребят в гостях. Их надо развлечь, им надо что-то приготовить и покормить.

Но ее не это тяготило. Ольга Всеволодовна мучилась, что она может на воскресенье взять только семь человек.

Кандидат биологических наук, Ольга Всеволодовна в лаборатории, где она работала, пыталась рассказать про «свой» детский дом. Ей казалось: коллеги узнают и бросятся если не в этот, то в дом по соседству. Ее внимательно выслушали, сочувствовали, приносили книжки и игрушки для ребят. Но ее примеру не следовали.

Леность души? Боязнь ответственности? Сложный темп жизни? Не знаю, не знаю... Только заметила, что когда речь заходит о воспитанниках современных детских домов и интернатов, носящих чудовищное название «для детей-сирот и детей родителей, лишенных родительских прав», гнев обрушивается на родителей. Праведный гнев, справедливый, но получается, что он не оставляет места для сострадания детям.

Иногда и Ольге Всеволодовне приходилось слышать, что ее воскресенье — не решение проблемы, что надо в корне менять и детские дома, и отношение общества к таким «родителям». Ольга Всеволодовна и сама понимала, что современный детский дом — сложный клубок вопросов. Но она не ждала, пока кто-то этот клубок разматывает. Она, насколько хватало силы, сама развязывала узелки. И потом, для кого-то детский дом был абстракцией, а для нее — конкретными девочками и мальчиками. Она перестала про это рассказывать...

И опять я возвращаюсь памятью в прошлое. Старая казашка ведет меня с сестрой к себе домой. У нее жесткие, как терки, ладони и молодой голос, произносящий ласковые непонятные слова. Она ставит на стол небывалое по тому времени угощение — колобок масла и лепешки. Мы уплетаем за обе щеки, а она смотрит на нас и говорит внуку, с которым сестра дерется в школе на переменках:

— Скажи, что наши двери всегда открыты.

Чолпан старательно переводит и быстро добавляет:

— Приходите, я больше драться не буду.

Узбекский кузнец, приютивший шестнадцать детей, встал в бронзе на площади Ташкента как память о тысячах других узбекских семей, деливших кров, хлеб и сердце с ребятишками, обездоленными войной.

Что потеряли мы с тех пор? Что приобрели?

Кто думал тогда, что в детском доме привычным будет цветной телевизор, а по воскресеньям — автобус на экскурсию? Но кто мог предположить, что детей осиротит не общее лихолетье, а — стыдно сказать — пьянство. Трудная это проблема, горькая. К нашему состраданию примешиваются злость на безответственных и опустившихся родителей, которые и есть источник детской беды. Но дети-то, дети чем виноваты?

Самую главную заботу взяло на свои плечи государство. Не случайно на одном из заседаний Политбюро ЦК КПСС рассматривался вопрос об улучшении работы детских домов и об увеличении их финансирования. В прошлом году весь огромный Артек был отдан на одну смену воспитанникам детских домов. В «Основных направлениях реформы общеобразовательной и профессиональной школы» записано: улучшать материально-бытовые условия в детских домах, окружать детей всесторонним вниманием и заботой. Деньги, которые идут у нас в стране на содержание детских домов и школ-интернатов, — огромны.

Но самый добрый, самый любимый воспитатель — один на группу. И Нина Вячеславовна не успевает приласкать всех, как бы ни хотелось. Где же найти такого человека, которого можно взять за руку и пойти гулять не туда, куда воспитательница ведет, а куда самому захотелось? Где найти дом, в котором ребенку ответят на вопрос: «Вы меня любите?» Как сделать, чтобы вежливым мальчикам захотелось открыть двери своего дома для одноклассников, у которых на родительское собрание ходит воспитательница?

Есть вопросы, на которые однозначный ответ найти трудно. А не найти нельзя.

Последнее время Ольга Всеволодовна начала записывать кое-что: словечки ребят, свои мысли по этому поводу. Когда Костя рос, не записывала, а сейчас начала. «Натasha идет, взяв за руки меня и Костю, и говорит: «Мы идем совсем как семья. Правда?» И рядом: «Только в раннем детстве закладываются главные сердечные привязанности человека, способность любить, надеяться, верить. Когда обманывают ожидания ребенка, от-

казывая ему в потребности быть любимым, единственным, надо ли искать виноватых, если его сердечные способности оказываются неразвитыми? Каждого из них можно спасти только индивидуальным отношением».

Недавно Тарасих сказал: «Ольга Всеволодовна, ребята не верят, что ДНК — это главный ген». Когда он был поменьше, спрашивал: «А у микробов есть мордочки?» Они растут, теперь им нужны не только ее рука, ее тихий, никогда не повышающийся голос, ее внимательные глаза, а и ее знания, ее вкусы, ее привязанности.

Если бы можно было начать все сначала, она взяла бы любых четырех ребят, чтобы они ходили к ней не по очереди, а каждое воскресенье. Но с начала не начнешь. Теперь у нее тетрабочка, и в ней столбиком, по дням, кто когда приходит. «Люба, Катя, Алеша, Лена, Боря, Юля, Наташа, Ира, Сережа, Витя...» Получается, каждый у нее в гостях в среднем раз в три недели. Мало, ужасно мало.

Весь воскресный день у Ольги Всеволодовны расписан по минутам. И я еле успеваю за ней по недолгой дороге к детскому дому. С того момента, как мы с Ольгой Всеволодовной заходим в вестибюль, жизнь здесь меняется. Семь ребят деловито начинают одеваться: пальто, варежки, шарфы. Старший держит в руках общий мешок с тапочками. Вроде бы ничего особенного не происходит, но уже легла незримая черта. Одни уходили, другие, изо всех сил державшиеся независимо, оставались. И только Оленька не выдержала: — А почему Сережка опять...

— Ты же знаешь, — виновато посмотрела Ольга Всеволодовна, — он не только в гости идет, у него урок музыки.

— Каждое воскресенье? — прошептала Оленька.

Ольга Всеволодовна ничего не ответила. Не слышала, наверное. Но, когда мы вышли из трамвая и во главе с Сережкой, старавшимся показать, как знаком ему этот путь, пошли по осенней улице к ее дому, она сказала, словно продолжая начатый разговор: — Я себе каждый раз кажусь предательницей...

Вечером, после того как Ольга Всеволодовна привела ребят в детский дом и почитала на ночь, она в третий раз, не торопясь, одолевает расстояние от Ярославского проспекта до Гаврской улицы.

Ей бы надо быть счастливой. Так трогательно Сережа сегодня за младшими следил, так смешно они семь пар ботиночек у входа выстраивают, так девочки ее оmlет хвалили, так все смеялись, когда в любимую игру играли. А она счастливой себя не чувствует.

Она вспоминает глаза оставшихся.

Ленинград

РЕЛИГИЯ И ПОЛИТИКА: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

М. МЧЕДЛОВ,
доктор философских
наук, профессор

Университет лектора

В ОПРЕДЕЛЕННЫЕ исторические периоды в тех или иных регионах планеты религия была наиболее распространенной формой общественного сознания, а иногда и довлела над другими его разновидностями. Поэтому во всех случаях, когда речь идет о вере в бога, это так или иначе касается значительных масс населения. Политика, в свою очередь, начинается, как известно, тогда, когда имеет дело с определенными социальными группами, с классами, с народом, и, стало быть, тоже связана с огромными массами людей.

Отсюда ясно, что религия и политика неизбежно должны перекрещиваться. Убедительные свидетельства тому дает как история, так и современность. В работах Маркса, Энгельса, Ленина имеется ряд принципиально важных положений на сей счет. Анализ исторических фактов, всецело подтверждая эти выводы, позволяет нагляднее представить и вычленил основные узлы и направления взаимосвязей религии и политики.

Влияние религии на социально-политическую жизнь через общественные действия ее приверженцев и использование их религиозных чувств и представлений начинается уже с самого возникновения этого антинаучного мировоззрения.

Другой канал влияния религии на политику — целенаправленные действия и интересы самого аппарата церкви и ее деятелей. Если на ранних этапах это был довольно узкий круг служителей культа, проводящих определенную политику и в том же духе ориентирующих свою паству, то сейчас этим занимаются не только многочисленные церковные учреждения, но и всевозможные клерикальные партии и организации, включая детские, молодежные, женские и профессиональные. Они берут под контроль человека, начиная с рождения, и стремятся с ранних лет направлять каждый его шаг. Все крупные конфессиональные объединения на Западе применяют подобные методы воздействия на массы верующих. Мы называем эти организации клерикальными, ибо они используют религию, так сказать, не по назначению. Такое воздействие может иметь различный политический характер (подробнее об этом позже): многое зависит от симпатий и антипатий деятелей церкви, ее светских организаций, интересов верующих, социально-политической обстановки в данном регионе и в мире в целом.

Анализ социальной сути и форм целенаправленного вмешательства именно религиозных деятелей и учреждений в политику дали еще классики марксизма-ленинизма. Уже в одной из ранних работ Маркса «Коммунизм газеты «Rheinischer Beobachter» основательно раскрыта суть социальных принципов христианства, проповедующих «необходимость существования классов — господствующего и угнетенного»; критически рассмотрено как прямое участие религиозных деятелей в политической жизни, так и использование тех или иных верований в весьма далеких от их специфики целях¹.

Разумеется, и форма вмешательства религиозных деятелей в социально-политическую сферу изменялась в зависимости от общественного прогресса, распространения идей секуляризма и атеизма, полевения общественно-политического мнения, активизации освободительной борьбы. В. И. Ленин в работе «Классы и партии в их отношении к религии

и церкви», анализируя ситуацию, сложившуюся в России в начале XX века, например, метко обличал попытки «организовать оглушение народа религиозным дурманом посредством более тонких средств церковного обмана, чем те, которые практиковал живущий в старине рядовой российский «батюшка»².

Наконец, обратим внимание еще на один канал использования религии в сфере политики. Речь идет о том, как сами буржуазные деятели используют религию, ее организации, догматику, нравственные нормы в своих интересах и корыстных целях. Отмеченное направление, также будучи традиционным, в наше время приобрело особую значимость, ибо империалистические заправилы, например Р. Рейган, то и дело жонглируют ссылками на священное писание, пытаются оправдать свои антинародные действия как во внутренней, так и во внешней политике.

Превратившись в господствующий класс и отказавшись от юношеского свободомыслия, буржуазия начинает поддерживать правила: «религия должна быть сохранена для народа». Более того, на нее стали ссылаться при реализации установок класса капиталистов в политике, экономике, морали, во всей идеологии, ибо, как подчеркивал Энгельс во введении к английскому изданию работы «Развитие социализма от утопии к науке», «первым... и важнейшим моральным средством, которым воздействуют на массы, оставалась все та же религия»³.

Начиная с Нового времени буржуазия сознательно использует ее во все новых сферах, в том числе в сфере государственной власти. Этот противоречащий идеям свободомыслия и демократии процесс отметил Энгельс в статье «Положение Англии. Английская конституция»: «государство и церковь совершенно слиты и нераздельны», а господствующая партия защищает это единство и возводит его в один из жизненных устоев государства⁴. Аналогичную ситуацию в Пруссии описал К. Маркс в статье «Заметки о новейшей прусской цензурной инструкции», где он раскрыл, как происходит втягивание религии в буржуазном государстве в политику, чтобы сделать веру опорой государства, и с сарказмом констатировал «фанатическое перенесение религии в политику»⁵.

Наиболее выразительно и емко этот процесс разоблачается в «Манифесте Коммунистической партии»: буржуазия превратила священника в своего платного наемного работника⁶.

С течением времени использование религиозных чувств и настроений верующих в интересах господствующего класса капиталистов приобретает все более изощренные формы. В работе «Социализм и религия» (1905 г.) В. И. Ленин подчеркивал, что «реакционная буржуазия везде заботилась и у нас начинает теперь заботиться о том, чтобы разжечь религиозную вражду, чтобы отвлечь в эту сторону внимание масс от действительно важных и коренных экономических и политических

¹ См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 204—205.

² Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 435.

³ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 317—318.

⁴ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 630.

⁵ Там же, с. 12—13.

⁶ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 4, с. 427

вопросов, которые решает теперь практически объединяющийся в своей революционной борьбе всероссийский пролетариат. Эта реакционная политика раздробления пролетарских сил, сегодня проявляющаяся, главным образом, в черносотенных погромах, завтра, может быть, додумается и до каких-нибудь более тонких форм. Мы, во всяком случае, противопоставим ей спокойную, выдержанную и терпеливую, чуждую всякого разжигания второстепенных разногласий, проповедь пролетарской солидарности и научного мирозозерцания».

Таковы основные каналы взаимодействия религии и политики, хотя в разное время они функционировали неодинаково. И тут хотелось бы обратить внимание на ряд важных обстоятельств.

Во-первых, рассматривая это явление, нельзя абстрагироваться от особенностей эпохи, от общедемократических завоеваний, социально-политического развития, от уровня просвещения и культуры, от степени внедрения в жизнь идей науки и, наконец, от приобщения населения к религии или, наоборот, от распространения в широких массах религиозного индифферентизма и их освобождения от религии. Анализ религиозности, в свою очередь, предполагает дифференцированный подход, ибо в различных слоях она, как известно, различна.

Разумеется, в средние века, когда в Западной Европе, по словам Энгельса, чувства масс были вскормлены религиозной пищей, религиозный фактор в политической жизни играл весьма значительную роль. А если взять те же страны, но уже в Новое время, то здесь наблюдается иная ситуация. Она описана, в частности, в статьях Энгельса «Континентальный социализм» и «Молодая Германия» в Швейцарии», показывающих безрелигиозность французских и немецких пролетариев⁸. Ведь тогда уже им, как и рабочим других западноевропейских стран, была присуща лишь внешняя религиозность, существенно отличавшаяся от средневекового фанатизма.

Во-вторых, при анализе взаимодействия религии и политики важен скрупулезный учет особенностей региона. Взять, например, те современные афро-азиатские страны, где распространены исламские идеи и традиции, и западноевропейские государства, где сильны антиклерикальные традиции секуляризма и свободомыслия. Ясно, что общая социальная и идеологическая ситуация, а следовательно, и возможности проявления клерикальных тенденций в этих регионах будут разные.

В-третьих, при рассмотрении данной проблемы необходимо принимать во внимание и особенности самой религиозной системы.

Анализируя в середине прошлого века освободительную борьбу греческого народа в Османской империи, Маркс на примере православия и ислама высказал ряд метких и очень важных для понимания различных религиозных систем наблюдений⁹.

Главной чертой, отличающей православие от других разновидностей христианства, отмечал тогда Маркс, было отождествление государства и церкви, гражданской и церковной жизни. Византийская империя и церковь переплетались столь тесно, что невозможно изложить историю первой без истории второй. В России наблюдалось такое же отождествление, хотя, в отличие от Византии, церковь здесь превратилась в простое орудие государства и оправдания его внутренней и внешней политики. В Османской империи, писал Маркс, в соответствии с исламскими традициями, византийской теократии была предоставлена возможность разрастись до такой степени, что священник в приходе стал одновременно судьей, старостой, учителем, душеприказчиком, сборщиком налогов, вездесущим фактотумом в гражданской жизни. В результате всеобъемлющая деспотическая опека, контроль и вмешательство церкви пронизывали все сферы общественной жизни.

И сегодня в зависимости от особенностей того или иного вероисповедания клерикализм приобретает обна-

женный или скрытый, воинствующий или относительно либеральный характер.

Однако неизменным и общим для всех конфессий во все эпохи и во всех регионах остается механизм использования религиозного фактора в политике, принципы его обоснования. Как правило, церковные деятели разных направлений применяют сходную аргументацию и примерно одни и те же приемы. Все социально-политические проблемы и пути их решения при этом сводятся к некоей всеобъемлющей социальной этике, которая априори и без всякого на то основания объявляется монополией данной церкви. В результате каждый раз нужные для той или иной религиозной организации экономические, политические, социальные решения обосновываются тем, что они, мол, отвечают требованиям социальной этики, верным стражем которой и призваны, дескать, быть представители данного вероисповедания. Такие приемы — с теми или иными нюансами — характерны для всех теологов и применяются не только для обоснования возможности, даже необходимости религиозного вмешательства в сугубо мирские социальные вопросы, но и для доказательства его благопристойности, возвышенного смысла, гуманности.

При этом результаты, последствия такого вмешательства могут быть разные, потому что одни и те же аргументы, один и тот же идеологический и организационный механизм могут быть использованы как в политически прогрессивных, так и в реакционных целях, как в интересах масс, так и против них. Все зависит от установок и социального состава участников данного движения, от тех конкретных задач, которые стремятся решить они и их руководители.

«Если интересы, нужды и требования отдельных классов скрывались под религиозной оболочкой, то это несколько не меняет дела и легко объясняется условиями времени»¹⁰, — писал Ф. Энгельс. Аналогичные мысли высказывал и В. И. Ленин. Его глубокое обобщение, что «выступления политического протеста под религиозной оболочкой есть явление, свойственное всем народам, на известной стадии их развития, а не одной России»¹¹, служит методологической основой для понимания многих освободительных движений, как исторических, так и современных.

Развивая эти выводы применительно к современным условиям и рассматривая новые, противоречивые явления в мусульманском мире, обосновывая позиции марксистов по отношению к участвующим в этих явлениях социальным силам, XXVI съезд КПСС подчеркнул: «В некоторых странах Востока за последнее время активно выдвигаются исламские лозунги. Мы, коммунисты, с уважением относимся к религиозным убеждениям людей, исповедующих ислам, как и другие религии. Главное в том, какие цели преследуют силы, провозглашающие те или иные лозунги. Под знаменем ислама может развертываться освободительная борьба. Об этом свидетельствует опыт истории, в том числе и самый недавний. Но он же говорит, что исламскими лозунгами оперирует и реакция, поднимающая контрреволюционные мятежи. Все дело, следовательно, в том, каково реальное содержание того или иного движения»¹². Этот тезис помогает понять суть политики, осуществляемой теми или иными кругами не только на Ближнем и Среднем Востоке и не только в рамках мусульманских организаций.

Последнее важно подчеркнуть именно сегодня, поскольку ныне все шире разворачивают свою деятельность левые силы во многих конфессиях и разных регионах мира. Так же, как в свое время исторически прогрессивные ереси, наиболее радикальные круги христианского, исламско-

⁷ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 12, с. 146 — 147.

⁸ См.: Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 42, с. 208, 287.

⁹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 10, с. 130—131.

¹⁰ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 7, с. 360.

¹¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 4, с. 228.

¹² Материалы XXVI съезда КПСС. М., 1981, с. 13.

го и подобного им «социализма» используют свои религиозные объединения для вторжения в политику, выступают против реакции, милитаризма, империализма, опасности термоядерной войны, за мир и социальный прогресс.

Сегодня невозможно разобраться в особенностях идеологии и политики религиозных организаций, абстрагируясь от противоборства идей на международной арене, от попыток буржуазных политиков и идеологов акуне с реакционными клерикалами реабилитировать отживший строй, приостановить победное шествие марксизма-ленинизма по планете, очернить успехи реального социализма. Пропагандистская машина империализма, его политические лидеры неизменно прибегают к использованию клерикализма, декларируя при этом свою бескорыстную защиту «высших» богодухновенных ценностей и стремясь представить основные социально-классовые противоречия нашей эпохи как противоборство коммунизма и религии.

Наиболее откровенно и беспардонно в этом отношении действует нынешняя администрация США. Ее курс на безудержную гонку вооружений, нагнетание международной напряженности и антисоветской истерии обосновывается необходимостью противодействия коммунизму, Советскому Союзу как «средоточию зла», защиты религиозных и гуманистических ценностей от «безбожного марксизма».

Что касается клерикального антикоммунизма, то наряду с примитивными и грубыми нападениями он сейчас пускает в ход и изощренные методы, наукообразную аргументацию, внешне «объективные» констатации и полупризнания, с тем чтобы в конечном счете представить научный социализм ущербным и ложным. Например, весной 1983 года ватиканская газета «Оссерваторе Романо» поместила довольно типичную в этом плане статью «Столетие со дня смерти Карла Маркса». В ней наряду с вынужденным признанием, что «мысль Маркса, несомненно, внесла существенный вклад в освобождение от многих исторических несправедливостей», утверждалось вопреки общеизвестным фактам (победа нового строя в СССР, образование мировой системы социализма), будто «сама история вскрыла утопический характер его учения».

Антикоммунизм, завуалированный «благочестивой» фразой, обладает, так сказать, тем преимуществом перед его светскими разновидностями, что он неизменно претендует на благопристойность, стремится выступить с позиций защитника «попраных прав верующих», принципов гуманизма. Причем фальсификация марксистско-ленинской теории и практики в религиозном вопросе осуществляется как специфически религиозными методами (проповеди, исповеди), так и с использованием всех современных светских средств массовой информации. Разумеется, подобная массивная политическая пропаганда оказывает воздействие на определенные, особенно отсталые, слои населения. Это можно и сегодня наблюдать в повседневной жизни ряда буржуазных стран.

Далее, для всестороннего понимания особенностей взаимодействия религии и политики надо учитывать, что ныне возник целый ряд проблем, которые так или иначе волнуют всех людей (безотносительно к тому — верующие они или атеисты), и что без их анализа не могут быть поняты причины активизации религиозных организаций, их непосредственного и заинтересованного обращения к политике. Речь идет, в первую очередь, о термоядерном оружии, об угрозе новой мировой войны, чреватой колоссальными потерями, равно как и об опасностях экологического кризиса, о нехватке на планете пресной воды, свежего воздуха, зеленых массивов и т. д.

Обращение религии к политике в наши дни нельзя правильно понять и без учета последствий научно-технической революции, которая вносит много нового в быт, сознание, ритм и образ жизни не только каждого человека, но и всех народов.

Именно поэтому ученые-марксисты, выступавшие в последнее время с целым рядом содержательных работ на

эту тему, обращают в первую очередь внимание на названный здесь круг новых проблем.

Другая важная цель таких исследований — раскрыть причины активизации религиозных организаций и клерикальных сил. Но и тут нужен конкретный анализ.

В самом деле, наряду с активизацией религии и церкви, в целом их позиции в мире под натиском современной цивилизации неуклонно ослабевают. О кризисе религии существует большая литература, статистические данные, признания конфессиональных деятелей. Весьма показательны соглашения о пересмотре известного конкордата 1929 года, недавно подписанное между Ватиканом и Италией. Согласно этому акту теперь даже здесь католицизм перестал быть господствующей религией и юридически положен конец дискриминации неверующих.

Любой объективный анализ массовых движений, выступающих под знаменем того или иного вероучения, их политической направленности и идейных обоснований предполагает учет социальных и идеологических условий, в которых они развиваются.

Так, к давно исследованной марксистской теорией социальным корням религиозности в капиталистическом обществе ныне наряду с крайним обострением социально-экономических противоречий империализма добавились еще и такие факторы, как угроза термоядерной войны, экологический кризис, бездуховность, настроения страха, отчаяния, разочарования и массовые стрессы. Под влиянием всего этого некоторые люди пытаются искать иллюзорные пути спасения от бездушного мира, обращаясь к мистике, «новым» культам и т. д.

Значительный подъем национально-освободительного движения в послевоенный период в странах Азии и Африки, распад мировой колониальной системы, образование и утверждение молодых государств были бы немыслимы без социального пробуждения и постепенного приобщения к политике громадного большинства населения этих стран. А поскольку массовой разновидностью общественного сознания там пока еще остается религия, она неизбежно становится средством выражения социальных и национальных чаяний. В других идеологических формах эти устремления, видимо, на данном этапе не могут быть не только сформулированы, но и поняты. Кроме того, деколонизация сопровождалась ростом влияния ислама на политическую жизнь бывших колоний еще и потому, что ненавидимые захватчики исповедовали иную веру, а нередко и насильственно насаждали ее. Естественно, движению за национальную самостоятельность и свободу сопутствовало обращение к «своим» (мусульманским, индуистским, буддистским) традициям и установлениям, противопоставляемым христианской морали завоевателей.

Конкретного подхода требует и религиозная ситуация в странах социализма. Ведь очевидно колоссальное различие, скажем, между буржуазно-апологетическими (нередко прямо антикоммунистическими) проповедью и действиями многих звеньев духовенства в буржуазном обществе и позицией подавляющего большинства священнослужителей при социализме, лояльно относившихся к нему, что обусловлено успехами коммунистического строительства, упрочением позиций марксистско-ленинской идеологии, отходом значительной части населения от религии, приверженностью верующих к новому строю. В этом плане в каждой из братских стран существует специфическое положение, зависящее от ее исторических особенностей, международной обстановки, степени активности тамошнего духовенства, наконец, от последовательности проведения политической линии в религиозном и в других вопросах. Ее принципы, как известно, были сформулированы еще В. И. Лениным, который учил не выпячивать религиозный вопрос на первое, отнюдь ему не принадлежащее место, а бороться за создание таких условий, когда будут устранены экономические, мате-

риальные, социальные и идеологические предпосылки, делающие возможным участие религиозных деятелей в мирских делах, в том числе и в политике.

Вместе с тем опыт социалистического строительства показывает, что периоды кризиса и оживления контрреволюционных элементов в отдельных странах (Венгрия — 1956, Чехословакия — 1968—1969, а позднее — Польша) характеризуются значительной активизацией клерикальных сил, усилением нажима на них зарубежными империалистическими кругами. И наоборот — антисоциалистические акции правых религиозных деятелей резко идут на убыль в ходе консолидации и упрочения нового общества. Любое же ослабление его единства, ошибки в практическом осуществлении принципов социализма неизменно льют воду на мельницу контрреволюции, в том числе и выступающей под благочестивым камуфляжем.

Реалистический анализ взаимоотношений религии и политики должен сегодня учитывать и основательную модернизацию религиозных систем, которая наблюдается в наши дни. Ведь только за последние десятилетия они претерпели большую эволюцию, чем за предшествующие века. Причины такого обновления достаточно глубоко раскрыты в марксистской литературе. Это и социальный и научный прогресс, и успехи реального социализма, и подъем классового, общедемократического, национально-освободительного движения. Позиции религии подтачиваются и социальным пробуждением широких масс верующих, их участием в активной деятельности по переустройству мира на справедливых началах. Взять, например, развитые капиталистические страны, где долгое время выступления рабочего класса, трудящихся в защиту своих насущных интересов не только не «санкционировались» христианами церквями, но и противоречили их социальным доктринам, политическим теориям и практике. Это привело к неизбежному разрыву масс с традиционными религиозными установками.

Для правильного понимания современной взаимосвязи религии и политики важно учитывать и то, что в сознании верующих, как показывают проведенные в капиталистических странах конкретные исследования, ныне преобладают идеи социально-политического характера. По данным католической газеты «Круа», в частности, большинство верующих французов прежде всего озабочено ростом социального неравенства. Такие сдвиги в массовом религиозном сознании постепенно воздействуют на идеологию и политическую практику церквей. Например, человек, прежде изображавшийся богословами преимущественно грешником, в наши дни трактуется ими достойным всяческого уважения. Равным образом покорность, считавшаяся ранее первейшей христианской добродетелью, уступает место стремлению к активной деятельности, чувству ответственности перед нынешним и будущими поколениями.

Разные формы и уровни религиозного сознания, видоизменяясь под влиянием окружающей действительности, тем самым способствуют эволюции самих конфессиональных объединений и их политики. Глубоко анализируя подобные явления, Ф. Энгельс в свое время подчеркивал, что «даже самый последовательный христианин не может вполне эманипироваться от условий нашего времени; время принуждает его вносить изменения в христианство...»¹³.

Все религиозные направления вынуждены учитывать сдвиги, происходящие в религиозном сознании, и давать новые трактовки традиционных догматов. Так, разные церкви теперь всячески стремятся продемонстрировать приверженность идеям справедливости, мира, избавления от личного и коллективного зла. Все более явным становится стремление религиозных модернистов связать свои концепции с общечеловеческими, гуманистическими устремлениями, земными ценностями и надеждами.

Такие тенденции можно наблюдать в Европе и Азии, Америке и Африке, в конкретной деятельности христианских, исламских, буддистских и иных конфесси-

ональных объединений. Модернизм у них проявляется буквально во всем — от упрощения и удешевления традиционных ритуалов и треб до выработки новой позиции по отношению к рабочему и национально-освободительному движению, к научному и техническому прогрессу, к проблемам войны и мира, к демографии и экологии, к буржуазной власти и т. д.

Разумеется, социальный эффект и реальные политические последствия подобных модернистских новшеств различны в зависимости от сферы их проявления. Так, если в политике они носят преимущественно позитивный характер, то в собственно религиозных вопросах укрепляют позиции антинаучного мировоззрения.

Для правильного понимания рассматриваемых здесь взаимосвязей крайне важны и наблюдаемые ныне перемены в отношении церквей к наиболее животрепещущим проблемам современности, в первую очередь к вопросам войны и мира. Учитывая настроения широких масс верующих, да и реалистично оценивая ситуацию, руководители различных религиозных организаций все чаще выступают в защиту мира, против бессмысленной гонки вооружений, особенно средств массового уничтожения. Характерно, что в самое последнее время пацифистские призывы стали раздаваться и там, где еще недавно основным злом объявляли лишь теорию и практику социализма. Большой резонанс, например, получило принятое в начале мая 1983 года в Чикаго национальной конференцией католических епископов США послание, требующее немедленного прекращения испытаний, производства и развертывания новых систем атомного оружия. В резком противоречии с позицией администрации Рейгана послание констатировало: поскольку ядерная война — самая зловещая угроза, с какой когда-либо сталкивалось человечество, невозможно представить ситуацию, «в которой можно было бы оправдать преднамеренное развязывание ядерной войны независимо от того, сколь бы ограниченными масштабы она ни носила»¹⁴.

Разумеется, марксисты-ленинцы, да и все прогрессивные люди, с уважением и пониманием относятся к любой пацифистской деятельности конфессиональных объединений, поддерживают выступления священнослужителей за разрядку, в защиту мира, против угрозы термоядерной войны. В таком духе неоднократно высказывались русская православная церковь, представители других христианских конфессий, ряд буддистских, мусульманских и индуистских деятелей. Разумеется, духовенство при этом опирается на определенную религиозно-нравственную аргументацию, которая не может не вызывать возражений с точки зрения научного, материалистического понимания сути общественно-исторических явлений и событий. Однако важно то, что такие священники искренне и активно участвуют в благородной антивоенной деятельности, убеждены в своей моральной ответственности перед человечеством. А решение животрепещущих глобальных проблем требует неустанного объединения усилий всех людей доброй воли независимо от их мировоззрения.

Анализ характерных особенностей участия церквей в политической жизни буржуазного общества неизменно подводит к вопросу о социально-политической функции религии. Он тем более актуален, что сегодня, в особенности среди латиноамериканского духовенства, активизировались левые течения, проповедующие «теологию освобождения», «теологию революции» и тому подобные концепции и выступающие в защиту эксплуатируемых, политически и социально бесправных, против фашизма, милитаризма, олигархии, за элементарные права трудящихся на хлеб, работу, мир, социальную и национальную свободу. Священнослужитель, сменивший распятие на

¹³Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 1, с. 488.

¹⁴Более подробно об этом см. в статье Н. Ковальского «Расширение антивоенной борьбы». «Наука и религия», 1983, № 7.

винтовку, — нередкое явление там, где идет напряженная национально-освободительная борьба (Латинская Америка, ряд регионов Азии и Африки). Такие «мятежные пастыри» выдвигают весьма радикальные трактовки вероучений, все больше расходясь с политикой своих церквей. По мнению «теологов освобождения», религия должна стать освободительной силой, а духовенство — выступать за соблюдение прав человека, быть солидарным с борющимся народом и видеть цель этой борьбы в создании нового общества, построенного на началах справедливости и братства.

Но пока такие течения в лучшем случае лишь терпят в рамках официальных церквей. Ватикан же, например, в документах, подготовленных по поручению папы главой конгрегации вероучения (бывшая инквизиция) кардиналом Ратцингером, вообще недвусмысленно осудил «теологию освобождения» как «марксистскую ересь», несовместимую с принципами христианства. Святой престол преследует одного из наиболее известных представителей этого направления бразильского богослова Леонарду Бофу.

Что же касается церковной идеологии и практики в буржуазных странах, не говоря уже о неизменной сути любой религии, то при всех различиях между конфессиональными направлениями и при всех происходящих в них процессах модернизации в основе религиозных социальных доктрин в конечном итоге неизменно лежит утешительство, отказ от революционного преобразования общества, этический реформизм.

Правда, в последние годы руководители ряда клерикальных организаций капиталистических и развивающихся стран все энергичнее выступают против непосредственной и открытой связи религии с буржуазным строем. Этот своеобразный политический индифферентизм в первую очередь вызван тем, что ныне у широких слоев верующих открылись глаза на агрессивный, антигуманный характер капитализма и они уже отказываются мириться с несправедливостью и угнетением.

Для конфессиональных объединений, действующих в буржуазном обществе, ныне характерно также стремление выглядеть «третьей силой», одинаково не приемлющей как капитализм, так и коммунизм. Эта тенденция особенно проявляется в развивающихся странах, где церковь не может не считаться с тем, что массы верующих и часть духовенства участвуют в национально-освободительном движении, выступают за социальное и национальное освобождение.

«Создание рая на земле важнее для нас, чем единство

мнений пролетариев о рае на небе»¹⁵, — учил Ленин. Следуя этому указанию, важно крепить и расширять единство действий с верующими массами во имя демократии и социального прогресса, для совместных выступлений против монополий, угрозы войны и ядерной смерти, разгула фашизма и расизма. Как известно, эти вопросы неоднократно обсуждались на национальных и международных форумах коммунистов.

Особого внимания требует установление единства действий с верующими трудящимися развивающихся стран. В заявлении, принятом на встрече представителей коммунистических и рабочих партий арабских стран, состоявшейся в Дамаске (1981 г.), отмечалось, что ради достижения общих целей в борьбу против империализма, социального гнета и коррупции, за сохранение национальной независимости вовлекаются широкие общественные слои, в том числе и политические движения под исламскими лозунгами. «Наши партии, — подчеркивалось в этом документе, — а то же время предупреждают, что империалисты и их пособники хотят использовать реакционные слои и движения, прикрывающиеся религией, для подрыва национального единства, насаждения антикоммунизма и вражды ко всякому социальному прогрессу, для разжигания религиозно-общинной розни»¹⁶.

Важность укрепления союза трудящихся безотносительно к их мировоззренческим позициям, настоятельную необходимость сотрудничества всех демократических и пацифистских сил трудно переоценить в наше время, когда по вине американского империализма и его союзников по НАТО так обострилась международная обстановка.

Налаживание совместных действий с религиозными деятелями и организациями, стоящими на политически прогрессивных позициях, — отнюдь не препятствие для открытого и бескомпромиссного разоблачения политики правых клерикалов, их связей с реакцией, расизмом, фашизмом, империалистическими спецслужбами и т. д. Реакционный клерикализм, особенно клерикальный антикоммунизм, чем бы он ни прикрывался — зеленым знаменем ислама, премудростями Торы или «гуманистическими» христианскими проповедями, — следует открыто и аргументированно разоблачать. Именно этого требуют интересы социального прогресса в наше время.

¹⁵ Ленин В. И. Поли. собр. соч., т. 12, с. 146.

¹⁶ «Правда», 5 июля 1981 г.

«За мир и безопасность народов»

ДОКУМЕНТЫ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКИ СССР

Наш журнал уже информировал читателей (1984, № 7) о выходе в Политиздате первого тома этой систематической публикации, содержащего документы 1966 года.

В конце 1984 года вышел второй том (в двух книгах). В нем помещены внешнеполитические акты СССР за 1967 год, представляющие собой реализацию миролюбивого курса, выработанного XXIII съездом КПСС, и отражающие настойчивую борьбу нашей страны за разоружение, разрядку напряженности и расширение международного сотрудничества.

Важное значение имело участие КПСС в Конференции европейских коммунистических

и рабочих партий в Карловых Варах (апрель 1967 г.), подчеркнувшей настоятельную необходимость созыва международного совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе.

Том содержит тексты важнейших международных соглашений, выработанных и принятых по инициативе СССР и направленных на избавление народов от угрозы новой мировой войны и бремени гонки вооружений. Среди них — Договор о принципах деятельности государств по исследованию и использованию космического пространства, запрещающий размещение там ядерного и других видов оружия массового уничтожения. Отражены активные выступ-

ления советской делегации за достижение договоренности о нераспространении ядерного оружия в Комитете по разоружению и инициатива СССР о включении в повестку дня Генеральной ассамблеи ООН вопроса «О заключении Конвенции о запрещении применения ядерного оружия».

В документах запечатлена политическая линия и практические шаги, предпринятые советским руководством с целью пресечения экспансии Израиля на Ближнем Востоке.

Как и в предыдущем томе, публикуемые документы показывают роль широких народных масс, всех людей доброй воли, в том числе верующих и священнослужителей, в борьбе за мир, которому угрожает агрессивная политика империализма во главе с США, против развязанной ими гонки ядерных вооружений, за запрещение атомного оружия.

Предварительный заказ на это издание можно оформить в книжных магазинах.

Четыре с половиной века украшает Москву Покровский собор, подобно Кремлю и Красной площади ставший символом древнего города.

Сколько событий он был свидетелем! Нашествия завоевателей и чествования российских царей, «морозные поветрия» и пожары, победные возвращения русских войск и казни народных героев — многое помнит собор.

Хранит он и память о важнейших свершениях русской истории, во славу которых был сооружен.

Через сто лет после Куликовской битвы великим «Стоянием на Угре»¹ покончила Русь с 240-летней зависимостью от Золотой Орды. Государство, некогда основанное кровавым Батыем, распалось на несколько ханств, Казанское и Астраханское были среди них наиболее могущественными. Соседство с ними дорого обходилось русскому народу. Постоянные набеги разоряли пограничные области Московского государства, надолго оставляя их безлюдными. Нередко ханские отряды проникали в глубь Руси, доходив даже до Москвы. Тысячи людей угоняли в плен.

Поволжские ханства мешали молодому русскому государству ликвидировать остатки феодальной раздробленности, закрывали торговые пути на Каспий, на Восток. Попытки обезопасить границы и открыть торговые пути с помощью мирных договоров оставались безуспешными.

Походы на Казань предпринимали и Иван III, и Василий III, но взять хорошо укрепленный город не удавалось. Два похода на Казань в 1547—1550 годах, уже в царствование Ивана IV, также не достигли цели.

Готовясь к третьему походу, молодой царь почти напротив Казани, близ устья Свияги — притока Волги, строит город-крепость Свияжск. Опираясь на него, в конце августа 1552 года 150-тысячное русское войско начало осаду Казани.

Тем временем в Арский лес, в обход Московскому войску был послан большой отряд во главе с князем Епанчёю. Конники должны были напасть на русских с тыла и уничтожить их обозы. Русские воеводы разгадали план противника. Конница попала в засаду, русские очистили лес. Эта первая победа 30 августа 1552 года вдохновила русских воинов. Но подготовка к штурму все же была долгой и трудной. Лишь 2 октября, на рассвете, взорвав в двух местах стены, в город с барабанным боем ринулось русское войско. Ни пули, ни стрелы, ни кипящая смола не остановили его. Иван IV сам встал под боевые знамена и повел полки на штурм крепости.

2 октября 1552 года стало днем падения Казани. В палатах Крем-

“НЕ ВИДЫВАЛ НИЧЕГО ЕЙ ПОДОБ- НО- ГО”

С. ГАЛАЕВА

● Так изображен собор в книге «Путешествие А. Оленина в Московию» [XVII в.].

левского дворца царь, которого стали сравнивать с Александром Невским и Дмитрием Донским, устроил пышные празднества, щедро раздавал награды воеводам. Сразу же было решено соорудить памятник, который запечатлел бы на века великую победу.

В отличие от европейских государств, где уже была традиция возведения скульптурных монументов, Русь свои победы знаменовала строительством церквей.

Примечательно, что место для нового собора выбрали не в Кремле, а за его стенами. Собор начали строить рядом с шумной площадью — центром городского торга. В то время ее называли «Пожар», а в XVII веке переименовали в Красную, красивую. Такое расположение собора должно было подчеркнуть всенародный характер одержанной победы. Вначале по традиции соору-

дили так называемую обетную церковь: царь Иван Грозный не мог предвидеть, на какой день церковного календаря придется падение Казани, и, как можно предположить, накануне третьего похода дал обет — в случае успеха построить в Москве церковь Троицы².

Ее строительство было завершено весной 1553 года. Позднее вокруг Троицкой церкви построили еще семь деревянных церквей — в память о важнейших этапах казанского похода. Но такие храмы не соответствовали ни значению события, ни величию победы, памяти которой были посвя-

¹«Стояние на Угре» — военное столкновение между золотоордынским ханом Ахматом и великим князем Иваном III на р. Угре, притоке Оки, в районе Калуги, завершившееся бегством ордынского войска и ознаменовавшее окончательное освобождение Руси от золотоордынского ига.

²По некоторым источникам, Троицкая церковь стояла здесь и ранее.

щены. Вот почему два года спустя их разобрали. На их месте началось строительство каменного собора. Он был назван Покровским, в честь дня падения Казани. Правда, дело не обошлось без некоторой натяжки. Как известно, Покров пресвятой богородицы приходится на 1 октября, Казань же пала на следующий день.

Покровский собор строили с 1555 по 1561 год. К тому времени и Астраханское ханство признало себя побежденным и было присоединено к России — таким образом новый храм стал памятником покорения обоих ханств.

Немного имен древних зодчих знаем мы сейчас, однако Покровскому собору повезло. Рукописный сборник XVII столетия, найденный в конце XIX века, сообщает: «дарова ему (Ивану Грозному. — С. Г.) бог дву мастеров русских, по реклу (по прозвищам. — С. Г.) Постника и Барму, и быша премудри и удобни таковому чудному делу»³.

О Барме, кроме краткого упоминания в рукописных сборниках, не сохранилось никаких сведений. Барма — это прозвище, бывшее довольно распространенным на Руси. Возможно, зодчий получил его за трудолюбие: на одном из северных диалектов «барма» означает «пчелка». Некоторые историки считают, что именно он был главным творцом собора. О другом зодчем — Постнике Яковлеве известно больше. Уроженец Пскова, где к XVI веку был накоплен большой опыт каменного строительного дела, Постник руководил восстановлением крепостных стен и башен, сооружением православных церквей в покоренной Казани. Творениями Постника Яковлева считают Благовещенский собор и Надвратную церковь Северной стороны Казанского кремля, Успенский собор и Никольскую церковь в Свияжском монастыре.

Перед создателями Покровского собора была поставлена необычная и сложная задача: вокруг центрального храма соорудить еще семь — в ознаменование основных событий похода и покорения Казани, посвятив их тем православным святым, в дни празднования которых эти события совершались. Но нельзя было, не нарушая законов симметрии, расположить семь приделов вокруг одного храма. Барма и Постник решают строить собор «не яко ж повелено им, но яко... разум даровася им в размерении основания»⁴, и окружают центральный храм не семью, а восьмью приделами. Художественно-рационалистические соображения одержали верх над предписаниями церквя.

Все девять храмов были поставлены на один высокий подклет с открытой террасой. В центре — церковь Покрова, столпообразный храм с шатровым

покрытием, завершенным маленькой главкой. Вокруг нее, по четырем сторонам света, высятся церкви башенной формы, увенчанные луковичными главами на барабанах. Они напоминают башни городских оборонительных укреплений. Между ними расположились приделы меньшей высоты.

Каждый из восьми приделов имеет свое название. Церковь Александра Свирского и Трех (константинопольских) патриархов — во славу победы, одержанной 30 августа над князем Епанчю. Церковь Григория Армянского — в память о захвате 30 сентября Арской башни и победы на Арском поле. Церковь Киприана и Иустины — в память о взрыве крепостных стен и падении Казани 2 октября.

Внутреннее убранство храма не соответствует его пышной наружной декорировке. Пространства церкви невелики: самая большая — церковь Покрова — имеет площадь всего 49 квадратных метров, а остальные — от 15 до 26. В большинстве приделов стены побелены. До наших дней сохранилась часть фресковой росписи «под кирпич», а реставрационные работы последнего времени обнаружили фрески XVI века с изображением ложных окон, кокошников, ромбов.

Храм никогда не имел четко выраженного фасада. Главным считался западный вход. Он вел в собор со стороны Кремля через западный придел, который называли «Входом в Иерусалим» (Иерусалимом иногда называли и весь храм). Нетрудно представить, как поражал этот нарядный каменный собор воображение современников: город оставался почти сплошь деревянным до конца XVII века. В альбоме «Москва», изданном в 1913 году, мы находим такое описание столицы при царе Алексее Михайловиче: «Там, где теперь Трубная площадь, царил невылазная грязь... по улицам стояли лужи, где плавали утки и раздавалось кваканье лягушек». В 1681 году вышел царский указ о том, чтобы у стен Китай-города и Белого города вместо сгоревших деревянных хоромин строить каменные здания. Однако этот указ не преодолел вековую привычку бояр и иного люда жить в деревянных строениях.

Кирпич, из которого возвели собор, был во время его строительства сравнительно новым материалом. Кроме него, использовали белый известковый камень (из него выполнены фундамент, цоколь и некоторые декоративные детали), а также черепицу, кафель и железо.

Как бы желая напомнить, что собор сооружен из кирпича, строители написали его сверху донизу «под кирпич». На его красном фоне эффектно выделялся белокаменный декор.

Покровский собор все четыре столетия своего существования изумляет тех, кто видит его впервые. Датский принц Иоанн-младший, прибывший в Москву в начале XVII века, писал об этой церкви: «Хоть и полагают, что она построена по образу храма Соломонова, но я не видывал ничего ей подобного, ни равного». Полвека спустя голландский путешественник Ян Стрейс, которого судьба занесла даже на острова Индонезии, сказал о Покровском соборе: «Перед дворцом (так иностранцы путешественники часто называли Кремль. — С. Г.) стоит богато и искусно построенная церковь, каких я не видал в своих путешествиях...»⁵. «Как изобразить это здание, самое непостижимое и чудное, какое только может произвести воображение человека!» — воскликнул французский путешественник Дарленкур, посетивший Москву в 1843 году.

Сказочный облик храма, его причудливое убранство были настолько необычны, что стали возникать гипотезы об иностранном, в частности восточном, происхождении его архитектурного облика. А один из историков прошлого столетия писал, что здесь смешаны мавританский, готический, ломбардский, византийский и индийский стили. Но при изучении храма все, что казалось загадочным и случайным, объясняется естественным развитием русского зодчества.

В XV — XVI веках в столице крепнущего и развивающегося Московского государства разворачивается обширное храмостроительство. Москва приглашает артели мастеров с берегов Северной Двины, из Поморья, из Приуралья — из краев, где искони развивалось и процветало деревянное зодчество. Из Новгорода и Пскова прибывают мастера каменного дела. Эти древнейшие русские города не пострадали от монголо-татарского нашествия и золото-ордынского ига, и к XVI веку их зодчие и строители накопили богатейший опыт каменного строительства.

Известный историк И. Е. Забелин в начале нашего века первым вывел архитектуру Покровского собора из композиций деревянных храмов, преобладавших на Руси вплоть до XVI столетия. «Русские люди, — писал он, — настолько хорошо усвоили себе строительное дело, что к началу царствования Ивана Грозного основательно выработали свой самобытный своеобразный русский стиль церковных построек, превращая староза-

³Цит. по: Снегирев В. Л. Памятник архитектуры храм Василия Блаженного. М., 1953, с. 34. В поздних справочниках и энциклопедиях появилось написание Постник.

⁴Снегирев В. Л. Памятник архитектуры храм Василия Блаженного, с. 34.

⁵Там же, с. 132.

ветные типы и образцы своих деревянных строений в кирпичные сооружения»⁶.

По мнению многих исследователей среди прообразов Покровского собора храм Вознесения в селе Коломенское и Иоанна Предтечи в Дьякове, возведенные во второй четверти XVI века.

Высокий подклет, столпообразная форма с шатровым завершением храма Вознесения, а также декоративные детали и композиция из четырех восьмигранных столпов вокруг более крупного пятого в Дьяковском храме — все это было блестяще использовано и обогащено русскими зодчими Бармой и Постником.

Они создали храм, в котором уже известные элементы архитектуры образуют уникальный, композиционно завершенный ансамбль, причем каждая из церквей остается своеобразной и не похожей на другую.

Любуясь этим чудом искусства, невольно думаешь о том, как в сущности безосновательны утверждения православных богословов о том, что храм — это «небесный дом», «образ неба на земле». Трудно подыскать более убедительное опровержение этих благочестивых измышлений, чем Покровский собор, судьбой и обликом органически связанный с жизнью русского народа, корнями уходящий в глубинные пласты русской истории и русского искусства.

Примечательно, что за все время существования Покровский собор не имел существенного культового значения, оставаясь преимущественно мемориальным сооружением. Церковная служба в соборе велась по одному разу в год в каждом приделе, в день памяти того святого, которому был посвящен придел. Исключение составлял праздник покрова, когда были открыты все приделы. В зимнее время службы в храме не было, так как он никогда не отапливался, а с конца XVIII века во всех приделах, кроме одного — Василия Блаженного, служба совсем прекратилась.

Храмом Василия Блаженного Покровский собор стали называть после 1588 года, когда к нему пристроили придел Василия Блаженного. Эта пристройка, к счастью, не нарушила стилистического единства церкви. Сооружен придел был в честь популярного юродивого.

Василий Блаженный⁷, которого церковь впоследствии провозгласила святым, умер 2 августа 1552 года и был похоронен на кладбище неподалеку от рва, проходившего перед Кремлевскими стенами (его уничтожили после эпидемии чумы 1656 года). Останки юродивого, объявленные «чудотворными мощами» в 1588 году, торжественно перенесли в только что построенный в его честь придел.

У Покровского собора в

● Внутренние галереи храма. Травчатые орнаменты.

● Современный вид собора. Фото В. Пискунова.

праздничные дни раздавали милостыню многочисленным нищим. Расходясь по всем концам города, они разносили молву о целебной силе мощей Василия Блаженного и со временем москвичи стали называть этот собор именем юродивого, а нищих — «васильевскими».

Как во всякой христианской церкви, в Покровском соборе много говорили о «чудесах», связанных с житием святых, юродивых, не задумываясь над тем, что чудом является сам собор, истинным чудом, гениальной архитектурной загадкой, которую пытались разгадать в течение нескольких веков, гимном фантазии и труду русских зодчих и мастеров.

Как, например, удалось возвести такое здание без математических расчетов и графического проекта? Ведь известно, что математические расчеты устойчивости архитектурных сооружений в России стали применять не ранее XIX столетия. А графические проекты Россия узнала лишь к концу XVII века, причем их выполняли иностранные специалисты.

В практике древнерусских зодчих чертеж заменяло словесное определение форм и размеров возводимого

здания. Детальные указания зодчий давал мастерам в процессе работы, оставаясь руководителем строительства вплоть до его окончания. Строительное дело часто было семейной, наследственной профессией; премудрости, секреты и навыки его передавались от одного поколения другому.

Однако это не значит, что древнерусские зодчие строили «на глаз». Им помогали небольшие деревянные модели возводимого здания и «пространственные чертежи». (Остатки такого чертежа нашли в ходе реставрационных работ в соборе Василия Блаженного уже в советские годы.) При частичной разборке стен, с целью замены кирпичной облицовки Покровского собора, обнаружилась проходящая через все стены деревянная конструкция. Оказалось, что контуры будущего собора были предварительно выполнены из тонких брусьев, соединенных между собой врубками как по горизонтали, так и по вертикали.

⁶Забелин И. История города Москвы, ч. 1. М., 1902, с. 156.

⁷Подробнее о нем см.: Белов А. Христа ради юродивые. «Наука и религия», 1984, № 6.

Разве не чудо плоский потолок над частью переходов, окружающих центральный храм? Ведь плоское перекрытие появилось в архитектуре лишь в XIX веке, и до сих пор остается загадкой, как рассчитали его зодчие середины XVI столетия.

Настоящее чудо и акустические возможности Покровского собора. Особенность этих церквей, писал один из исследователей храма, заключается в том, что когда в праздник покровы служба идет одновременно во всех приделах, ни один звук не долетает из одного придела в другой.

Продолжая историю Покровского собора, заглянем снова в XVI век. Придел Василия Блаженного был не единственной пристройкой. В конце XVI века у юго-восточных стен обособленно от храма построили звонницу. В XVII веке ее частично разобрали и перестроили, завершив шатровым восьмериком. В 1672 году к собору пристроили церковь Иоанна — в честь юродивого Иоанна, прозванного в народе Большой Колпак. Восемь лет спустя над папертью церкви Василия Блаженного на уровне второго этажа соорудили церковь во имя раннехристианской мученицы Феодосии.

Во второй половине XVII века над наружными галереями (гульбищами) появились кирпичные сводчатые перекрытия. Над открытыми лестницами нависла кровля, а над площадками крылец — небольшие шатровые рундуки.

Все эти перестройки привели к тому, что собор стал восприниматься не как ансамбль церквей, возведенных на одном подклете, а как единый храм со множеством глав. Несоответствие между внешним обликом и внутренним пространством стало еще более разительным.

XVII век в согласии со вкусами той поры принес многоцветную окраску: купола храма стали пестрыми снаружи, основные башни сохранили роспись «под кирпич», стены галерей расписали «травчатым» орнаментом. По верхнему карнизу собор украсили изразцами с желтой надписью на голубом фоне, запечатлевшей историю строительства храма.

Надо сказать, что зодчие предусмотрели и возможность утилитарного использования храма: внутренняя лестница в северо-восточном углу главной церкви ведет в подклет, в котором располагались камеры-тайники с железными дверями и огромными затворами — здесь хранили государственную казну, но после попытки ее похищения в 1595 году заговорщиками-ворами казну стали хранить в Кремле, а помещения подклета сдавать богатым купцам как склад для товаров.

«Под Василием» они были надежно защищены не только от воров, но и от «огненных запалений». Известно, что

опустошительные пожары в те времена были страшным бедствием для Москвы. Пыхтели они часто. 1626, 1635, 1668, 1737 — годы, в которые и Покровский собор не обошло губительное пламя. В 1668 году на церквях сгорели все главы; вместо позолоченных шлемовидных тогда и соорудили новые — многофигурные и многоцветные купола. Поврежденную фресковую роспись «под кирпич» внутри храма, делавшую его интерьер строгим, заменили росписью по растительным мотивам. Кисти мастеров любовно рассыпали среди многогранных цветы, нигде не повторяющие друг друга. Современные реставраторы не случайно затратили столько сил и искусства на восстановление этой росписи, осторожно удалив слой посредственных орнаментов XIX века, выполненных по трафарету.

В 1737 году собор сильно пострадал от «Троицкого пожара». Пламя церковной свечи в праздник троицы, испепелившее половину Москвы, добралось даже до иконостаса собора. Впрочем, древних икон погибло немного — по той простой причине, что почти все они к тому времени были распроданы за бесценок соборными священниками (до наших дней сохранилось лишь 5 древних икон).

Пожары не были единственным бедствием. Неприятельские войска, занимавшие Москву, на шадили памятника русской истории. В 1611 году, во время польско-литовской интервенции, нижние помещения были превращены захватчиками в конюшни. В 1812 году Покровский собор, как и Кремль, был обречен Наполеоном на разрушение, но беспешное бегство наполеоновской армии помешало начальнику ее артиллерии выполнить чудовищный приказ Бонапарта «скрыть сей храм». Разграбленный, пострадавший от гигантского пожара, памятник уцелел.

К началу XIX века внешний вид Покровского собора неузнаваемо изменился: по разным церковным надобностям арки подклета заложили; в западной части собора разместили жилье для причта, а колокольню соединили пристройками со зданием храма. И будто вторя пастырям своим, купцы московские настроили вокруг собора множество лавок и палаток. Исторический курьез помог собору избавиться от этих «архитектурных излишеств»: Александру I во время его визита в Англию показали рисунок храма XVI века. Русский царь сказал, что хотел бы иметь такой собор в России. Императору объяснили, что этот шедевр украшает Москву с середины XVI столетия. Вернувшись в Россию, Александр I распорядился расчистить площадь вокруг Покровского собора.

В 1817 году архитектор О. И. Бове, приступив к реконструкции Красной площади, распорядился также отре-

монтировать и выложить камнем подпорную стену храма и сделать чугунную ограду. Реставрировать уникальный памятник архитектуры пытались в конце XIX века, но сделать удалось немного: на северном фасаде освободили от закладки три арки под гульбищем, а с шатра центральной церкви сняли железное покрытие, установленное в XVIII веке.

В 1912 году на заседании «Общества защиты и сохранения в России памятников искусства и старины» выступил исследователь собора В. В. Суслов с призывом спасти его от разрушения: «Храм Василия Блаженного пришел в крайнюю ветхость, своды ризницы и другие части храма грозят падением, главы протекают, повсюду наблюдаются трещины... До боли тяжело видеть всю неприглядность и разрушенность такого бесценного исторического сооружения». Но горячий призыв Суслова не изменил положение дел.

После Октябрьской революции и гражданской войны начались планомерные и систематические научно-исследовательские и реставрационные работы. Они позволили, в частности, выявить первоначальные архитектурные формы цоколя, опорных столбов, арок, ступеней.

Реставрационные работы прервала Великая Отечественная война. В целях маскировки все купола собора были покрашены одноцветной краской.

В 1949 году начался второй этап ремонтно-реставрационных работ. Куполам вернули их исконную окраску, аляповатую живопись XIX века в пяти приделах заменили побелкой. Уникальный плоский потолок был освобожден от штукатурки с поздней росписью и на нем восстановили роспись «под кирпич».

Уже через два года после окончания войны в Покровском соборе был открыт музей (ныне — филиал Государственного исторического музея). В нижнем этаже размещена экспозиция, посвященная Казанскому походу Ивана Грозного и истории строительства собора.

Реставрационные работы в храме Василия Блаженного продолжаются. В одном из приделов предполагают полностью воссоздать интерьер XVI века с росписью «под кирпич», во втором — интерьер XVII века с «травчатым» орнаментом; третья церковь будет восстановлена такой, какой она была в XVIII веке. Еще в одном из приделов сохранится интерьер XIX века.

Интерес к уникальному архитектурному памятнику приводит сюда ежедневно сотни экскурсантов.

Покровский собор привлекает наше внимание и как яркий образец самобытного русского зодчества, и как памятник героического прошлого.

*Сулов В. В. Храм Василия Блаженного. М., 1912, с. 17.

СПОР О ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ ПРИРОДЕ

Н. МАВЛЕВИЧ

● Блез Паскаль
в юности.
Рисунок Ж. Дома.

В 1983 году исполнилось 450 лет со дня рождения великого французского писателя и философа Мишеля Монтеня (1533 — 1592), а тремя годами раньше во Франции отмечали 400-летие первого издания его «Опытов». В связи с двойным юбилеем появилось много новых работ, в которых обращает на себя внимание неизменное сравнение Монтеня с Блезом Паскалем (1623 — 1662). Гуманист, просветитель, философ-скептик Монтень и живший почти на сто лет позже религиозный философ, математик, физик Паскаль. Что между ними общего? Однако их имена ставят рядом в истории французской культуры. Начало этой традиции положил сам Паскаль, использовавший многие идеи, образы из монтеневских «Опытов» в «Апологии христианской религии» (так он решил назвать свое произведение, оставшееся незавершенным и в виде фрагментов опубликованное после смерти автора под названием «Мысли Паскаля о религии и некоторых других вопросах»). Он хотел опереться на сильные, с его точки зрения, стороны учения Монтеня и сокрушить заблуждения последнего. Но использовать «Опыты» в целях апологии религии Паскалю так и не удалось. Более того, даже там, где светский мыслитель Монтень был чужд религиозной душе Паскаля, Монтень-художник покорял художника Паскаля. Эти сложные отношения творчества двух крупнейших философов и

писателей привлекали и привлекают внимание исследователей, тем более что и Монтень и Паскаль считаются основоположниками французской психологической прозы.

Судьба Паскаля и его наследия парадоксальна, об этом писал в начале XX века А. Франс: «Мир не знал гения, равного гению Паскаля. Не знал и более злосчастного. Не уступающий величайшим из геометров, он отвратил свой разум как можно дальше от геометрии... Большой бессонницей, он набрасывает по ночам на клочках бумаги черновые заметки для апологии христианской религии, и эти заметки, весьма подозрительные всем католикам, целых двести лет служат предметом восхищения вольнодумцев и скептиков»¹.

Но есть парадокс и в том, что Монтеня, вольнодумца и скептика, вот уже не один век причисляют к защитникам веры. Эта точка зрения всегда находила сторонников, несмотря на то, что ей противостояло мнение таких знатоков, как Шарль Сент-Бёв, Анатоль Франс, крупнейший ученый-монтенист Пьер Виллэ. Распространена она и сейчас. Она звучала на посвященном 400-летию «Опытов» международном конгрессе монтенистов в Бордо в 1980 году.

За 400 лет не утратил актуальности вопрос о скептицизме Монтеня, о котором он сам говорил, что это «отчаянный прием», «уловка, которой следует

пользоваться лишь изредка и осторожно»². По-прежнему существуют два толкования, сторонники которых выступали с трибуны конгресса монтенистов: согласно одному, скептицизм Монтеня — рационалистический, ведущий к гуманизму и, в конечном счете, к атеизму; согласно другому, это скептицизм иррационалистический, ведущий к фидеизму и, значит, укрепляющий веру. Так, Э. Лимбрик из Канады видит в Монтене проповедника благодати, признающего «единственным неизменным принципом бога»³. Как и во времена Паскаля, в центре спора была знаменитая 12-я глава второго тома «Опытов» — «Апология Раймунда Сабундского», излагающая скептические взгляды Монтеня. Именно ею зачитывался Паскаль, ею навеяны многие из лучших страниц его «Мыслей».

Таким образом, вопрос о Монтене и Паскале имеет не только узко исторический интерес, он соприкасается с проблемой взаимоотношений гуманистического и религиозного мировоззрений. Случай с Паскалем — словно опыт, поставленный самой историей. Начинался он так.

¹ France O. Oeuvres complètes, v. 7. Paris, 1949, p. 586.

² Монтень М. Опыты, кн. I—II. М., 1979, с. 491 (в дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте).

³ Montaigne et les Essais 1580—1980. Actes du Congrès de Bordeaux (Juin 1980) Paris-Lenive, 1983, p. 178.

В ОДИН из январских дней 1655 года в стенах парижского монастыря Пор-Рояль, гнезда опальных янсенистов⁴, происходила необычная беседа. Собственно, в рассуждениях о душе, вере, о добре и зле не было ничего необычного для Луи-Исаака Леместра (или де Саси, как он подписывал свои богословские сочинения), духовного наставника многих обосновавшихся при монастыре единомышленников-мирян, но никогда еще не приходилось ему наставлять неофита, подобного 22-летнему Блезу Паскалю. Он присоединился к отшельникам Пор-Рояля

недавно, хотя появлялся здесь и раньше, навещая свою сестру Жаклин. Разумеется, для де Саси его собеседник был не просто братом одной из самых ревностных монахинь, а, прежде всего, прославленным математиком

⁴ Последователи голландского теолога Янсена. Исповедовали фаталистические взгляды, во многом противоречившие официальной католической доктрине. Находились в оппозиции к светской и церковной власти, так как отстаивали строгие взгляды на мораль.

и физиком, что внушало ему некоторое благоговение. В свою очередь, и Паскаль преклонялся перед де Саси, осененным пока не доступной ему самому благодатью, хотя, возможно, в глубине души единственным своим наставником в вере считал он только сына божьего, как это проглядывает в его духовных трактатах-исповедях.

Предмет беседы был обычный — философия, но Паскаль дает ей неожиданный поворот и так увлекается, что сам поучает наставника, позволяя ему лишь вставлять реплики. Своими излюбленными авторами Паскаль называет Эпиктета, греческого философа-стоика первого века нашей эры, и Монтеня. Имена, казалось бы, совершенно неуместные в обители строгих яansenистов.

— Что же полезного почерпнули вы у этих авторов? — спрашивает озадаченный богослов.

Ответ Паскаля продуман и математически точен. Стоик Эпиктет прославляет силу и величие человека, скептик Монтень показывает его слабость и ничтожество, полагает в прах хваленый разум, выбивая почву из-под ног еретиков и безбожников. Но при этом оба приходят к ложным выводам: Эпиктет грешит гордыней, Монтень же, вместо того чтобы обратиться к богу, который один может извлечь человека из бездны пороков, предпочитает «нежиться в праздности», «судить об истинном и благом по одной лишь видимости» и заботится только о своем «спокойствии и удобстве». Эпиктет вознесся слишком высоко, Монтень пал слишком низко. Тогда как, по учению церкви, природа человека двойственна: созданный по образу и подобию божьему, он оставался совершенным до грехопадения, согрешив же и отпав от бога, стал ничтожным и изменчивым, и только вера может вновь возвысить его.

— Вы извлекли истину из смеси философских заблуждений так же искусно, как умелый лекарь получает лекарство, смешивая яды⁵, — заметил де Саси.

Итак, беря Монтеня в союзники, Паскаль заимствует его оружие — убийственный скептицизм, или, как говорили в те времена, пирронизм⁶. Но не соглашается с выводами, к которым, как ему кажется, пришел Монтень. Дальнейшие отношения взглядов двух мыслителей — настоящая дуэль. Чтобы разобраться в позициях противников, обратимся к их характерам и судьбам.

Мишель Монтень, автор пользовавшихся во времена Паскаля огромной популярностью «Опытов», родился в 1533 году. Писать он начал тридцати восьми лет от роду, а до этого долго служил в королевском суде города Бордо на юго-западе Франции, провел несколько лет при дворе и был свидетелем того, как началась первая из восьми религиозных войн, терзавших страну почти полвека. Не найдя для себя достойного места в битве неправых сторон, Монтень оставил службу и обосновался в замке в Перигоре. Это произошло 28 февраля 1571 года, как свидетельствует надпись на стене кабинета, которой Монтень отметил свое второе рождение (28 февраля и в самом деле день его рождения). Монтень не был затворником в строгом смысле слова: он много путешествовал, был мэром Бордо в самый разгар смут, посредником между вождями враждующих сторон. Однако с какой бы серьезностью и ответственностью ни выполнял свои обязанности мэра Бордо, для Монтеня-гуманиста эта деятельность была второстепенной. «Нужно добросовестно играть свою роль, но при этом не забывать, что это всего-навсего роль, которую нам поручили», — писал он, уединившись в замке (кн. III, с. 216). — «Не разуму моему подобает сгибаться, а лишь коленям» (кн. III, с. 144).

Стремление к внутренней независимости — стержень характера Монтеня, во многом определивший его жизнь, творчество, мировоззрение. В этом отношении он был сыном своей эпохи, наследником гуманистических традиций европейского Возрождения. Таким же, как его современник и соотечественник Пьер Раме (Петр Рамус), борец против схоластического культа авторитета, за

свободную науку, движимую не инерцией догмы, а силой разума.

Как бы ни восхищались гуманисты античными философами и поэтами, они видели в них учителей, собеседников, образцы для подражания, но не оракулов, не богов, перед которыми склоняются не рассуждая. «Бог схоластической науки» Аристотель был развенчан. Но верховный божественный авторитет оставался неизменным. Новая культура не опровергала религиозных догматов, она устремилась в другое русло. И хотя власть творца небесного не подвергалась сомнению, практически соперником его стал человек, начинавший новое сотворение земного мира. Вопрос о взаимоотношениях религии и церкви с гуманизмом слишком сложен, чтобы решать его однозначно, но одно несомненно: основы независимой, гуманистической, светской культуры по своему существу были несовместимы с религиозной идеологией. Дух богоискательства, пронизывающий движение Реформации, гуманистам остался глубоко чужд — и это несмотря на то, что именно их труды, их критический подход к традициям прошлого во многом подготовили для нее почву.

У Монтеня гуманистическая эмансипация достигла, пожалуй, высшей точки. Он отлично видел политическую подоплеку религиозных войн, и его отношение к религии было сугубо прагматическим. Убеденный сторонник веротерпимости, Монтень понимал, что существование двух церквей, католической и протестантской, внутри одного государства угрожает его единству, и потому был принципиально верен букве католицизма, оставаясь при этом чуждым не только католическому, но и любому религиозному мировоззрению вообще. Форма религии приравнивалась для него к такой же условности, как принятые в той или иной стране обычаи, этикет, покрой платья. Равно уважая чужеземные обычаи, Монтень с тем же тактом относился к религиозным убеждениям. Религия — единственная область, в которой он не претендовал на свободу суждения, так как, по его мнению, суждения, разум здесь неприменимы. Именно поэтому, на его взгляд, одинаково не правы безбожники и протестанты: и те и другие принимают всерьез условность, причем одни изо всех сил опровергают то, что опровергать не стоит труда, да и не следует в интересах общественного равновесия, другие же пытаются отыскать истину там, где ее не может быть.

Реализм Монтеня в вопросах религии и политики был свойствен ему и в отношении к человеку, его возможностям. Гуманисты последнего поколения Ренессанса, к которым принадлежал философ, по-прежнему главной ценностью в мире считали человека, но иллюзии о его всемогуществе, о гармонии личности и общества рухнули: слишком сурова была действительность с ее войнами; все более отчетливо и очевидно проявлялась пропасть между властью и мыслью, словом и действием. Для Монтеня характерен именно такой гуманизм без иллюзий. Глава «Опытов» — «Апология Раймунда Сабундского» — почти целиком посвящена их развенчанию. Не венец творения и не властелин мира, «не ангел и не Катон» — таким предстает и сам автор «Опытов», сознающий свое несовершенство и стремящийся лишь к тому, чтобы жить согласно разуму и природе. Он «предан земной жизни» (кн. III, с. 302) и живого человека со всеми его слабостями предпочитает несуществующему идеалу. Не стесняясь говорить он о собственных недостатках, что не мешает ему относиться к себе с естественной симпатией.

Книга имела успех уже при жизни Монтеня, хотя современников и озадачивала оригинальность ее формы.

⁵Pascal B. *Oeuvres complètes*. Paris, 1954, p. 568 (в дальнейшем ссылки на это издание даются в тексте).

⁶Пиррон из Элиды (4 в. — нач. 3 в. до н. э.) — древнегреческий философ, основатель скептической школы.

● **Монастырь
Пор-Рояль.
Пение в церкви.
Гравюра.**

● **Мишель Монтень.
Гравюра.**

● **Блез Паскаль.
Портрет
Ф. де Шампана.**

Настоящее признание пришло позже, спустя десятилетия, когда наступили сравнительно мирные времена, нравы смягчились и образованность стала таким же необходимым атрибутом воспитанного человека, как умение держаться в седле и владеть шпагой. Разумеется, среди почитателей перигорского философа было немало верхоглядов, которые видели в его книге проповедь праздности и сибаритства, а в вольности (а точнее фривольности) мысли оставляли далеко позади своего учителя, чьим идеалом всегда была мудрая умеренность. Цитировать Монтеня стало хорошим тоном, у него учились непринужденной беседой, где глубокомыслие заменялось остроумием.

Но были читатели вдумчивые и внимательные. В их числе — молодой Паскаль. Многие в жизни этого необыкновенного человека объясняется двумя особенностями его характера: страстностью, которую он вкладывал во все, за что брался, и тягой к математической точности, досказанности, завершенности. Была еще и третья особенность — любопытство. Благодаря ему Паскаль сделался чрезвычайно разносторонним ученым, круг его интересов охватывал многие области: свойства жидкостей, давление воздуха, теорию вероятностей, математику, геометрию. Почитая любопытство греховным, Паскаль много лет пытался искоренить в себе эту черту, но поделать ничего не мог.

Трудно перечислить все его открытия и изобретения. Шестилетним ребенком он заинтересовался, почему звенит задетая ножом тарелка. Ответ нашел сам и изложил его в небольшом, вполне научном трактате о распространении звука. В 12 лет стал выяснять, как соотносятся друг с другом палочки, кружочки и уголки. Отец Паскаля, сам незаурядный математик, считал, что мальчика еще рано приобщать к царице наук — геометрии, и не давал ему учебника. Тем более был он ошеломлен, когда в один прекрасный день узнал, что его сын самостоятельно открыл некоторые теоремы Евклида. Запрет на математику сняли, и труды Евклида стали любимым чтением мальчика. Надо сказать, что XVII век был временем повального увлечения геометрией. Даже философские сочинения писали в форме теорем с доказательствами — таковы, к примеру, трактаты Спинозы. Но если геометрические рассуждения философа Спинозы привели его к безбожию, то философские искания геометра Паскаля устремились к богу.

В те годы, когда Паскаль увлекался «Опытами», он вел светский образ жизни и был еще достаточно далек от

религиозной углубленности последних лет. Беседы с молодыми дворянами, проводившими время в развлечениях и не верившими ни в бога, ни в черта, собственно наблюдения, чтение Монтеня — все это дало новую пищу неуемному любопытству Паскаля. Ему захотелось исследовать человеческую душу, и он принялся за дело с обычной дотошностью и стремительностью. Очень скоро его раздумья стали все больше и больше расходиться с размышлениями Монтеня. В нем готовился духовный перелом, приближение которого чувствовалось уже в относящемся к 1653 году трактате «Об обращении грешника». И наконец перелом произошел.

Ночь с 23 на 24 октября 1654 года стала началом новой жизни: Паскаль поклялся «забыть свет и все, кроме бога». Дату, слова, запечатлевшие охвативший его экстаз, он написал на пергаменте и не расставался с ним всю жизнь. Невольно напрашивается сравнение с записью, которую сделал в свое время Монтень на стене библиотеки в память о дне, когда отрекся от суеты. Однако перигорский отшельник и отшельник парижский отличались друг от друга, как замок Монтеня отличался от монастыря Пор-Рояль.

Среди множества причин, сыгравших свою роль в обращении Паскаля, возможно, не последней было столкновение его математического мышления со страстной душой. Взвзявшись за изучение человеческой природы, Паскаль устремился к бездне противоречий, ему открылись слабости и пороки человека. Его горячее стремление к гармонии встретило сопротивление математика, «вычислившего» непоследовательность и несовершенство человеческого поведения. «Для удовлетворения души требуется нечто столь же бесконечное, как она сама» (р. 549), — писал он в трактате «Об обращении грешника». Монтеневское правило «жить согласно разуму и природной сущности», его любовь к этой самой сущности и к самому себе кажутся Паскалю греховными именно потому, что противоречат логике. Самолюбие есть любовь человека к себе, но «этот предмет его любви полон пороков и ничтожен» (р. 1123).

Учение о двойственности человеческой природы должно было импонировать Паскалю своей последовательностью. Величие и ничтожество, душа и тело, рай и ад — извечная разорванность христианского толкования мира. Гармоническое начало в эту разорванность может привнести только внешняя сила, иначе говоря — бог, и Паскаль жаждал, чтобы эта гармония, эта благодать осенила его свыше. Таков был его религиозный волюнтаризм,

чуждый монтенавскому ощущению органичности природы и человека.

Вскоре после «пламенной ночи» Паскаль присоединился к отшельникам Пор-Рояля. И вот в беседе со своим духовным наставником он назвал любимыми писателями двух «язычников»: Эпиктета и Монтеня. Де Саси от души посоветовал ему не слишком зачитываться Монтенем, привел слова Блаженного Августина: «Он говорит обо всем, отстраняясь от веры, поэтому мы, верующие, должны отстраняться от всего, что он говорит» (р. 573). Этому совету Паскаль последовать не мог — слишком основательно «заразился» он Монтенем. «Апология христианской религии», возможно, была попыткой изгнать эту укоренившуюся болезнь. «Мне всегда казалось, что бесверия искушал Паскаля больше всего именно в образе Монтеня⁷», — писал французский критик XIX века Шарль Сент-Бёв.

Задуманную книгу Паскаль адресовал светским молодым людям, каким был сам в недавнем прошлом. Монтень же, воплощение светской, суетной, ложной мудрости, оставался его основным соперником. «Он беспечно относится к спасению души, не испытывая ни страха, ни раскаяния», — писал Паскаль в одном из фрагментов. — Поскольку его книга не была написана с целью внушить благочестие, то он и не обязан был этого делать, однако долг каждого по крайней мере не отращать от него» (р. 1104). Но больше всего возмущало Паскаля в Монтене «нелепое намерение его расписывать самого себя! И не просто случайно, вопреки собственным принципам, как бывает подчас со всяким, но по изначальному, положенному во главу угла замыслу. Ведь сказать глупость по нечаянности или по слабости — обычная оплошность, но говорить глупости намеренно — вот что возмутительно, да еще такие глупости, как у него!» (р. 1103).

Выходит, Паскаль отвергал самую суть книги Монтеня? Между тем французские исследователи, подвергнув тщательному анализу «Мысли», отыскивали в них более ста заимствований из «Опытов», заимствований то явных, то скрытых (возможно, не осознанных и самим автором). Более того, он с гениальной зоркостью уловил то, чего не поняли современники Монтеня, ставившие ему в вину бессистемность. Паскаль отлично понимал, что такой изменчивый, живой, сложный предмет исследования, как человек, требует адекватного метода его изображения. Он перенял и непринужденную манеру автора «Опытов», и его стиль. Главное же, что роднит его с Монтенем, — это способность проникнуть в глубину мысли и чувства, проследить противоречивые мотивы наших поступков. Из всех учеников Монтеня, боготворивших его, подражавших ему, наиболее достойным оказался строптивец, открывавшийся от учителя, как от нечистой силы. Ведь Паскаль продолжает начатое Монтенем: постоянно исследует самого себя, пытается свою душу. «Мысли» — такой же эксперимент на себе, как и «Опыты», только выводы исследователей прямо противоположны.

«Мы не идем, а нас несет, подобно предметам, которые уносятся течением реки... В наших желаниях нет постоянства, нет свободы, нет ничего безусловного» (кн. I—II, с. 294, 295), — под этими словами Монтеня охотно подписался бы и Паскаль. Но говоря о противоречивой природе человека, Монтень воспринимал ее именно как природу, то есть как нечто данное, что следует познать. «Мы никогда не ошибаемся, следуя природе, высшая мудрость в том, чтобы ей повиноваться» (кн. III, с. 259). «Уменьше достойно проявить себя в своей природной сущности есть признак совершенства и качество почти божественное» (кн. III, с. 311).

Паскаль тоже гордился умением человека осмыслить мир и свое положение в нем, именно мысль он считал божественной искрой. Он сравнивал человека с гибким, клонящимся под самым слабым ветром тростником, но это «мыслящий тростник». «Вселенная охватывает и поглощает меня своей беспредельностью, как крохотную точку, но я охватываю ее своей мыслью» (р. 1157). Но если Монтень

стремился, познав свою природу, приняв ее несовершенство, быть собой, то есть следовать своей природной сущности, то Паскаль жаждал природу преодолеть, превзойти самого себя, вознестись к богу. Математик, человек точного мышления, признававшийся в том, что истину постигает сначала разумом, а уж потом чувством, он безжалостно насыловал собственную природную сущность. «Религия, — писал он, — проникает в ум посредством доводов, а в сердце — посредством благодати» (р. 1090). Он привел все мыслимые доводы для себя и для своих оппонентов-вольнодумцев, но благодать не подвластна разуму, и Паскаль, восторженный певец разума, напрягает все силы души, страстно молится, чтобы снискать ее, мучается ее недостижимостью.

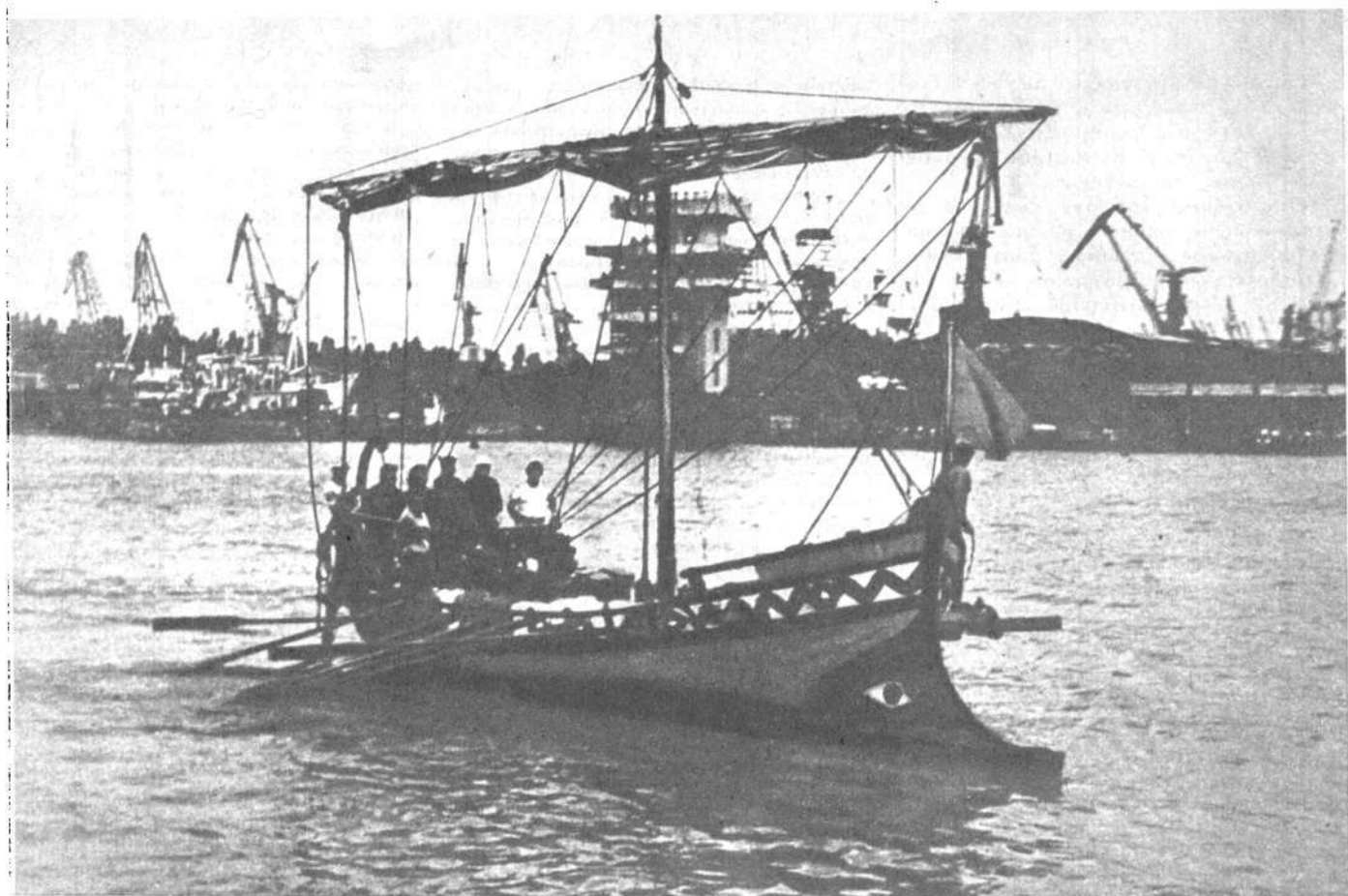
«Что до меня, — признавался Монтень, — то, вообще говоря, я могу хотеть быть другим, могу осудить себя в целом и не нравиться сам себе и умолять бога о полном моем преображении и о том, чтобы он простил мне мою природную слабость. Но все это, по-моему, я могу назвать раскаянием не более, чем мое огорчение, что я не ангел и не Катон. Мои поступки по-своему упорядочены и находятся в соответствии с тем, что я есть, и с моими возможностями» (кн. III, с. 27. «Моя совесть в общем довольна собой, не так, как совесть ангела или, скажем, лошади, но так, как может быть довольна собой человеческая совесть» (кн. III, с. 20).

Человеческая природа для Монтеня противоречива, но едина, для Паскаля же она разорвана надвое. Возвращаясь позднее к мысли, высказанной в беседе с де Саси, Паскаль замечает: «Ничтожество человека утверждает его в отчаянии, гордыня утверждает в самодовольстве» (р. 1300). Любопытно, что он как будто не замечает неприменности этого рассуждения к Монтеню: ведь осознание человеческой слабости приводит Монтеня не к отчаянию, а, скорее, к гордыне. Монтень сделал шаг от логики к диалектике, Паскаль же остался в плену силлогизмов. С точки зрения Паскаля, позиция Монтеня выглядела дезертирством, малодушием. Беспечность Монтеня по отношению к терзавшей Паскаля двойственности выводила его из себя, и тогда он называл автора «Опытов» глупцом, спорил и спорил с ним.

Трагическая сила «Мыслей» такова, что даже Вольтер, этот безжалостный враг религии, щадил заблуждения Паскаля и преклонялся перед силой его разума и слова. «Апология христианской религии» не была дописана, а «Мысли» остались в веках памятником титанической борьбы с собой, схватки, из которой нельзя выйти победителем. Вольно или невольно книга Паскаля стала таким же портретом автора, зеркалом его ищущей души, как и «Опыты» Монтеня.

...Монтень и Паскаль, два отшельника, удалившись от суеты и тирании условностей, два мыслителя, верных древнему принципу «познай себя», два одаренных художника, тонко чувствовавших искусство слова. Как Монтень разочаровался во всевозможных философских школах, стремившихся заключить все разнообразие жизни в определенные рамки, так и Паскаль разочаровался в точных науках, не способных объяснить самое главное — человека. Оба они согласны в том, что природа его несовершенна, полна противоречий. И здесь их пути разошлись. Путь Монтеня — освобождение разума от оков обычая, авторитета, догмы и обращение к природе; путь Паскаля — отказ от разума, от самого себя, от своей природы во имя бога. Нравственная опора гуманиста Монтеня в нем самом, Паскаль ищет ее вовне. И если путь, избранный Монтенем, привел его к внутренней гармонии, то Паскаль пришел к трагическому разладу с собой. И даже художник Паскаль кончается там, где начинается Паскаль-богослов. Много в складе ума, характера дарования, интересах сближает этих двух испытателей человеческой природы, но взгляды их полярно противоположны. Так же, как противоположны религия и гуманизм.

⁷ Sainte-Beuve Ch. Port-Royal, v. 2. Paris, 1922, p. 286.

История и современность ● «Арго» в Потийском порту.

Вл. ГАКОВ,
специальный корреспондент
журнала «Наука и религия»

ЗАЧЕМ ОНИ ПЛЫЛИ В КОЛХИДУ

1. ПОТИ. ОЖИДАНИЕ

Действительно, зачем? Или так, точнее: за чем?.. За каким таким «руном» английский путешественник Тим Северин с командой плыли три месяца по маршруту, которому, если верить легенде, «от роду» — тридцать три века?

В Москве мне доводилось слышать и такое: ну подумаешь, герои — прокатились на лодочке по Черному морю. Вот Бомбар, Хейердал, Чичестер — это да! Океан, штормовые валы, ежедневный риск. А тут — каботажное плавание (древние греки других не признавали, боялись удаляться от берега), вокруг цивилизованные земли, финиш на черноморском побережье Кавказа! Сравнение, и вправду, оказывалось не в пользу Северина...

В Москве мне доводилось слышать и такое: ну подумаешь, герои — прокатились на лодочке по Черному морю. Вот Бомбар, Хейердал, Чичестер — это да! Океан, штормовые валы, ежедневный риск. А тут — каботажное плавание (древние греки других не признавали, боялись удаляться от берега), вокруг цивилизованные земли, финиш на черноморском побережье Кавказа! Сравнение, и вправду, оказывалось не в пользу Северина...

Так все же, зачем они плыли в Колхиду?

...В Поти было около десяти утра, воскресенье 22 июля. Площадь перед новым зданием морского вокзала, три опоясывающие его галереи, близлежащие улочки — все заполнено людьми. В неприкосновенности сохранились лишь прямоугольник асфальта у самой кромки причала — там стелили ковры, устанавливали микрофоны, прогуливались парни и девушки в мегрельских костюмах и распевался

местный фольклорный ансамбль. Казалось, весь город собрался в порту!

Ждали... Волнение передалось и нам, журналистам. Прекрасно зная цену «информации» в такой томимой ожиданием толпе, мы, тем не менее, жадно прислушивались к последним новостям и при этом старались не упускать из виду дремавшую у бокового причала быстроходную «Комету» — ученым и журналистам было обещано свидание с «Арго» в открытом море.

Чувствовалось, что готовится встреча дорогих гостей; слово «герои» произносилось всего лишь как дань историко-литературной традиции (Тим Северин, следуя мифу, назвал свое плавание «Путешествием Героев»). Денек разгулялся, солнце, зеркально-гладкая вода в акватории порта настраивали на «пляжный» лад; для полноты картины не хватало

● В заставках четырех отступлений — «Корабль с Волоса» (древнейшее изображение греческого судна, XVI в. до н. э.); «Военная галера» (т. н. «геометрический период», VIII в. до н. э.); «Дионисийская галера» (изображение на чернофигурной керамической вазе, VI в. до н. э.); «Арго» (современная реконструкция).

нарядных планирующих пар на набережной (планировать было просто негде, хотя люди и принарядились по такому случаю). Курортное Черное море, какие там подвиги...

Откровенно говоря, смущало и сравнение нынешнего вояжа Северина с его предыдущими плаваниями. Например, на «Брендане» — вот уж где был не «курорт», так на «Брендане»!

ОТСТУПЛЕНИЕ ПЕРВОЕ

ТИМ СЕВЕРИН И ЕГО МЕТОД

Себя он называет в первую очередь писателем и только потом — ученым и путешественником.

Родился Тим Северин, ирландец по происхождению (уж не римлянин ли какой Северий из легионов Цезаря положил начало роду?), далеко от родины предков — в Индии, где отец его работал на чайной плантации. Юноша получил образование в Оксфорде и университетах США — Беркли, Гарварде и университете штата Миннесота; в Оксфорде за исследования по истории средних веков ему была присуждена и ученая степень. Вроде бы типичное начало карьеры историка...

Однако в жизнь Тима Северина врываются новая стихия: путешествия. Причем это увлечение отнюдь не потеснило прежних научных изысканий, но наоборот — подтолкнуло, отразилось в них и придало им совершенно неожиданный оттенок. Ибо Северин нашел свой метод проверки исторических гипотез. Название этой вновь открытой сферы деятельности пока не утвердилось, однако несомненно: питают ее равно и талант историка, и призвание путешественника. Экспериментальная история? Реставрация мифа? А может быть, и так: плавание по океану Прошлого.

И точно — океан... Люди бороздят этот океан Прошлого уже не первое тысячелетие, но стоит выйти на его просторы, столкнуться с сюрпризами и загадками, которым там несть числа, — коварными подводными камнями и течениями, не нанесенными на карты островами и отмелями, — и вновь ощущаешь, как он велик и бездонен!

Тим Северин — не первый, кто подставил паруса ветрам истории, своим учителем он уважительно называет прославленного Тура Хейердала. Духовная связь Хейердала и Северина глубже поверхностных аналогий (старинные корабли); преемственность метода — вот что роднит их по-настоящему. Хотя...

— ...Цели у нас различные, — говорит Северин. — Хейердала занимают главным образом вопросы миграции народов и культур, он в большей степени этнограф. Себя же я назвал бы экспериментальным филологом. Я хочу понять, что в мифах идет от исторического факта, а что — художественный вымысел, отражающий попытки античного человека образно и философски осмыслить явления окружающей действительности... Должен сказать, что это своего рода увлекательный детектив. Вот свод улик — древний текст; предмет расследования — записанные сведения о легендарных путешествиях. Способом расследования служит мой метод, путе-

шествие на реконструированном судне той эпохи. Ну и, наконец, я постоянно прибегаю к помощи судебной экспертизы: это и филологическое исследование, и проверка самой возможности таких путешествий.

Еще ближе Тим Северин к Шлиману. Тот тоже упрямо копал, копал — и нашел свою Трои (аргонавты, кстати, всего на одно поколение были старше героев Троянской войны!), хотя полагался, по мнению большинства, на недостаточный исторический материал: художественную литературу. Потому что верил: что-то там, в легендах и мифах, есть. Вот и Северин «копает», только стихия его не земная, а морская.

«Секуляризации» мифа Тим Северин проводит в три этапа. Сначала мысленно, до мельчайших деталей, восстанавливает маршрут, потом строит судно и отправляется в путь. А когда плавание закончено, Северин берет в руки перо.

Писать он начал еще в годы учебы, приучив себя писать только о том, что испытал сам. Вот названия его первых книг: «По пути Марко Поло» (на мотоцикле из Венеции в... Китай!), «Исследователи на Миссисипи», «Золотые Антиллы», «Африканские приключения», «Приключения на Востоке» и «Исчезнувший первобытный человек»; все написано до того, как Северину исполнилось 35 лет. Знаменитостью, правда, они автора не сделали (до поездки в Грузию и я не подозревал, что их столько!). Очевидно, чего-то не хватало, какой-то «изюминки», отличающей эти книги от множества аналогичных.

Этим «чем-то» стал метод Северина; о методе и его авторе заговорили с 1976 года, после плавания Северина на «Брендане»¹, точной копии лодки древних ирландских мореплавателей, сшитой из 49 воловьих шкур. (На таком судне, если верить сагам, монах Брендан пересек Северную Атлантику и достиг берегов Америки. Было это в V веке, за тысячу лет до Христофора Колумба. Даже гипотетических первооткрывателей Нового Света, викингов, Брендан обогнал на столетья...) О дерзости затем говорит лишь один факт: разыгравшиеся волны не единожды грозили накрыть лодку, и тогда, в ледяной воде, путешественники не выдержали бы и десяти минут...

После этой экспедиции Тим Северин — теперь уже для читателей всего мира «скипер Тим» — заслужил право быть принятым в Клуб Знаменитых Капитанов, в компанию к Хейердалу и Чичестеру. Книга его, переведенная на многие языки, принесла автору звание лауреата премии имени Томаса Кука (за лучшую книгу о путешествиях). И еще одну премию — за лучшую книгу о море.

Слава нашла Северина, он же менее всего был расположен греться в ее лучах.

Второе путешествие вновь представляло собой историко-филологический эксперимент. На этот раз Северин решил пройти по маршруту легендарного Синдбада-морехода — по так называемому Великому морскому шелковому пути, который огибает «почти всю» Азию.

Путешествие от Омана до китайского порта Кантон на «Сохаре» — так была названа копия средневекового арабского парусника-«бума» — продлилось более семи месяцев. И вновь Северин по завершении экспедиции написал книгу, снял фильм... Теперь у него не было проблем с организацией подобных проектов в будущем.

Следующий его замысел вызвал всеобщее возбуждение. Недаром Тим Северин назвал свой новый проект «самым амби-

циозным» из всех, какие он когда-либо задумывал и осуществлял.

Казалось бы, ну как еще растормошить пресытившегося, переставшего удивляться чему бы то ни было человека второй половины XX века? Ведь на чем только и куда только не плыли люди в последние десятилетия: через все океаны, под парусом и на веслах. На плотках, надувных лодках, яхтах... И можно ли воссоздать что-либо более «древнее», чем хейердаловские «Кон-Тики», «Ра» и «Тигрис»?

Однако Северин остался верен своему методу и вновь подставил паруса ветрам Истории и Литературы. А под этими ветрами, действительно, не придумаешь плавания «амбициознее», чем то, что замыслил Тим Северин! Проплыть древнейшим из описанных в памятниках литературы маршрутов — повторить путешествие Ясона на «Арго».

...Пляжно-курортное впечатление развеялось, едва «Комета» вышла за акваторию порта в открытое море.

Это там, с потийского причала, отужоженная молот вода казалась зеркально-гладкой, без единой складочки — теперь же нас качало изрядно: четыре балла! Да и солнце куда-то скрылось, вода и небо приобрели одинаковый серый, недобрый оттенок. Слово невидимый режиссер тщательно ставил сцену встречи с «Арго», стараясь подобрать нужное освещение и наиболее точные декорации. Сцена удалась — нам повезло, что мы увидели корабль Северина именно так: в открытом, беспокойном море.

Но прежде на горизонте возник другой корабль. Непропорционально огромный (хитрые фокусы выделяет оптика на море) парусник, словно сошедший со страниц произведений Александра Грина. Для контраста нам сначала показали не героев дня, а почетный эскорт — трехмачтовый барк «Товарищ» и яхты, которые сопровождали «Арго» в советских территориальных водах. Настолько это было красиво, так величаво и уверенно, с зарифленными парусами, на «самом тихом» моторном ходу двигался в отдалении огромный корабль, что на какое-то время пассажиры «Кометы» забыли о тех, кого собирались встретить.

А когда вспомнили, «Арго» был совсем рядом. «Арго»... Вот уж, воистину, «лучше увидеть глазами, нежели бродить душою»!

До этой встречи все представлялось иначе. Прежде всего, ввел в заблуждение слово «корабль». И еще фотография. На всех снимках, которые попадались мне на глаза раньше, я видел пусть архаический, но все-таки парусный корабль. А в открытом

¹ См.: Северин Тим. Путешествие на «Брендане». М., 1983.

море, с палубы «Кометы» мы увидели — лодку. Ощетинившуюся гребенкой весел утлую скорлупку. Ее нещадно швыряло на волнах, и при каждом гребке все весла с одного борта глубоко зарывались в воду, а с противоположного — вхолостую молотили по воздуху. Белый прямоугольник паруса со стилизованными изображениями античных воинов не придавал никакой солидности этой хрупкой посудине. (Немногим он и помог, парус: почти все время пришлось грести — косых парусов, лавировки и хода против ветра древние греки, увы, не знали.) Высоко поднималась над водой корма, увенчанная изящной — как дека у струнных инструментов — деревянной завитушкой-«акростолем»; корма более походила на нос корабля, отчего казалось, что «Арго» плывет задом наперед². Но до чего маленьким и несерьезным казался этот корабль аргонавтов по сравнению с медленным ползущим на горизонте парусником!

Вот так они и плыли на своей лодке: три долгих месяца, день за днем — и палящий зной сменялся «бодрящими» ливнями влажных субтропиков. Шли, ползли (скорость не превышала пяти узлов, а это чуть быстрее бегущего человека), в основном на веслах: шлёп-шлёп... шлёп-шлёп... И ведь не гребной канал, а море!

Один взгляд на «Арго» прояснил многое. Это была работа. Настоящая мужская работа. Вот такой была первая, но далеко не последняя часть ответа на вопрос, зачем они плыли в Колхиду.

Просто потому, что трудно. И еще потому, что плыли на «Арго»! На древнейшем судне, имя которого сохранилось... Можно пересечь океан каким угодно способом — хоть на спасательном круге, хоть в тазике для стирки белья, но для всякого плавающего имя «Арго» звучит особенно. Первый покрывший себя славой корабль!

Тим Северин приступил к строительству «Арго» в 1983 году. Разумеется, от помощи богини Афины Паллады пришлось отказаться, однако других существенных отступлений от мифа сделано не было.

Одно из древних дошедших до нас изображений греческого корабля — это так называемая «дионисийская галера» на чернофигурной керамической вазе VI века до нашей эры. Решено было строить не 50-весельный корабль, описанный у древних авторов (с ним команда могла и не справиться), а его уменьшенную, 20-весельную копию; все остальные формы и пропорции были сохранены.

Сначала небольшую модель испытали в бассейне Саутгемптонского университета. И только тогда на греческом острове Спеце под руководством мастера-корабелы Вассилиса Делимитроса построили из знаме-

нитой алеппской сосны лодку длиной 16 метров и шириной чуть меньше трех. Все как в мифе — без единого железного гвоздя и применения современной технологии и материалов. Прямоугольный парус, два рулевых весла на корме да два десятка обычных весел — вот и вся «машина».

...После того как мы сделали символический «круг почета» и вернулись в порт, прошло еще два томительных часа. И наконец наступил момент, которого все в Потии ждали третьи сутки.

Первыми показались скользкие над линией мола паруса яхт. Тотчас же небо прочертили сигнальные ракеты и нестройным хором, переливами загудели суда, стоявшие в порту, — от огромного сухогруза до скромного портового работяги-буксира. Зашумела толпа на площади, все зааплодировали (хотя «Арго» еще был скрыт молом), запел усиленный динамиками хор — и под этот оркестр, ведомая катером-лоцманом, в акваторию порта медленно вплыла сама История.

Потом были, как полагается, речи, поздравления, цветы (лодку буквально усыпали цветами). Выступали артисты, щелкали фотоаппараты, в поте лица трудились кино- и телеоператоры. Усталые аргонавты улыбались. На лицах их, прокопченных солнцем, была написана законная радость людей, сделавших свое дело.

Позже в газетах я прочел, что первым словом Северина на советской (чуть было не написал «земле») воде невольно вырвавшееся восклицание: «Фантастика!» А первые его слова на причале потийского порта я слышал сам: «Наконец-то мы — в Колхиде».

Интересно, какими были первые слова тех, высадившихся неподалеку три с лишним тысячи лет назад?

ОТСТУПЛЕНИЕ ВТОРОЕ

«АРГОНАВТИКА»

О походе аргонавтов рассказывают многие античные авторы. Северин за основу взял поэму «Аргонавтика» Аполлония Родосского, хотя широко пользовался сведениями, разбросанными в сочинениях Аполлодора, Страбона, Диодора Сицилийского. Великий Гомер писал больше о путешествиях Одиссея, но и о походе «Арго» упомянул как бы ненароком: уж больно известный был к тому времени сюжет...

Итак, что же там произошло, в XIII веке до нашей эры?

Говорят, что тогда правил фессалийским городом Иолк (ныне Волос) царь Эсон, у которого был сын — Ясон. Потом брат царя, Пелий, захватил власть. Чтобы избавиться от опасного племянника, он отправил Ясона на подвиг (в обмен на обещание вернуть трон), по сути дела — на верную смерть. Приказано было плыть в далекую Колхиду, царство некоего Ээта, и привезти оттуда Золотое Руно. Делать нечего,

● Тим Северин. Фото В. Бабенко.

собрал Ясон героев со всей Греции, а один из них, Аргос, построил доброе судно, названное его именем; и — поплыли.

Путь оказался долгий, и приключений на долю каждого аргонавта хватало с лихвой, об этом нам впечатляюще поведали многие авторы. Но как же иначе! Экипаж «Арго» составляли герои — «дети богов» в представлениях древних греков; боги и помогали, когда приходилось особенно туго.

На острове Лемнос царица амазонок Гипсипила, влюбившись в Ясона, чуть было не поставила под сомнение судьбу экспедиции в самом начале пути... Посвящение аргонавтов в таинство мудрых демонов-кабиров на острове Самофракия... Нападение шестируких чудовищ во время пира у долионов, жителей города Кизика во Фракии... На острове Кеос в Мисии вначале потерялся юноша Гилас, увлеченный нимфами источника, а след за ним — Геракл, отправившийся на поиски. Аргонавты отплыли с Кеоса без Геракла, благо ветер был попутный, в море же из пучины появился бог Главк и объявил, что на Геракла у богов имеются иные виды, в походе он отныне не участвует... Потом — Вифиния, где царь бегриков, большой любитель кулачных боев, неосторожно вызвал аргонавтов на поединок (вышел Полидевк и в первом же «раунде» сразил царя насмерть).

² Ошибочному впечатлению поддались и художники. Например, на эмблеме специальной научной экспедиции Академии наук Грузинской ССР «Арго-84» нос судна с выступающим вперед тарном оказался «кормой», отчего парус на рисунке надул против хода лодки.

Неподалеку от Боспора Фракийского (ныне пролив Босфор) аргонавты посетили слепого прорицателя Финей, и два героя — крылатые сыновья бога Борей Зет и Калаид — избавили старца от страшных гарпий — полуженщины-полуптиц. В благодарности Финей рассказал Ясону о предстоящих испытаниях, из коих самую серьезную опасность представляли сходившиеся утесы Симплегады в проливе Дарданеллы...

Но вот все препятствия позади, аргонавты вышли в Понт Аксинский (позже Евксинский) — Черное море и прошли южным берегом до самых Кавказских гор. Древние авторы только мимоходом сообщают о знаменательном эпизоде: аргонавты увидели орла, летевшего в горы к прикованному Прометею. И чуть позже — услышали стоны великого боготорца... И вот перед ними цель путешествия — устье реки Фазис (Риони). Страна царя колхов Ээта. Золотое Руно.

— Дальше, — заметил встречавший «Арго» историк, профессор Александр Дмитриевич Алексидзе, — пошла уже чистая беллетристика. Любовь Ясона и дочери Ээта Медвы, их богатство с Золотым Руном и последующие драматические события к «географической» части мифа прямого отношения уже не имеют. И все-таки я думаю, что «Аргонавтика» Аполлония Родосского — правдивая книга. Ведь это V век до нашей эры, время «реалистической» литературы — всяк пишущий тогда стремился говорить только правду (разумеется, в меру своих представлений о действительности). Да и авторитет предшественников давал себя знать: известно, что «аргонавтик» было много, и ранние — самые главные — погибли во время пожара в Александрийской библиотеке. Работавший там библиотекарем Аполлоний вряд ли стал бы противоречить столь весомым свидетельствам. Итак, я не вижу, почему бы такому плаванью не состояться в XIII столетии до нашей эры.

Проверить эту гипотезу Тим Северин мог единственным, приемлемым для него, способом. Построить точную копию «Арго» и проделать весь путь от греческого города Волос до устья реки Риони.

Как же реально протекала «аргонавтика-2»?

Приключений хватало и на этот раз. Случались непредвиденные задержки в пути: часами буквально стояли на месте, хотя гребцы трудились вовсю. Около Синопа изрядно потрепало штормом. Вечером «Арго» вынесло далеко в море, и пришлось на ходу соображать, как сорентироваться: на небе — ни звездочки! Все же компасом так и не воспользовались... Мокли под приливным дождем, жарились под палящим солнцем, продувались ветрами. А потом полнейший штиль, приходилось грести по 11 часов в сутки. Два раза в шторм ломалось рулевое весло — ремонт провели прямо в море...

— Но, пройдя почти тысячу морских миль, мы все-таки не отступили от намеченного маршрута. И старались останавливаться во всех пунктах, о которых говорится в мифе, хотя точно идентифицировали лишь пять-шесть, — сказал Тим Северин.

Прибыв в Потю, он решил пролить еще и некоторую «самодеятельность» (в мифе об этом — почти ничего) — подняться на «Арго» вверх по Риони на 36 километров. Окончательно бросить якорь предполагалось у селения Чквиши, вблизи города Вани — центра археологических раскопок античных поселений.

Пообедав в здании морвокзала (Северин умолял не затягивать обед, но — Грузия! И он смирился с неизбежным), аргонавты, не расхолаживаясь, вновь сели за весла. Путь их теперь лежал к месту ночевки на седьмом километре реки. Сам вход в устье Риони — последний «мифологический» зафиксированный пункт экспедиции Ясона — прошел незамеченным: на борту «Арго» уже находился «Клуб путешественников», и за процессом съемки и представления телезрителям экипажа исторический момент как-то прозевали.

К вечеру мы выехали из Потю на седьмой километр. Там путешественников ждали: весь берег был усеян людьми, столпившимися перед мостом, под которым должен был пройти «Арго».

Корабль предстал нашему взору в новом качестве — без мачты; ее пришлось снять, так как со времени того путешествия цивилизация разительно изменила облик реки — были построены плотины, шлюзы, мосты. После маневра (уже давало себя знать течение) «Арго» пристал к берегу. Тут-то и удалось в первый раз протиснуться к Тиму Северину и поспешно задать ему несколько вопросов. Результатом этой встречи на берегу Риони стал автограф путешественника читателям журнала.

...23 июля, понедельник. Вани — маленький районный центр, расположенный в предгорьях Кавказа, в древней Имеретии, — такого столпотворения не помнил, судя по всему, со времен основания. Хозяева сделали все, что было в их силах. И даже больше — ибо, в довершение ко всему, показала свой норов горная Риони. Ближе к вечеру разыгрались настоящие субтропические страсти: литье не переставало несколько часов кряду. О том, что творилось на реке, страшно было подумать, но часам к десяти вечера поступило первое неприятное известие. «Арго» ждали у селения Абаши — «Арго» в Абаши не появился!

Ясно дело, тут уж разыгрались страсти земные, под стать катаклизмам небесным. Машины гоняли под непрекращающимся дождем по всем прилегающим к руслу реки дорогам, а дороги размыло — и кто-то предложил даже вызвать вертолеты! Было известно, что аргонавты застряли где-то в районе слияния рек Риони и Техури, — но вот как их оттуда вызволить? Подъездов для транспорта никаких, места болотистые, а на самой Риони начался прилив, и река вот-вот выйдет из берегов! Стоило проплыть без значительных «чп» по трем морям, чтобы угодить в такую неприятность на реке...

Только в два часа ночи вернулись в ванскую гостиницу промокшие до нитки спасатели: нашли! «Арго» кое-как прибил к берегу, но экипажу не позавидуешь, при таком потоке никакие лалатки, разумеется, не спасут. Оставалось ждать утра, которое «мудренее».

Кто же они такие, аргонавты образца 1984 года?

Из мифа мы знаем, что Ясон собрал под парус «Арго» весь цвет тогдашней Греции: Геракл, Одиссей, братьев Кастора и Полидевка, кормчего Тифия... Отдельные авторы насчитывали до 67 человек. Поначалу экипаж попросил Геракла возглавить поход, но тот отказался в пользу Ясона: в подобном плаваньи решала не физическая сила, а дух.

Этому же принципу следовал и Тим Северин:

— Мне не нужны были одни силы, предпочтение отдавалось таким качествам, как чувство юмора, умение ладить с людьми, коммуникативность. Ну и, разумеется, энтузиазм, заряженность на общую цель — хотя сила и здоровье в таком путешествии тоже не лишни.

Обе предыдущие экспедиции Северина были интернациональными, капитан взял за правило набирать в экипаж представителей тех стран, мимо которых плыл его корабль. Поэтому основу экипажа «Арго» составили 14 ирландцев и англичан, а еще 10 гребцов были сменными: сначала греки, потом турки; когда же «Арго» вошел в территориальные воды нашей страны, на носу его был поднят красный флаг и с «Товарища» пересела советская десятка гребцов во главе с мастером спорта Владимиром Бера.

Включение в экипаж советских гребцов для Северина не просто жест доброй воли. Он убежден: море соединяет страны и народы, а не разъединяет. И стоит поплавать вместе в одной лодке, как аналогия с нашим общим большим кораблем — Землею перестанет казаться абстракцией. Штормит ведь не только в море — и в мире тоже. И так же необходимо в мире обрести взаимопонимание, чувство локтя с тем, кто гребет рядом, — на каком бы языке он ни говорил.

— Я считаю, — сказал Северин, — если этот проект международный, то чем больше людей примет в нем участие, тем лучше. Думаю, около сотни человек могут гордиться своей причастностью к «Путешествию Героев»... Они примкнули ко мне по разным причинам. Кто жаждал приключений, кто хотел испытать себя, а были и такие, что мечтали побывать в местах, куда они иначе вряд ли выбрались бы.

Народ на «Арго», надо сказать, подобрался любопытный. Никакие не дети богов... Студенты Оксфорда

и Кембриджа (впервые, по-видимому, в составе одной команды), инженер-плановик, управляющий гостиницей, рыбак-ирландец, фотограф из Лондона. Атлеты — и «не очень», испытанные моряки, соратники Северина по плаванию на «Сохаре» — и люди вполне «сухопутные». Иным пришлось брать отпуск за два-три года вперед... И что удивительно: они не только ничего не получили за это путешествие, но все еще и заплатили немалую сумму за «дорогу»! А ведь это не круиз на теплоходе — раньше грести на галеры, помнится, ссылали каторжников!

Один разговор мне особенно запомнился. Эпизод, конечно, но — любопытный. Лондонского фотографа Сэта Мортимера привела на борт «Арго» цель и вовсе необычная... Сразу по окончании войны во Франции появилась секта некоего Гурджиева, мистика-окультиста, создателя эклектической «новой религии». Сам Гурджиев был выходцем из России (родился в Тифлисе), а Мортимер, оказывается, три года изучал в Лондоне «учение» Гурджиева, и привела его в экспедицию Северина потребность побывать на родине «учителя»...

В том, что не только жажда приключений позвала аргонавтов, я убедился, понаблюдав, какими глазами смотрели они на своего капитана. Они отправились в путь еще и потому, что он позвал их, Тим Северин. Душа всей экспедиции и ее главный «мотор». Личность. Лидер. Одним словом — Капитан.

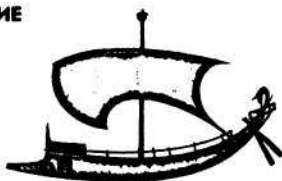
Убедить, повести за собой он умеет. В нем постоянно присутствует чисто человеческое обаяние, какие-то детские доброта и любопытство, иммуностойкие к любым проявлениям равнодушия и цинизма. Чудак? Блаженный? Нет, он не вписывается в традиционный образ «кодержимого»: никаких горящих глаз, развевающихся длинных волос. Взгляд умный, пылкий — вежливо-внимательный взгляд интеллигентного человека, не стесняющегося своего любопытства.

На пресс-конференции ему задали вопрос, верит ли он в бога. Да, отвечал он, а потом, улыбнувшись, добавил, что пока только не решил, в которого из них... По-моему, если он во что и верит, так это в Человека. В его неистребимую жажду познания и упорство. Как бы иначе он отправился в такое плавание — без веры?..

Итак, еще одно приближение к истине. Не только за чем, а и за кем они плыли...

Впрочем, мне довелось наблюдать и еще одного Тима Северина. Уже не Капитана и не Путешественника — а Ученого, специалиста в античной истории. Это стало ясно после первых же бесед с грузинскими учеными, где он подлил масла в огонь споров о «греках в Колхиде»...

ОТСТУПЛЕНИЕ ТРЕТЬЕ

ГРЕКИ В КОЛХИДЕ

История проникновения древних греков на черноморское побережье нынешней Грузии полна белых пятен. Что греки были, это несомненно. Но вот с какого времени, с какого века — еще предстоит уточнить. Если путешествие Ясона действительно имело место в XIII веке до нашей эры (и можно определенно говорить о греках так называемой микенской культуры, соответствующей ахейскому периоду), то датировка первых посещений отодвинется сразу на несколько столетий в глубь истории.

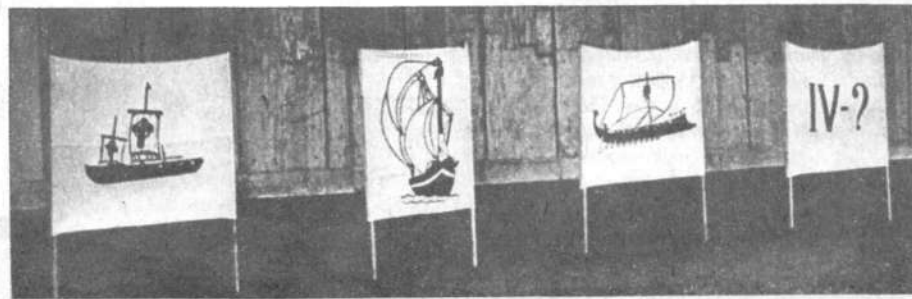
Тут есть свои оптимисты и скептики. Древнегреческий географ и историк Страбон клялся Зевсом, что путешествие действительно было. Убежден в реальном существовании «Арго» (как и Одиссея, и царя Менелая, других персонажей античных мифов) и руководитель центра археологических исследований Академии наук Грузинской ССР профессор Отар Давидович Лордкипанидзе. Кстати, именно его статьи попались Тиму Северину, когда тот еще только обдумывал будущее путешествие. И, по свидетельству Северина, подтолкнули к решительным действиям.

Однако профессор не скрывает, что не все разделяют эту гипотезу. До сих пор считалось: такие путешествия в Колхиду были невозможны до изобретения «пентеры» — корабля с пятью рядами весел (по десять гребцов в каждом ряду, итого 50 весел). А это VII век до нашей эры. Самые ранние материальные свидетельства пребывания греков на черноморском побережье — обломки чернофигурной и краснофигурной керамики, датируемые VIII — VII веками до нашей эры; более ранних свидетельств, увы, пока нет. Хотя известно, что эпизодические набеги, точнее «наплывы», в Черное море греки совершали задолго до основания первых колоний.

Экспедиция Тима Северина, образно говоря, вплыла в самый водоворот научных споров. Что же, явилась она решающим доказательством, которого так долго ждали?

Да, явилась! Об этом можно говорить со всей определенностью. Только доказательством от противного. Тим Северин доказал, что такое путешествие было по силам осуществлять и на корабле, вдвое меньшем, чем указано в «аргонавтиках». Итак, опровергнуто отрицательное ут-

● «Брендан», «Сохар», «Арго»... Что дальше?

верждение «не могли», хотя пока еще не найдено доказательство того, что были. Сам Северин проявил истинную научную сдержанность, заявив, что он убедился лишь в одном: тесные культурные и торговые связи между античной Грецией и Колхидой могли существовать раньше, чем это считалось до сих пор. Но потребуются еще время для осмысления полученного экспедицией материала.

Неясным остается многое. Почти не поднят богатейший историко-лингвистический материал, до сих пор не идентифицированы многие географические названия и названия племен и народов в «Илиаде» и других античных источниках. А что говорить о таких, пока, в основном, молчаливых памятниках, как клинопись древнего Урарту?

Один пример, об этом Северин спрашивал грузинских ученых. Что такое упоминавшаяся древними авторами «страна Айя (Эя)», связана ли она в действительности с Колхидой?

Гомер поместил Айю на остров Кирки, местонахождение которого пока не установлено, Геродот писал о стране Айя-Колхис на берегу Понта, то есть Черного моря. Более поздние авторы (Страбон, Плиний) Айей называют город — ученые считают, что это древний город Кутайя (Кутаиси). Аполлоний Родосский, явно ссылаясь на более ранние авторитеты, назвал город Кутайю столицей айетов (эзтов), но у него же сказано, что аргонавты за одну ночь прошли вверх по Фазису от устья до Кутайи. Возможно ли такое — по реке там будет верных километров сто, если не полтораста... И так с каждой деталью мифа.

...Утро 24 июля, вторник. Уже известно, что Северин официально закончил маршрут на «Арго»:

вечером, еще до ливня, принесшего столько волнений, аргонавты по традиции «искупали» капитана и салютом из ракетниц возвестили об окончании плавания. (А в Москву летела телеграмма министру морского флота СССР Т. Б. Гуженко: Северин просил оказать помощь в переброске «Арго» на каком-нибудь советском судне до Стамбула.) Но все-таки решили дойти до Чквиши, где их ждали.

В парк возле дома-музея Галактиона Табидзе, выходящий на самый берег реки, мы прибыли к полудню. Та же картина, что и в Поты: здесь был, безусловно, весь Вани (а также Чквиши и все близлежащие села; приехали даже из Тбилиси).

Подготовились хозяева к встрече с аргонавтами старательно, с фантазией. Над деревянным причалом висел на высоте двух метров транспарант с надписью на русском, грузинском и английском языках: «Вани приветствует современных аргонавтов!» На самом берегу установили дерево (привезли, словно новогоднюю елку, и установили, укрепив снизу здоровенными камнями!), а на нем повесили вызолоченную шкуру барана; тут же был связан в кучу валежник для костра-маяка. Не забыли и о «медноногих огнедышащих быках», на которых Ясону пришлось вспахать поле, засеянное позже «зубами дракона», — два крепких быка мирно паслись на траве, был приготовлен и плуг. И милостивая «Медя» — студентка II курса Тбилисского театрального института Нино Кацитадзе — волновалась, ожидая своего выхода... Не хватало только самих аргонавтов.

Между тем вода все прибывала. Стремительно пронесившиеся по реке коряги, ветки, целые кучи листьев вызвали тревогу: догребут ли? Деревянный причал почти ушел под воду, и торчащий прямо из воды транспарант смотрелся зловеще... Увы, аргонавты так и не смогли совладать с течением на Риони и сошли на берег, не доплыв до места встречи 12 километров. В восемь вечера толпа вдруг всколыхнулась и подалась прочь от реки, к входу в парк: экипаж «Арго» прибыл в Чквешви на автобусах. Но встреча от этого не стала менее праздничной.

Снимки Тима Северина в бурке, с кинжалом на поясе, с наполненной пиалой и хачапури в руках обошли всю грузинскую печать. «Руно» с дерева сняли, поднесли гостям, а они оставили на нем автографы на память. «Медя» в белой тунике улыбалась, аргонавтов снова завалили цветами, а когда на лужайке начался концерт фольклорных ансамблей, гости забыли об усталости, увлеченные искусством местных танцоров (честно признаюсь, такого танца с саблями и мне видеть не приходилось!). Чуть поодаль были вывешены четыре белых полотнища. На трех из них изображения «Брендана», «Сохара» и «Арго» — и, соответственно, даты; четвертое оставалось пустым. Северину подали фломастер, и он без раздумий написал: «1985. Путешествие Одиссея» — после чего поставил знак вопроса. В мыслях он уже плыл в свою новую одиссею.

А эта завершилась так. На территории парка установили стелу из мягкого мрамора, на которой высечена надпись на двух языках:

«ЗДЕСЬ БРОСИЛА ЯКОРЬ ЭКСПЕДИЦИЯ ТИМА СЕВЕРИНА, ЧЕРЕЗ 33 ВЕКА ПОВТОРИВ ПУТЬ АРГОНАВТОВ И БЛАГОПОЛУЧНО ДОСТИГНУВ БЕРЕГОВ КОЛХИДЫ.»

Все. Плавание закончилось. Началась экспедиция по Грузии, местное гостеприимство, которое на неподготовленных аргонавтов произвело впечатление едва ли меньшее, чем мифические чудеса, поражавшие их предшественников тридцать три века назад. И был новый Тим Северин.

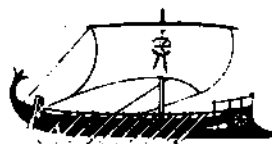
...Обаяние у него все-таки редкостное. Нет в лице его каких-то заметных «лидерских» черт — ни твердого массивного подбородка, ни сверкания в глазах. Мягкая, спокойная и предельно уважительная к собеседнику речь лектора и учителя (до чего понятный английский язык!). Очень добрый и внимательный взгляд голубых глаз, при улыбке вокруг них собираются «гусиные лапки» морщин.

Стоя на корме «Арго», он действительно был лидером. Теперь же, бродя по музеям и раскопкам вместе с грузинскими специалистами, Северин совершенно преобразился. Не знаменитый путешественник, «герой дня» — ученый говорил с коллегами. И еще скрупулезно записывал все в блокнот — ну просто прилежный ученик! Лично он плыл в Колхиду не за славой и не на прием «в честь себя самого». У него было много дел в этой далекой Колхиде, предстояло вывезти оттуда свое «золотое руно» — знания. Может быть, это и была та главная часть ответа на вопрос, который я искал.

На заключительной встрече с учеными в Тбилиси он сказал:

— Разница между двумя путешествиями незначительна. Между двумя путешественниками — огромная. Ясон приплыл за Золотым Руном. Я — приплыл как ученик: познать, исследовать. Я тоже нашел свое «руно»: людей, историю, культуру... — И закончил, обведя глазами зал: — Я нашел в а!

ОТСТУПЛЕНИЕ ЧЕТВЕРТОЕ И ПОСЛЕДНЕЕ

ЗОЛОТОЕ РУНО

Есть еще одно отличие. Древним грекам плавать по морям

было, конечно же, не в пример страшнее. Край Ойкумены, познанной земли, пугал неведомым, потому-то устные рассказы, сложившиеся позднее в мифы, изобиливали фантастическими подробностями. Но следует помнить и о том, что для людей той эпохи помощь богов в любом предприятии подразумевалась сама собой (только безумец рискнул бы выйти в плавание, не совершив положенных жертвоприношений и не помолчавшись хорошенько!). Боги пугали, гневались, но они же посылали попутный ветер, придавали силы. А о мифических героях — детях богов — и говорить нечего: им подвиги были на роду написаны.

С тех пор значение слова «герой» существенно изменилось. Нынешние аргонавты во главе с Северином — герои в современном значении этого слова. Они, «земнорожденные», уповали только на себя. На свои знания, руки, упорство и упрямое любопытство, испокон веков свойственное людям.

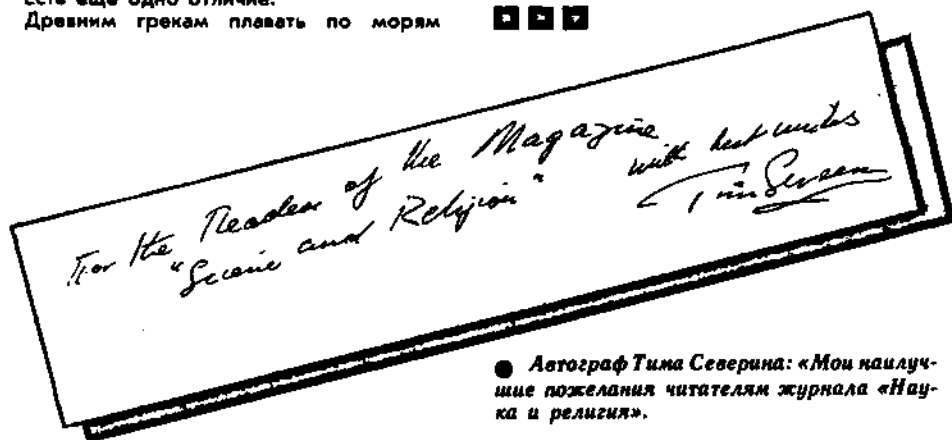
Ученые до сих пор спорят, что означало для древних греков Золотое Руно — религиозно-культурный символ, просто золото (или новый способ его добывания), волшебный талисман?..

Но если не раскрыта пока тайна поручения, данного Ясону, то на вопрос, зачем плыли в Колхиду его последователи спустя три с лишним тысячелетия, ответить можно. Все-таки — за богатством. Но бесценным: за золотым руном новых впечатлений, новых знаний.

Конечно, можно бы и без хитростей: самолетом, поездом, теплоходом. Но им нужно было — самим. Просто потому, что кто-то уже попробовал и — доплыл... Об этом много написано, об аргонавтах люди знают уже четвертую тысячу лет. А этим неутомимым захотелось — напомнить.

О своеобразной «наивности» древних греков много написано у Маркса. О наивности, которая была неотрывна от потрясающей любознательности, дерзости воображения. Может быть, что-то утерли мы в нашем чересчур просвещенном веке, когда информация — уже подготовленная кем-то и разжеванная — сама, даром сваливается отовсюду, только успевай схватывать на лету. (Ну действительно: улыбается с экрана телевизора Юрий Сенкевич и увлеченно рассказывает и показывает — что, где, когда!) Что же мы теряем? Непосредственную любознательность ребенка?

Само слово «героика» вошло, приплыло, как легендарная лодка «Арго», в наш язык оттуда же, из детства наивной Древней Греции. «Детьми» были античные мореходы, но сложенные об их подвигах легенды живут тысячи лет. И зовут в путь.

● Автограф Тима Северина: «Мои наилучшие пожелания читателям журнала «Наука и религия».

ЗАМОРСКАЯ ГОСТЬЯ

«Божественные» болезни:
правда и вымысел

● *Перевозка больных во время холерной эпидемии в Гамбурге в 1892 г. (из архивов Цюрихского института истории медицины).*

К. ТОКАРЕВИЧ,
профессор, заслуженный деятель
науки РСФСР,
Т. ГРЕКОВА,
кандидат биологических наук

Древнейшее свидетельство о холере высечено в одном индийском храме; датируется оно III веком до нашей эры. «Губы бледнеют,— гласит надпись,— взгляд становится бессмысленным, глаза закатываются, руки и ноги сморщиваются словно от огня, и болезнь охватывает многие тысячи людей».

Многие тысячи! Но в отличие от чумы холера долго не появлялась в Европе, и европейские врачи ею интересовались сравнительно мало. Первыми с ней вплотную столкнулись англичане — в период колонизации Индии. Командующий их войсками Гастингс записал в 1817 году в своем дневнике: «Поход был ужасен вследствие громадного количества несчастных, падавших от внезапного приступа этой страшной болезни, и вследствие громадного количества трупов тех, которые погибли на повозках...»

История этой болезни — один из наглядных примеров того, как религиозный фанатизм, темнота и невежество приводили людей к массовой гибели и как наука, постепенно разбираясь в причинах страшной инфекции, начала с ней и с суеверными о ней представлениями борьбу, увенчавшуюся успехом.

Изучая историю эпидемий холеры, врачи обратили внимание на то, что на ее родине, в Индии, они возникали на редкость регулярно — каждые 12 лет. Одну из причин этого они усмотрели в том, что в Индии раз в 12 лет особенно широко отмечается религиозный праздник Кумб-Мела. В дни праздника миллионы паломников устремляются к священной реке Гангу, в города Бенарес и Гардвар. Паломники располагаются на берегу и делают все, чтобы заболеть, — совершают ритуальные омовения в реке и пьют из нее воду.

Вот как описывал эту картину английский писатель Р. Киплинг: «Со всех сторон на Индию двинулась холера. Она поразила полумиллионную толпу паломников, пришедших поклониться местной святыне. Многие умерли прямо у ног своего божества, другие обратились в бегство и рассеялись по стране, распространяя смертельную болезнь. Холера брала приступом укрепленные города и уносила до двухсот жизней в сутки. В панике люди осаждали поезда... ехали на крышах вагонов, но холера сопровождала их и в пути: на каждой станции из вагонов выносили мертвых и умирающих».

Паломничество мусульманского населения Индии в Ирак — к могилам Кербелы и Неджефа и еще более массовый хадж в священные города Мекку и Медину тоже приводили к распространению холеры — уже за пределами Индии. Выходу болезни на мировую арену способствовали и английский колониальные войска. В начале XIX века началось ее шествие по земному

шару. С 1817 по 1925 год по планете прокатилось шесть ее массовых эпидемий (пандемий). Невежественные люди воспринимали их как божью кару, как наказание за грехи.

В 1823 году пришла холера и в Россию — через Астрахань. Первый визит заморской гостьи был краток, и многие решили тогда, что болезнь может прекратиться сама по себе. Через шесть лет купеческий караван принес ее вместе с шерстью и фруктами в Оренбург. А еще через год она вновь объявилась в Астрахани и быстро охватила значительную часть страны. За два года (1830—1831) холерой переболело более полумиллиона человек; около 230 тысяч умерли.

Слово «холера» происходит от греческого слова «холо» — желчь. В старину думали, что ее причина кроется в усиленном истечении желчи. Такие представления дошли до первой половины XIX века. Астраханская врачебная управа, например, отнесла вспышки холеры на счет «необыкновенной перемены местной атмосферы», способствующей усиленному желчеотделению (надо сказать, что астраханские врачи заблуждались не вполне: в 30-х годах нашего столетия была установлена прямая связь между усилениями солнечной активности, отражающимися на состоянии атмосферы, и вспышками холеры¹).

Рези в желудке и кишечнике, которые наблюдались у больных холерой, навели известного в то время врача Христиана Лодера на мысль, что болезнь «начинается в желудочном сплетении и тут же утверждается». Предохранить от напасти могли «твердость духа и отдаление сильных душевных волнений». Добиваясь этого он рекомендовал, «запечатлевая в уме утешительные слова из псалмов Давида». Однако в числе принимаемых против эпидемии мер были уже и рациональные, например изоляция больных и карантин.

В 1831 году холера объявилась в Петербурге. Она буквально косила людей.

Председатель холерного комитета, профессор Московского университета М. Я. Мудров прибыл в столицу и распорядился открыть временные больницы, но вскоре сам пал жертвой болезни. Карантинная застава на станции Ижора преградила путь в столицу, Царское Село было оцеплено. Карантин, как заметил Н. В. Гоголь, превратили эти 24 версты в дорогу из Петербурга до Камчатки. «Знаете ли, что я узнал на днях только? — писал он В. А. Жуковскому. — Но вы же не поверите мне, назовете суеверным. Что всему этому виною не кто иной, как враг честного креста церковью господних и всего огражденного крестным знаменем. Это черт надел на себя зеленый мундир с гербовыми пуговицами, привесил к боку остроконечную шпагу и стал карантинным надзирателем».

За определенную мзду эти надзиратели сокращали время пребывания в карантине с двух недель до двух часов. Подвоз продовольствия был прекращен, и цены на съестное мгновенно возросли. Все это вызвало в народе недоверие к распоряжениям администрации. Население столицы стало роптать на врачей, называя их отравителями. Дело в том, что в одном из пунктов специального «Наставления» о распознавании и лечении холеры людям предписывалось иметь при себе для предохранения от болезни «скляночку с раствором хлористой соды или уксусом, которым чаще потирать руки и около носа, кроме сего носить в кармане сухую хлористую известь, зашитую в полотняную сумочку». От инфекции это не спасало, а суеверная, подозрительно настроенная толпа заставляла тех, кто следовал «Наставлению», съедать свои «лекарства» для доказательства, что это не яд и что они не замышляют ничего преступного.

Один из очевидцев вспоминал: «В грязном, тесном и смрадном переулке на Сенной площади была устроена централь-

¹ См.: А. Л. Чижевский. Земное эхо солнечных бурь. М., 1973.

ная холерная больница, в которую полиция всех заболевших холерою в домах свозила насильно против их воли и желания, что и послужило поводом к серьезному волнению народа на Сенной площади, которое кончилось тем, что больницу разбили, больных вынесли на кроватях на площадь, доктора, фельдшера и аптекаря убили и прислугу разогнали».

Искры петербургского бунта быстро разлетелись по окрестным губерниям; многочисленные волнения, вошедшие в историю под названием холерных бунтов, вспыхнули и там. Затем наступили годы затишья, а вслед за ними разразилась третья пандемия, когда холера проникла далеко на север — на Кольский полуостров и в Сибирь. В 1848 году было отмечено 1772 439 случаев, из них 690 150 смертельных. Удивляться такой высокой смертности не приходится, так как эффективных методов профилактики и лечения еще не было. Е. Н. Водовозова рассказывает в своих воспоминаниях: «...Доктор практиковал у нас такой способ: из постели вынимали перины и подушки, а больного, обернутого в один простыни, клали на раму кровати, затянутую грубым полотном. Сверху больного укрывали множеством нагретых одеял и перин, а ноги по бокам его клали бутылки с кипятком, крепко закупоренные и обернутые в тряпку, а под кроватью в огромном медном тазу лежал раскаленный кирпич, который то и дело поливали кипящей водою с уксу-сом. Таким образом, больной вдыхал горячий уксусный пар, который вместе с теплыми покрывками должен был согреть его холодеющее тело».

Холера столь часто совершала свои опустошительные набеги, что в деревнях даже вели от них отсчет времени. «Земля наша какая — вы сами изволите знать: глина, бугры, да и то, видно, прогневали мы бога, вот уже с холеры, почитай, хлеба не родит» (Л. Н. Толстой. «Утро помещика»). «В первую холеру я с папильной вашием в ростепель в Москву ездил, с тех пор и мозжит...» (М. Е. Салтыков-Щедрин. «Благочинные речи»).

Во время холеры 90-х годов снова поползли зловещие слухи о том, что врачи специально морят народ, засыпают живых известью, отравляют колодцы, подсыпают яд в пищу беднякам, собирающимся в чайных. Многие, особенно старообрядцы, отказывались выполнять врачебные предписания. В Саратове духтынская толпа громила квартиры врачей и полицейских, сожгла временную холерную, разгромила губернскую и городскую больницы. В Хвалынске был растерзан санитарный врач Молчанов, пытавшийся улучшить водоснабжение.

Писатель Н. Г. Гарин-Михайловский рассказывает, что во время холеры в Астрахани грузчики с судов, стоявших в карантине, желая попасть на берег, запрягались в гробы и были вместе с покойниками привезены на кладбище. Там они выбрались из гробов и, обсыпанные известью, разбежались по городу, еще больше укрепив жителей в мысли о кознях врачей. О подобных же случаях пишет и Н. С. Лесков.

70—80-е годы прошлого века называют «эпохой великих бактериологических открытий». Тогда были открыты возбудители многих болезней — туберкулеза, дифтерии, брюшного тифа, сапа. В 1883 году началась сильная холерная эпидемия в Египте. Две научные экспедиции отправились в очаг заразы. Одну возглавлял

ученик Пастера Эмиль Ру, вторую — глава немецких бактериологов Роберт Кох. Коху удалось обнаружить холерный вибрион, и получить чистую культуру, что позволило изучить свойства возбудителя. Вибрион находили в кишечнике погибших от холеры и в водоемах близ очагов инфекции.

Однако открытие это было встречено недоверчиво. Немецкий гигиенист Петтенкофер считал, что вибрион, выделенный от больного и не прошедший созревания в почве, безвреден. Почва — вот что играет основную роль в распространении холеры! Чтобы доказать свою правоту, он в присутствии студентов и профессоров выпил живую культуру холерного вибриона. Дело кончилось лишь легким желудочно-кишечным расстройством. Но ученик Петтенкофера Эммерих, последовавший примеру учителя, заболел тяжелой формой холеры. В 1892 году подобный опыт с благополучным исходом повторили на себе в Париже И. И. Мечников и его молодой помощник Латоля, а ученик Мечникова Жупилль едва не умер.

Столь различные последствия вызывали недоумение. Гигиенист и микробиолог Ф. Ф. Эрисман писал: «Холера представляет собой явление в высшей степени сложное, загадочное... Это... сфинкс, который нас приводит в ужас своим смертоносным взглядом, но которого мы до сих пор понять не можем, несмотря на то, что разгадкой его заняты тысячи ученых во всех странах мира».

Но загадки «сфинкса» все же удалось разгадать. В организм человека холерный вибрион попадает с пищей или с водой. Соляная кислота, входящая в состав желудочного сока, оказывает на него губительное действие. Но при пониженной или нулевой кислотности этот естественный защитный барьер не действует. Кроме того, если вода выпита натошак, вибрион быстро минует желудок и сок не успеет обезвредить его. Бывает, что кислоту нейтрализует щелочная пища, и тогда вибрион благополучно проникает в кишечник, где и начинает размножаться. Таким образом, восприимчивость к холере отчасти зависит от кислотности желудочного сока и характера пищи.

Когда инфекционная природа холеры была окончательно установлена, на Синайском полуострове для задержания паломников с явными признаками болезни была создана специальная карантинная станция Эль-Тор. В 1906 году из кишечника паломников, погибших, как считали, от дизентерии, были выделены вибрионы, напоминающие холерный. Так их и назвали — вибрионы Эль-Тор. Долго считалось, что они безвредны для человека, пока в 30-х годах на острове Сулавеси не вспыхнула болезнь, вызванная именно этим вибрионом. Но до начала 60-х годов холера Эль-Тор не выходила за пределы Сулавеси и потому никаких мер к ее профилактике не принимали. Это оказалось ошибкой: она двинулась в наступление и распространилась по планете. Советский микробиолог Н. Н. Жуков-Вережников предположил, что болезнетворные свойства вибриона Эль-Тор приобрел в результате скрещивания с вибрионом Коха — в кишечнике какого-нибудь паломника вполне могли оказаться одновременно оба вибриона.

Холерные вибрионы выделяют ядовитые вещества, которые разрушают клетки слизистой оболочки тонкого кишечника, всасываются в кровь и отравляют организм. Отравление сопровождается обиль-

ным выделением жидкости, поносом, рвотой. Обезвоживание приводит к нарушению деятельности почек, сердечно-сосудистой и нервной системы и может окончиться смертью. Вибрионы уничтожают антибиотиками, а для остановки обезвоживания вводят солевые растворы. Если все это делается своевременно, человек выздоравливает.

Самая тяжелая форма болезни — так называемая сухая или молниеносная холера — встречается редко. При ней человек погибает от отравления через несколько часов — еще до возникновения основных симптомов. А бывает, холера протекает в скрытой, бессимптомной форме. Обычно это случается с теми, кто уже переболел холерой или находился в контакте с больными. По этой причине карантинные меры, принимавшиеся в прошлом, часто оказывались неэффективными: вибрионосителей считали здоровыми и не изолировали, а они-то и были переносчиками инфекции.

В наши дни холера ни у кого уже, даже у людей верующих, не вызывает суеверного ужаса или представлений о божьем наказании за грехи. И врачебные меры борьбы с ней воспринимаются как важные и необходимые. Этому в значительной мере способствовали достижения науки.

Эффективную вакцину против холеры создал в конце XIX — начале XX века из ослабленного вибриона ученик И. И. Мечникова русский врач В. А. Хавкин. Он лично привил ее в Индии нескольким десяткам тысяч людей. В начале XX века для иммунизации стали применять вакцины и из убитых вибрионов. Все они, правда, создают невосприимчивость к болезни лишь на несколько месяцев, но этого, например, вполне достаточно, чтобы предотвратить от заражения тех, кто отправляется в места, где часто встречается холера. Для кратковременной защиты от возбудителя людям назначают по определенной схеме антибиотики. А недавно было открыто еще одно лекарство. Японский биолог Исао Кубо выяснил, почему, несмотря на антисанитарные условия, на востоке Африки почти не бывает холеры. Оказалось, что тамошнее население пьет отвар из ягод, листьев и коры одного кустарника. Активный компонент этого экстракта — месанин обладает антибактериальным действием и создает устойчивость к холерному вибриону.

Тем не менее холеру и по сей день относят к числу особо опасных инфекций. Для борьбы с ней разработаны особые правила. Каждая страна, где зарегистрирован хоть один случай болезни, обязана тотчас известить об этом Всемирную организацию здравоохранения (ВОЗ). В «Еженедельном эпидемиологическом отчете» ВОЗ сообщаются данные о количестве заболеваний по всему свету. За самолетами и пароходами, совершающими международные рейсы, установлен постоянный контроль карантинной службой. Вспышку холеры стараются ликвидировать как можно быстрее, и в основном это удается. Лучший тому пример — история последних визитов заморской гостьи в нашу страну. После долгого перерыва она появилась в 1965 году — в Кара-Калпакской АССР и Хорезмской области, а в 1970 — в Астрахани, Керчи и Одессе. Но распространиться ей не позволили, и недаром принятые тогда меры, а также деятельность санитарно-предупредительного надзора в нашей стране ВОЗ оценила как образцовые.

Читатели нашего журнала тепло встретили повесть Бориса Яранцева «Тихая ты наша обитель...» (1973, № 5—8). В новом историческом романе писателя «После черного снега» действие происходит весной 1826 года, вскоре после разгрома восстания декабристов. В центре повествования — новый российский самодержец Николай I и отличившийся на Сенатской площади в бою против восставших офицер Конной гвардии Александр Глинский. Николай отметил этого офицера и произвел его во флигель-адъютанты, тем самым приблизив ко двору. Для лучшего знакомства с деловыми качествами своих новых адъютантов Николай решает послать некоторых на инспекцию в различные губернии страны, и ротмистр Глинский отправляется в Нижний Новгород.

С этой инспекцией, а также с последующими событиями в жизни ротмистра Глинского познакомит читателя главы из нового романа Бориса Яранцева.

Литература, искусство

УЖЕ СЕРЬЕЗНО РОТМИСТРА ГЛАВНОГО

Борис ЯРАНЦЕВ

Нижегородский край

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Второй день уже живу в Нижнем Новгороде.

Откуда здесь узнали о моем приезде? Апартаменты приготовили самые лучшие. Приняли с хлебом-солью, со сладкими улыбками, лисья хитрость которых настояна на тревожной неизвестности: «Чего ждать от царева посланца? Кого и за что будет распекать и упекать?»

Сперва было смешно и неловко. Я, кажется, надувался перед полицеймейстером и губернскими как мог: важно кивал направо и налево, не договаривал начатое, глядел поверх голов — точно так, как в столице. Потом стало грустно — трусят, потому и прислуживают. Два приставленных ко мне лакея, месячный запас таких свечей и сигар, какие в Петербурге достанешь разве в лучших немецких лавках. И витые серебряные канделябры — не иначе как из первых домов города. А перина!.. Когда я поутру выкарабкался из нее, решил: спать буду только на диване — он, слава богу, поместит. У серебряного таза для умывания поставили кувшин мейсенского фарфора. Поневоле вспомнишь предостережение Николая Дмитриевича Дурново: «Не споткнитесь в губернии на мягких коврах». Да... Тут держи ухо востро!

Смотришь на серебряный таз с саксонским кувшином и доходит до тебя, кто ты есть: ты, Александр Павлович Глинский, флигель-адъютант его императорского величества, от твоего слова будет зависеть — служить человеку здесь, в Нижнем, или уйти в небытие. Не по себе...

Не по себе стало уже в Любани, когда армейский генерал чуть не

ударил зрителя, клявшегося, что лошади в разгоне. Для меня же — ротмистра! — лошадей запрягли через полчаса: царев адъютант! И на каждой станции моя подорожная творила чудеса.

Все сделаю, в лепешку расшибусь — но поручение государя выполню! Пусть перемены, которые он намерен произвести, зиждутся и на правдивых фактах моего отчета...

Только вот советы всевидящего Николая Дмитриевича...

После приема у государя они вышли в соседнюю пустую комнату.

— Нашему государю нужны факты. Как вы собираетесь их подбирать? — прищурившись спросил небольшого роста полковник.

— Правду. Одну правду об истинном положении в стране.

— Отлично! Думайте все время о правде и чуть-чуть о себе. — Дурново поправил бахрому на плече Глинского. — Кстати, еще ни разу в истории двора не было случая, чтобы подобный венецель, — он потрогал шитую золотом букву «Н», — после снятия возвращали. Как вы думаете, это случайно?

— Что вы хотите сказать, Николай Дмитриевич?

— А то, дражайший Александр Павлович, что мы с вами не кадры ливанские и не благородные платаны — и жить нам не по две с половиной тысячи лет. Кстати, нам ли не знать, что можно рубить и благородные деревья в самые молодые годы. Тонкие губы полковника расплылись в улыбке.

Глинский взглянул в острые глаза: у этого человека всегда смеются только губы. Никогда еще он не видел его смеющихся глаз.

Полковник вынул кошелек, высыпал на ладонь несколько монет: из одного отделения — серебряные, потом из другого — медные. Подошел к столу и разложил монеты на полированной поверхности. В центре оказались медные. Их было много, и размеров они были внушительных. Сбоку — маленькие серебряные.

— В жизни нашей, — Дурново говорил

уже серьезно, — зла всякого много. И увидите вы его сразу. Оно не прячется, а лезет в глаза, как эти медные монеты. А искать нам надо все-таки серебро — оно дороже и нужнее. Но, учтите, немного его меньше. Не так ли? Зло — факт, и добро — тоже факт. И расположены они, как монеты в моем кошельке, — в разных отделениях.

Вы их не смешивайте.

— И что же? — не понимал Глинский. — А то, что если не хотите думать о себе — подумайте о государе. Стоит ли заставлять его по воле «правдолюб» разглядывать лишь медные монеты?

— Значит, приберечь для его величества только серебро?

— Вы, Глинский, напрасно улыбаетесь. Государю время и государевы силы и поберечь не грех. Просто из той меди, что вас облепит, не все тяните в отчет.

— А откуда же государь узнает об истинном положении в стране?

— Не мучайтесь государственными думами. Мой вам совет: в отчете побольше серебра и поменьше меди.

— Спасибо за науку, Николай Дмитриевич.

— Помните о гармонии: соединив любовь к государю с любовью к самому себе, вы соедините государственные интересы со своими — и всем будет хорошо. А главное — вам. И никогда не уповайте только на господ нашего, ибо он находится от наших дел в некотором отдалении...

Здесь, в Нижнем, уже лезли тоскливые мысли, холодком пробиравшие душу: что писать в отчете? Может, прав Дурново насчет серебра и меди?..

Рано думать об этом, сначала — увидь правду как она есть!

Через час гневные рысачи везли меня к губернатору. Государь аттестовал Александра Семеновича Крюкова человеком честным и разумным. Значит, так оно и есть. Как же тогда сыновья его, Александр и Николай из 2-й армии, оказались среди мятежников?

В бельэтаже, перед дверью губернатора, в секретарской чинно сидели

Рисунки
И. Вагровой.

«зеленые чиновники». Увидев меня, они вытянулись как по команде, а чиновник, встретивший меня внизу, распахнул высокую дверь кабинета.

Александр Семенович поднялся с места, вышел из-за стола, пожал мне руку и пригласил сесть.

Ему было за пятьдесят. Видно, долгие годы службы приучили его владеть лицом — оно ничего не выражало, кроме вежливого внимания. Но глубоко посаженные, под нависшими бровями глаза таили глухую, темную тоску... Бессонные ночи последних двух месяцев, неизвестность о сыновьях не прошли бесследно.

— Рад познакомиться с вами, — и попробовал улыбнуться. — Чем могу быть полезен?

Я рассказал о цели своего приезда, о вопросах, особо интересовавших государя.

— Что вам сказать... — Александр Семенович говорил неторопливо, четко, взвешивая каждое слово. — Маркарьевская ярмарка растет, ширится, купцы приезжают из дальних стран. Но больше похвастать нечем. Край наш изобильный, издревле известный деятельной промышленностью своих жителей, с некоторого времени испытывает стеснение, которому, впрочем, подвержены и прочие части нашего государства...

Он смотрел прямо, говорил открыто, не боясь, а я, не доверяя своей памяти, за ним записывал.

— ...Хлебопашество, бывшее прежде источником богатства и первым занятием поселян, не удовлетворяет более их нужды по причине необычайно низкой цены хлеба. Судите сами, раньше хлеб продавали не ниже десяти рублей на ассигнации за пуд, теперь за шесть рублей и того менее, а налоги — те же, повинности увеличились, крестьяне поистине в изнеможении. Казенная палата и помещики с трудом собирают подати; везде недоимки и везде невозможность пополнить оные, — губернатор поднял указательный палец, желая обратить мое особое внимание на последующие свои слова, — без крайнего разорения крестьян.

Он смотрел твердо, словно спрашивал: «Что, сударь, не таких речей ждали от губернатора? Говорю как есть! А что со мной будет после — это уже в руке божией».

Губернатору, видимо, было безразлично: уволят его — не уволят, он продолжал подробно повествовать о жителях заволжской части губернии, где земля песчана и неплодородна, а потому крестьянам, чтобы избежать голода, летом надо уходить на работу в другие края.

— Деревянная и глиняная посуда с рук нейдет, никто ничего не покупает, денег в обращении нет, вольной работы почти не стало.

Губернатор говорил, будто зачитывал судебный приговор городу, губернии, самому себе за дела, в которых ни город, ни губерния, ни он сам не были повинны.

Наконец встал, развел руками:

— Вот, все как есть. Ничего не таю. Смотрите сами, поговорите с чиновниками, с купцами, с людьми. Побеседуйте с князем Георгием Александровичем Грузинским, — губернатор ухмыльнулся, не пожелал скрыть неприязнь к этому человеку, — с нашим губернским предводителем дворянства. Христороби! Вы, разумеется, нанесете визит и нашему архиерею епископу Мефодию. Он в наших краях человек новый. Но — noblesse oblige!¹ Впрочем, побеседовать с ним любопытно. — Крюков задумался и продолжал не без грусти: — Кое-что я в губернии сделал. Только это капля в море. Сколько в нашем крае еще сделать должно!

Он смотрел в глаза прямо, твердо, будто готов был выслушать любой себе приговор. Только губы чуть подрагивали — нелегко давалась такая исповедь!..

Мы стали прощаться.

Он держал меня за руку и не в силах был выпустить ее. И вдруг меня словно обожгло изнутри! Я понял, что он хотел спросить, — и сжался... Флигель-адъютант не имел права даже выслушать вопрос. Даже от человека, который только что говорил со мной так честно, так откровенно...

Понять ли мне невысказанный вопрос? Дурново понял бы? Нет, не захотел бы.

— Мятежники сейчас в Петропавловской, — сказал я тихо, чтобы не поживились случайные уши за дверью. — Привезенных из 2-й армии поместили там же. Идет следствие. Приговор ожидается не скоро...

— Спасибо, мой мальчик! — тихим голосом произнес Крюков и еще сильнее сжал мне руку. — Простите меня, что так вас называю. Вы ведь в одних летах с моими...

Вряд ли я сказал ему что-нибудь новое. Но то, что я захотел понять вопрос и ответить на него, расположило Крюкова ко мне.

— Кстати, — продолжал он так же тихо, но в голосе его я услышал смущение: — У себя на столике вы... Словом, вы найдете золотую табакерку с алмазами... — голос Крюкова становился тверже. — Князь Георгий Александрович уже поторопился собрать с дворян и купцов добродетельные даяния. И попов не забыл! Простите, так уж у нас принято.

— Спасибо, ваше превосходительство, табаку не нюхаю и не курю.

— И много нынче в столице некурящих?

— Кажется, есть.

— Отрадно, отрадно... У нас их маловато... Если что надо — всегда к вашим услугам, — возвысил он голос. — Не понадобится — тогда до новой встречи на обратном пути. Пока же увидимся на губернском балу.

Вот она, первая табакерка! Коврики!.. Нет, и без советов Дурново рука моя не потянется к табакеркам! На мягких ковриках, кажется, не споткнусь. И все-таки — спасибо за доброе слово и полковнику Дурново, и губернатору Крюкову.

А, судя по словам губернатора, работа предстоит немалая! И «медь», видимо, пригоршнями посыплется в мои руки!..

Губернский предводитель дворянства князь Георгий Александрович Грузинский, маленький желчный старик с орлиным носом, принял меня как самого почетного гостя — в придворном мундире. Одновременно давая понять, что встречаюсь я не просто с губернским предводителем, а с князем, потомком грузинских царей, действительным камергером российского двора. Встреча наша ничуть не была похожа на встречу у губернатора: князь и навстречу мне вышел и, усадив в глубокое кресло, сел рядом на высокий стул, предложил вина и сигар.

Начал он с анекдотов о ярмарке, а потом перешел к высокой преданности престолу всего нижегородского дворянства, среди которого только «редкими черными пятнами зияют та-

¹ Положение обязывает (фр.).

кие личности, как князь Федор Шавской.

— Вы, наверное, уже знаете... — Предводитель наклонился к моему уху. — Нечист князь Федор, нечист! Он и масон, он и... Да разве все о нем узнаешь?! Человек, оторвавшийся от животворной православной церкви, — что прикажете ждать от такого?..

— Он принадлежал к мятежникам!

— То-то и самое опасное! — оживился князь. — Ты сделала — и к ответу! А этот... — Князь многозначительно покачал головой. — А этот мог сделать! По опыту скажу — то, что человек может сделать, во много раз опасней и страшней того, что он делает. Ибо думы наши заходят гораздо дальше самых решительных поступков, а преступные мысли и во все пределы не имеют! Кстати, разве уважаемый губернатор не сказал вам об аресте князя и препровождении его в столицу? — заинтересованно спросил предводитель.

— Нет еще.

— Впрочем, это не удивительно. У Александра Семеновича самого... — И князь покачал головой. — Скажу грубо и откровенно: не понимаю, как можно управлять губернией, если собственных сыновей воспитал врагами престола и отечества! Кто бы мог подумать, что из таких милых шалунов, как Саша и Коля, у такой матушки, как почтенная Елизавета Ивановна, могли вырасти такие злобные мятежники!

И на склоненном ко мне лице князя отразился непритворный ужас. Он наклонился еще ниже, мне показалось, что близко поставленные глаза его вдруг слились в один.

— А все немцы, англичане, француз-у-узы! — с ненавистью потянул он последнее слово. — Саша воспитывался в Петербурге в пансионе у Крыля и Мейера, а младший, Коля, — князь возмущенно развел руками, что означало: «Разве можно мальчика отдавать в такие руки?!», — в отрочестве провел годы с гувернером Марино — французом-эмигрантом, науки преподавал ему англичанин Вольемут, а потом и вовсе попал во вселенский рассадник пагубы — в Муравьевское училище колонновожатых! Вот что бывает с людьми, когда они душой отторгнутся от родных мест, — везде стережет проклятая зараза, то западная, а то и своя!

Но вдруг воинственный тон князя сменился на тихий и смиренный:

— А ведь чего проще: учить всех — дворян особливо! — в родном духе, близком сердцу — православно! И никакого пустомыслия, душа правде и добру открыта, и внутренние очи всегда горят, а рука на шпаге, верной престола и отечеству! Знаете, ротмистр, я не имею представления о душах злодеев, но серд-

цем зрю — ни у кого из них господя нашего в душе не было, а без этого — нет и уважения к государю!

Он плотно сцепил пальцы, потом попытался развести руки.

— Вы согласны со мною, ротмистр?

— Я чувствую, князь, что над этими вопросами вы думали много и плодотворно.

Он усмехнулся, видимо удовлетворенный моим ответом, и устало откинулся на спинку стула.

Воистину — христолоб! Вот каков действительный хозяин губернии!

И впрямь, он начал рассказывать о губернском дворянстве — гордости края, потом о ярмарке, ее оборотах, о планах новых построек. Я слушал, и мне становилось жалко губернатора. То, что в остреньком кулачке у князя были и губерния и губернатор, — я уже знал, кожей почувствовал после этой беседы.

— Так и передайте про наше процветание нашему обожаемому государю. А если иное узнаете или услышите — клевета и вздор! Пошлий вздор! — Он заговорил грубо и властно, будто диктовал мне строки моего отчета.

Своим придворным мундиром он как бы пригнул меня к земле: что я, свежееиспеченный флигель-адъютант, перед ним — действительным камергером российского двора! К полу меня, кутенка, к полу, к полу! Забить, затоптать, чтоб я почувствовал, что даже здесь, в провинции, он несоизмеримо выше государя инспектора.

А мне даже весело стало — ни благоговей перед ним, ни позволять топтать себя я не собирался. У меня государяво лоручение.

— Я должен встретиться в городе и губернии со многими людьми, ваше сиятельство, и тогда уж составлю свое мнение.

— Вы правы, вы правы, поговорить с людьми, поездить, посмотреть — это необходимо. Один Арзамас сто очков вперед даст иному губернскому городу: какой собор они воздвигают в честь победы над Наполеоном! Какие вожди духовные — кремынь!

Разговор, видимо, пошел не так, как хотел князь, и он был раздражен. Губы улыбались, но хищный нос, оседлавший верхнюю губу, стал еще тоньше, а в глазах появился злобный блеск.

— И еще, ваше сиятельство, не знаете ли, чья это золотая табакерка случайно оказалась на столе в моей комнате?

— До чего же вы юны, мой молодой друг! — расхохотался предводитель дворянства. — Неужели вы думаете, что вы у нас, — он ткнул меня в грудь, — первый инспектор? Не нравится — кто ж вас заставит брать ее на память? Кстати, позвольте полюбопытствовать, с какого времени вы в свите? В списках за прошлый год

я вашу фамилию, извините, не встречал.

— С пятнадцатого декабря прошлого года.

— А... с пятнадцатого декабря... Извините, у меня нет еще последних списков. Поздравляю, поздравляю. Верность государю — прежде всего!

Каждым словом своим он потешался над моим недавним флигель-адъютанством.

— А как здоровье нашего дорогого «Le prince «non»?

Он нарочно называл сейчас начальника штаба его императорского величества князя Петра Михайловича Волконского придворным прозвищем «Князь «нет». Так его называли только при дворе за скудость и скаредность.

— А как поживает наш дорогой граф Карл Васильевич Нессельроде? Тончайшего ума человек! Как по нему сохли наши дамы, когда он удостоил Нижний визитом! Передайте, ротмистр, поклон от меня графу, а князя просто расцелуйте за меня!

Камергер откровенно издевался надо мной, прося передавать привет министру иностранных дел и целоваться с начальником штаба!

Картежник! На руках короли! Прощать нельзя — бить его наотмашь. Козырным тузом тебя, шулера!

— Спасибо, князь. Только нашего государя я увижу раньше, чем ваших друзей. Что передать его величеству? Или прикажете от вашего имени расцеловать государя?

Князь побагровел, покрылся каплями пота. Какой он все-таки маленький в своем расшитом мундире — карлик!

Я встал, поблагодарил за беседу, полезную для моей инспекции.

— И еще, — прибавил я на прощание не без угрозы, — соблаговолите, князь, позаботиться, чтобы никакие табакерки у меня на столе не появлялись. Табак я не нюхаю. Честь имею! — и вышел из кабинета.

Был дураком, дураком и остался: врага в губернии уже нашол.

А, черт с ним! Князей бояться — в бой не ходить!

Государь просил правды, одной правды! Какими глазами я буду смотреть, если в первую же поездку вместо правды привезу себе золотую табакерку, а в отчете — велеречивые бредни князя?

Буду проверять теперь — кто из двух моих высоких собеседников говорил правду. Хотя и без проверки многое вижу... И поможет мне бог!

Епископ Мефодий принял меня радушно и ласково. Был он маленький, худой, никакой архиерейской солидности!

Мне понравилось, что принимал он гостя по-домашнему. И одет по-домашнему. Без панаги. И смотрел по-человечески, а не нависал надо мной вороном, как вчерашний сторонник православного просвещения.

Глаза у Мефодия светились доброжелательством, и разговорились мы с ним запросто.

— Воля синода неисповедима — в Нижний назначили! — он пожал плечами. — Мне хотелось куда-нибудь на юг, в края теплые — в Екатеринодар, в Екатеринослав, как врачи советовали. Я слепу и закинул об этом в синоде. «В таком случае — поедете на епархию в Нижний!» — возгласил обер-прокурор. Вот мы с вами и встретились. Как бы не занемочь здесь еще пуще: грудь у меня слабая, кашляю.

Слово за слово, я и не заметил, как расспросил он меня о последних столичных новостях. Осторожно спрашивал о новом государе, витиевато высказался против Фотия. Потом от души благословил меня, приблизил светлеющие от старости глаза и сказал слова, которые запомнились сразу, хотя значения их я не понял:

— И во всем, молодой человек, Вышнего града взыскайте!

И снова благословил меня — уже на прощание.

Я поцеловал руку и хотел выйти, но он придержал меня:

— Будете в Арзамасе, пойдите поклонитесь в Алексеевскую женскую общину. Я не был там, но по общему мнению это такая обитель, какой каждому бы монастырю быть следовало. У нас она одна, и других таких не предвидится...

Мы расстались друзьями.

Не думал, что так легко и просто будет с нижегородским архиереем! Где потеряешь? Где найдешь? И кто христоролюб истинный?

Золотая табакерка исчезла.

Неужели приезжавшие сюда свитские брали? Интересно, чем отольется моя неблагодарность? Князь-христоролюб, по-видимому, не из забывчивых!

...Тюрьмы, больницы... Везде непорядки, но при сопровождавших меня чиновниках — никаких жалоб... Сажу в губернских палатах — в уголовной, в гражданской, в казенной, говорю с чиновниками, просителями. Узнаю, спрашиваю, сопоставляю, записываю. И все — когда один на один — пугливо оглядываясь, говорят мне о князе Грузинском и его людях, об их беззакониях. А когда пора зажигать свечи, у меня — люди: приказал денщику Василию пускать всех.

В полверсте от дома появились два будочника под началом квартального: взащей гонят просителей.

Сколько людей уже стало моими врагами!

Ходят чиновники, но больше купцы. Только так правду и поймешь. Постепенно и узнаю то, о чем буду писать государю.

И купцам несладко, и мещанам, и крестьянам. До чего ж худо жить человеку! И откуда идет это, откуда? Пришел мужик из Семенова. Зарос-

ший, лицо печным огнем прокаленное. И в ноги:

— Ты, говорят, барин хороший, людей слушаешь, не гонишь. Самому царю служишь, сапоги ему подаешь, одежду. Правду бают? Так скажи нашему кормильцу, между делом как-нибудь, а?

— Что сказать? Ты встань, встань.

— Худо, барин! Скупщики совсем денег не платят, а то вовсе от товара отказываются. Как деньги на подати доставать, откуда?

— Да кто ты? Объясни толком.

— Семеновские мы. Вон что делаем, глянь-ко! Вон на дворе снег, пурга, а коли в избе красная посуда — в избе золотое лето! Глянь!

И он вынул из мешка какие-то ложки, посуду — миски и плошки, бокалы и то ли сахарницы с крышками, то ли круглые коробки для соли, и точно светлей стало вокруг. Радуют глаз цветочки, листочки, ветки закатным солнечным золотом, а вишенки и землянички — молодой бодрой кровью. А на хлебнице надпись: «Хлеб на стол — и стол престол, хлеба ни куска — и стол доска».

— Скажи, барин, как думаешь, чем лучше щи хлебать — железкой фабричной или такой вот ложечкой?

— От такой и у щей и у каши вкус слаще! — уверенно сказал Василий.

— Дело-то, дело какое ко мне?

— Заступись, барин! Ты в столице на серебре небось ешь да серебряной ложечкой остаточки соскребываешь. А мужику да простому человеку без нашего товару никак нельзя! Купцы-скупщики одолели, вдвое против прошлого цену на товар уменьшили, говорят, не берут наш товар!.. Да как не брать! — отчаянно вскричал мужик. — На ярмонку хотя на Макарьевскую приходи — по шесть-семь гривен за дюжину ложки идут, а в самый ход так и по рублю! А нам против двугривенного в прошлый год нынче по гривеннику за дюжину платят!

— А я-то что могу?

Мужик в ноги:

— С чего подати платить? Исть чего? А мы, барин, всяку посуду расписывать можем и мебель можем! Хоть подати с нас скости, невозможность ведь!

— Хорошо, я поговорю в казенной палате.

Мужик встал, степенно отряхнул колени и поклонился в пояс.

— Спасибо, барин. Хоть на добром слове спасибо. А это все тебе от нас на память за доброту твою!

— Убери, убери!

— Не побрезгуй, барин, не обижай наших семеновских! А будешь одевать царя-батюшку — скажи про нас, а глянется ему наша работа, мы ему такую посуду распишем — про серебро-золото свое забудет!

Я глядел на ложки, плошки, коро-

бочки — и горечью отзывалось это золотое веселье... Чем помочь? Назойливому нищему в Петербурге дашь гривенник, а тут та же монетка за дюжину таких ложек! Почему и этим мужикам тоже плохо? Цену скупщиков я не подниму, это ясно. А может, налоги сбавят? Надо спросить председателя казенной палаты. А будет ли толк от разговора? Обо всем, обо всем напишу в отчете!

Редко, ох, как редко прорывается ко мне крестьянин, мужик! Чиновник, купец — те еще могут, а мужика будочники взащей гонят! Как этот, семеновский, проскочил?

Стемнело. Василий хотел зажечь лампу. Я остановил его. Всегда в это время мысли плохо подчиняются мне, путаются, одно наплывает на другое, самому непонятно — откуда что и появляется. Только придет в голову — и уже не выгонишь...

Вот и сейчас, вспомнилось вдруг точно из мрамора высеченное лицо Павла Пестеля, виденное мною дважды: в гостях у брата-кавалергарда и потом, перед допросом у государя. Неужели Пестель прав, когда считал, что если бы не Петербург и не Москва, то только Нижний стал бы столицей нашего государства! Даром ведь, не один купец повторил мне здесь, вот в этой комнате: «Москва — сердце матушки России, Санкт-Петербург — ум ее, а Нижний — ее карман». Видно, пора уж и к карману повнимательней относиться, чтоб не было в нем дырок!

ГЛАВА ВТОРАЯ

Почему-то больше всего здесь говорят об Арзамасе. И по-особому. Кто уважительно: «Арзамас-городок — Москвы уголок! На семи холмах раскинулся!» Кто с пренебрежением: «Город луконый, столица гусиная». У чиновников взгляд свой: «Арзамас — город почтеннейший, вся Россия перьями арзамасских гусей пишет». И все говорят о строящемся там необыкновенном соборе. Что это за собор такой, да и весь Арзамас, что он такое, что разговоров столько? Чуть не самый лучший. После Нижнего, разумеется.

Всеобщие похвальные слова об Арзамасе заинтриговали меня, и я решил оставить его в поездке напоследок. Приеду туда, когда уже все другое повидаю, смогу сравнивать, да и научусь отличать то, что хотят показать, от того, что смогу сам увидеть. Так и построил инспекцию.

Под мартовским солнцем снег сжимается, грязь вылезает наружу. И сани натываются на вылезающие кочки и лихо подпрыгивают, подбадривая мои бока.

Бегут перед глазами города, городки. День-другой — и новый: Балахна, Княгинин, Сергач, Лукоянов... И похожи, и все разные. Прошли они,

проскочили. Записал что надо — и ладно. Да ведь память! Что с ней сделаешь? И хочешь забыть, а не забывается: проходит отъезженное перед глазами странными, рваными кусками, пятнами какими-то яркими, темными, смешными или тяжкими, беспросветными...

...Из Лукоянова выехали завтра — городничий дал отличную тройку. Когда на полдороге в Васатках остановились передохнуть, Василий вытащил большой мешок.

— Это еще что?

— Не извольте беспокоиться, это городничий лукояновский приказал в возок спрятать и до Шатков этим вас не тревожить.

Тьфу, черт! Не мытьем, так катаньем! Не золотая табакерка, так большой осетр и две бутылки настоящего французского вина. Вроде бы мелочи, гостеприимство. Неужели когда-нибудь привыкну и буду все принимать как должное? И футлярчик! Снова табакерка Черепашовая. Видимо, так уж заведено — одаривать инспекторов табакерками. Губерния — золотой, уезд — черепашовой. По рангу! В Балахне и Княгинине от подношений уйти удалось. И в Сергаче уже не подносили. Последний городничий оказался хитрей других.

Василию приказал настрого:

— Чтоб в Арзамасе никаких подношений. Выпорю!

— Слушаюсь, ваше высокоблагородие! — с деланным послушанием отчеканил денщик. Знает, каналья, что пальцем не трону. Распустил я его!

Что мне с этой черепашовой табакеркой делать? Красная цена ей — пятерка на Гороховой, а вот лежит передо мной, ловкая, ладная, многоглазая, — и подмигивает: «Взял!»... В Арзамасе надо быть осторожней!

К Арзамасу подъезжали к концу дня. Дорога была ровная, и по тому, как ямщик хлестнул лошадей, суматошно заерзал и приосанился, я понял, что с высоты облучка он увидел то, что мне оставалось невидимым. Город!

Солнце, прощаясь с недлинным еще весенним днем, сходило на покой медленно, неторопливо. И вдруг из-за дальней лесной стены, к которой мы приближались, под плывущими облаками, как в сказке, стал подниматься строй золотых куполов, разреженный высокими башенками колоколен, словно из-за лесной защиты подымал голову некий горный град... Купола эти, переливаясь всеми оттенками золота, красуясь друг перед другом, всей земной силой своей тянулись к облакам, к солнцу...

Что это, mirаж?

А потом, тоже вдруг, длинный ряд куполов, покрасовавшись золотом, исчез, пропал — наш возок по прямой дороге помчался вниз...

Я вспомнил нижегородского архиерея: не Вышний ли град явился мне, грешному?

Дорога опять начала взбираться вверх и метнулась вправо. И прямо перед нами из-за лесной стены снова стало возникать золото куполов. Можно было различить уже и кресты на них. И если купола находились в некоем величавом покое, то кресты были в каком-то необъяснимом движении, и от колеблющегося движения этого покалывали глаза золотые иголки солнечных лучей. А в самом конце дороги, на крутом взгорке, словно останавливая ее, властно приказывая не двигаться дальше, стоял огромный строящийся храм. Он был уже подведен под крышу, и два ровных ряда колонн, казалось, надвое разрезали город, щедро раскинувшийся по обе стороны дороги. Так вот он, Воскресенский собор!

И вправду — «Арзамас-городок — Москвы уголок». Воистину — Вышний град! Град свят и чуден...

Слева от нас при въезде в город, там, где вдали тянулась ледовая полоса реки, большими буграми вздувалась земля. Будто она тяжело вздыхала здесь, и вздохи земли так и остались навечно буграми. И то тут, то там, как сказать, не знаю, — домики? часовенки? — маленькие каменные строения в два аршина, будто память человеческая о тех вздохах земли. И во многих «домиках» сверху, в углублении, старательно прикрытом слюдой, теплятся негасимые лампадки под иконками...

Что это? Арзамас сразу начинался с загадки...

Справа — кладбище. В каком-то темном родстве все это с памятью о погибших человеческих душах. Чьих душ?..

Не успел я и подумать, как мою тройку при самом въезде в город уже встречали. Всех не запомнил, бросилось в глаза широкое лицо самого высокого.

— Квартальный надзиратель коллежский секретарь Григорий Белкин! Это высокий, другой — пониже:

— Квартальный надзиратель коллежский секретарь Филипп Быков! В пояс поклонились оба:

— Имеем честь покорнейше просить вас к нашему городничему, коллежскому советнику и кавалеру Егору Степановичу Бабушкину!

Много о себе думает Арзамас, если городничий не сам встречает меня, а высылает квартальных!

«Кварташки» уже изрядно подмерзли, а потому рысцой бросились к своим возкам, и наш кортеж направился к городничему.

Ждал он меня в городской полиции. Здесь городничий был дома и первым оказывал мне гостеприимство.

— Апартаменты ваши ждут вас. Не пожелаете ли отдохнуть?

— Не откажусь.

— Как пожелаете? Подъедем или пройдемся по городу? Тут недалече.

— Можно и пройтись.

— Как прикажете вас звать?

Я улыбнулся — чином он был меня старше, и звать меня «высокоблагородие» ему никак не пристало. Имя мое он, конечно же, знал.

— Не пожелаете ли глянуть пока, Александр Павлович, на последние записи журнала арзамасской полиции? Город наш — как на ладони. Ведется ежедневно и со всем тщанием.

Я согласился. Он услужливо придвинул мне пухлый журнал, наклонился над ним, тыча толстым негасящимся пальцем в корявые записи подканцеляриста.

— Извольте взглянуть: вот о наказании плетью с дачею десяти ударов мещанина Харсеева за кражу колеса, вот о взыскании с губернского секретаря Алексея Спиридонова денег за повышение в чине, вот объявление академика 10-го класса Александра Васильева Ступина об отсрочке выплаты денег мещанину Феоктистову, вот...

— Позвольте, что это у вас за такой «академик 10-го класса»?

Городничий остановился, сбитый с толку, потом усмехнулся неловко — черт его знает, как к этому отнесется царев инспектор!

— Так, ничего особенного, живописец местный, школа у него своя для отроков и юношей.

— Школа живописи? — не на шутку удивился я, а мой собеседник растерялся, не зная, как принять мое удивление.

— Не извольте беспокоиться, — нашелся он. — Школа вполне почтенная и разрешенная в самом Санкт-Петербурге!

— Нельзя ли, Егор Степанович, посетить ее?

— Не извольте беспокоиться, в общем они тихие, не шалят. — Заметив, что я ничего не имею против этой школы, городничий успокоился и осмелел. — Всенепременно! И заставим Ступина давать объяснения.

— Зачем же так — «заставим», — сказал я, поднимаясь со стула и хлопывая журнал.

— Не извольте беспокоиться, посещение ваше за милость сочтет!

На сердце у городничего полегчало.

— Извольте пройтись?

Я кивнул. Городничий, прихрамывая, забежал вперед, чтобы открыть предо мною дверь, но квартальный упредил его — так они и стояли в полупоклоне по обе стороны открытой двери, пока я не вышел из комнаты.

Арзамас я увидел теперь в сумерках, когда потускнело золото куполов, а в темнеющем небе блеклыми тенями таяли кресты. В окнах зажигались огни, на улицах было пустынно.

— На минуту задержу вас,— сказал Бабушкин, подводя меня поближе к огромному старинному собору.— Извольте взглянуть на его крест.— Отсюда, с близкой к собору горки, еще видна была резная позолота огромного креста.— Ничего не приметили? На чем стоит этот крест, а? Да, да! Даже в полутьме было видно суденышко, скорее ладья, над которой и возвышался крест.— Увидели? — с торжеством спросил городничий.— Вот что есть в крови арзамасцев!

— Что? — не понял я.

Он наклонился к моему уху:

— Неповиновение! Глубоко оно в крови запрытано, глубоко!

— Отчего ж оно?

— Во времена царя-батюшки Иоанна Грозного переселяли сюда мятежных новгородцев. И говорить и думать им запретили про Новгород! Так они в память о нем ладью свою новгородскую под самым святым крестом поместили! Нате вам, вот как мы не будем думать и говорить! — И городничий показал мне толстый кукиш.— О-о! Арзамас-городок — Москвы уголок только по холмам да по церквам, а дух в нем, скажу я вам, всякий и разный! А изволили видеть арзамасский герб?.. То-то и оно, что не видели! Любой герб нижегородский уездный возьмем. Что увидим? Все нижегородского скачущего оленя на гербу держат. А Арзамас? Выкуси нижегородского оленя! Два угла тебе — и никакого оленя, точно и не нижегородские! Вот как хотите, так и понимайте.— Видимо, городничий сам убоялся своих слов и фамильярности с царевым посланцем. Голос его стал суше: — А вообще город наш теперь богатый, добрый и смиренный. И все в полном порядке. Бабы языки чешут, мужики дерутся по пьянке — все как у добрых людей. Но чтоб явное возмущение было — того ни-ни! Разве что спяну подурит кто маленько. Так на то и плети. Сейчас, как и в матушки Екатерины царствование,— Сон-город.

— Какой?

— Сон-город. Так его матушка царица окрестила при своем проезде в 1767 году. Так в Сон-городе до сих пор и живем. Жаловаться грех — все у нас в порядке. На рынке привоз отменный, купцы — люди степенные, в лавках товару какого хотите.

То, что город богат и красив, видно было сразу, даже во время этой прогулки: церкви побелены, много новых домов, старые рушат, чтобы освободить место для новых. И люди здороваются, но смотрят на тебя не с испугом, а с интересом.

Стемнело. Слева от нас в садик из вязов, берез и лип со всего города слетались галки.

— Галдят-то как,— рассердился городничий,— будто завтра им и дня не будет!

Мы остановились, чтобы понаблюдать, как рассядутся птицы.

— Умны, разбойницы,— уважительно сказал мой спутник.— Ведь как сели — только на самых верхушках, ни одной на нижних ветках.

— Отчего ж так?

— Уважают себя,— строго ответил он, потом чуть прищурился и ухмыльнулся.— Чтоб ни одна другую сверху не метила.

Мы рассмеялись. Городничий не скрываясь радовался моему смеху.

— Людям бы так,— со значением проговорил он, впившись в меня глазами.

Попробуй не понять намека... А попробуй понять!

— А вот и ваше обиталище,— торжественно поклонился мне городничий, указывая на темный деревянный дом с ярко-белыми в два обхвата колоннами. У ворот уже подмерзал в форменной шинели невзрачный квартальный Филипп Быков и толстый помещик в дубленом полушубке.

Помещик, кажется, добрый малый. Познакомил меня с женой и дочерью — миленькой белесой девушкой, уже вздыхающей, наверное, о загадочных принцах, о гусарах... Милая девочка, увы, я не из них.

Василий разложил по местам все необходимое в двух комнатках наверху. Судя по чистоте и вышивкам, это были комнатки беленькой дочери. Хрустящие простыни, хрустящие наволочки... И в эту девичью постель с моими конногвардейскими снами!.. Подумал об этом — и покраснел. А тут еще иконки в углу...

У высокой постели с горкой кружевных подушек в явной растерянности застыл Василий.

— Никаких диванов, ваше высокоблагородие. Только это!

Я ткнул рукой в пуховую перину.

А может, прав Николай Дмитриевич — с медью и серебром? Что с того, что я покажу все язы, какие увидел? Приятно ли это будет государю, нужно ли ему? Он ведь тоже сейчас среди ночи не спит в думах о завтрашнем дне империи. В думах и молитвах. Не достаточно ли того, что писали ему о России и порядках в ней — во всех порях государственного и общественного бытия ее — те, кто сейчас заключен в крепость?.. Надо ли все это знать государю, надо ли утяжелять и без того невеселые его думы? Наконец, почему тревоги нижегородского губернатора, арзамасского городничего и прочих обязательно должны стать его тревогами? В конце концов, не грех и пожалеть те плечи, на которые взвалены тревоги всей империи!

Но зачем тогда вообще эта инспекторская поездка?!

И снова слышу голос Николая Дмитриевича Дурново. Он знает, о чем говорит, старейший флигель-

адъютант покойного государя. Добра желает...

А вот уже и натужные шаги по высоким ступенькам лестницы. Неспешный стук в дверь.

— Войдите.

Хозяин по-парадному приглаженный.

— Не соизволите ли разделить нашу скромную трапезу? Сегодня у нас гусь.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Гусь был превосходен! С прозрачной румяной корочкой, хрустевшей во рту. И семья — превосходная, и городничий сидел довольный. Квартального выгнали сразу — еще до гуся.

Хороша водка в Арзамасе! А голова все-таки слегка потрескивает...

— Городничий обещался часам к девяти зайти,— подал голос Василий, услышав, что я проснулся.

Я тотчас вскочил с разморившей меня перины.

Хорошо здесь, в Арзамасе! И благовест к утрне особый — нету в нем мощи петербургского Николая Морского, зато некая теплота есть, легким касанием пробегающая по сердцу. И полночь бьют не так, как у нас в столице. И збрю, слава богу, играть некому; лежи, отсыпайся — здесь тебе не казарма.

Городничий оказался точен. После неспешных шагов по лестнице я долго, еще до стука, слышал его громкое похмыкивание перед дверями.

— Да войдите же.

Коллежский советник и кавалер Егор Степанович Бабушкин был в парадном мундире с «пряжкой» за выслугу и начищенным Станиславом.

— Как почивали, Александр Павлович? — спросил он с какой-то слишком уж своей улыбкой, которая мне не понравилась.— Сегодня осмелюсь предложить вам для осмотра народное училище, больницу. Может быть, острог посетить желаете?

Надо же! Только сейчас вдруг понял — во всех городах больницы да остроги. Сам ведь спрашивал! И оттого даже не предлагали нигде посетить гимназию или училище. Но ведь сам государь о них ничего не наказывал!

— Сначала больницу, а затем острог.

— Как пожелаете. Саночки ждут. Только оденьтесь потеплее, сегодня на улице — страсть! И весна, а — страсть, хе-хе.

Больница оказалась просто дрянной. На пятнадцать коек, а больных в ней было пять-шесть. Заранее предупрежденные, они, как по команде, вскакивали с кровати, на которой сидели, и громко рапортовали, что всем довольны. Как везде.

Из больницы замороженными деревянными улицами мимо каменных церквей поехали на окраину, туда, где встречали меня квартальные при

въезде в город, — в острог «Бутырки». Арзамас-городок — Москвы уголок!

— Близ Ивановских бугров, — полуслышно и с каким-то, как показалось мне, страхом пояснил городничий.

Что это за Ивановские бугры, я не спросил.

Остановили лошадей у нового каменного острога с высоким палисадом, который словно стеснялся этого здания и всем своим видом говорил: «Я что? Я ни при чем, вон он — острог, а я палисад». Впрочем, такие остроги, чуть поменьше, в уездных городах я уже видел — они сооружаются по общему плану подобных заведений.

Арестантов было двадцать семь. В палатах грязь — хоть к моему приходу бы убрали! Выстроенные перешептывались, обалдело, с любопытством и тревогой поглядывали то на меня, то на городничего.

— Вот, — и Бабушкин торжественно начал представлять арестантов, — эти двое, Влас Васильев из села Кириллова и дружок его Семен Григорьев из Моршанской слободы, что под Тамбовом, тут за кражу лошадей и прочего имущества на 124 рубля. Этому, — он ткнул пальцем в бородастого крестьянина, — 50 ударов плетью, а тому — 30.

Страх на лицах воров не было. Был интерес к столичному гостю, и даже здесь, в сырой полутьме коридора, азартно, по-базарному поблескивали их глаза.

— Этот рабочий человек с завода Подсосова Андрей Васильев избил морду мастеру, за что по определению суда будет бит кнутом и сослан в Сибирь. Плохо с ним, стервецом, обращались, видите ли!

— Отчего вы их не наказываете, а здесь держите?

Городничий помялся и теплой медвежьей вонью задышал мне в ухо:

— Запил мерзавец профос! Вторую неделю без просыпу. Куда ж его пьяного к кнуту подпускать, дело портить? — И еще шепнул, уже с гордостью: — А как работает! Поглядели б! Никакого тебе балагана не надо, с присвистом... Мастер! — Городничий даже причмокнул. — Учиться у таких надо! Ведь помрет от горячки, кто такого заменит? — Я представил себе «мастера» и вздрогнул. — А этот голубчик, — в голосе Бабушкина послышалась не только злоба, но и угроза, какая бывает у людей, добравшихся до возможности отомстить, — это Стефан Александров. Убежал от госпожи Авдеевой и прозывал себя в Нижнем отпущенным! Десять плетей ему, и опять к госпоже Авдеевой, а сошлет она его в Сибирь или не сошлет — на то уж ее добрая воля... Этот — Хохлов Кузьма, из села Соснихино, за руку солдата укусил, там такие, как он, открыли явное возмущение. Позвали солдат. Теперь суда ждет.

Я отвернулся от говорящего и вдруг увидел крепкого, широкоплечего мужика, который — нет, я не ошибся! — улыбался мне как знакомому.

— Чего лыбишься?! — рассвирепел городничий. — Думаешь, не доберу до тебя, ехидна подколодная! Чистенький выйдешь? Достану!

Мой «знакомец» спрятал улыбку, а лицо его приобрело какое-то неупомимое выражение...

— Поймали мы шайку, фальшивые рубли делают. Змеи! Им бы в ножки бухнуться — простите, мол, не судите строго! А они: «Невиновные мы, за напраслину страдаем!» А денежки-то вот они! В полиции лежат их рублики, один к одному! Сколько невинных селян и обывателей за эти деньги перепорото — где взяли? Вот так, колечко за колечком, всю цепку прошли — до этих добрались. Молчат, сукины дети! Этот, — городничий ткнул в «знакомца», — деревни Хвостиковой Петр Хехнев, прозвищем Масан, а этот — села Захарово Иван Парфенов, а тот, последний, — он указал на человека, отличавшегося независимым видом и городским платьем, — купеческий сын города Семенова Иван Осмушников. Мы их и на прогулки не выпускаем. Хвосты нынче рубим — по губернии переводчиков фальшивой монеты ловим.

В лицах фальшивомонетчиков заметно было что-то лихое, горделивое, — такое выражение бывает у людей, которые умеют и решаются делать недоступное для других.

— Жалобы есть? Прощения?

Люди, как всегда и везде, конечно, молчали.

Вдруг огромный широкоплечий «знакомец» рванул ко мне, вытянув вперед руки с растопыренными черными пальцами.

— Барин! Дозволь с тобой прокаться маленько!

Городничий мигнул надзирателям, и те в мгновение оттеснили Масана в общий ряд.

— Эт-то еще что такое?! — взъерился городничий.

— Дозволь! Страшную тайну для государя нашего открыть хочу! — кричал Масан. — И чтоб никто про то не слышал, кроме тебя!

Все опешили, городничий в растерянности уставился на меня — решать предстояло мне.

— Тайну, говоришь? А тебе можно верить?

— Да какая ему вера? Каторжник! — обрадовавшись моему колебанию, чуть не в крик кричал городничий.

— Верь мне, барин, верь! — каким-то ненатуральным выдохом прохрипел Масан и в отчаянии схватил себя за ворот.

— Удрать хочешь! Я их, мерзавцев, наизусть знаю. Лови опять потом! — тоже хрипел городничий.

— Вот те крест, барин, не подведу!

Не знаю почему — то ли черт заиграл во мне, то ли еще что?

— Поедем.

Все вокруг разом засуетились, зашептали, забегали.

— Дайте тулуп почище! — сердясь и не глядя в мою сторону, рявкнул надзирателям городничий.

И прибавил уже для меня одного с плохо скрытым раздражением:

— Вы, Александр Павлович, очень-то ему не доверяйте — мало ли что по дороге выкинет.

Мы встретились глазами с Масаном.

— Ничего, пригляжу. Я кирасир.

Наконец, отыскался большой и почти чистый тулуп. Масана увели.

— С него лишнее съмут, чтоб тулуп прямо на голое тело, — пояснил городничий, — так вернее.

Он отдал нам свои санки, что-то строго втолковал кучеру и объявил, что обождет нас здесь, в остроге, намекая на желательную непродолжительность поездки.

Масан вышел из острога в тулупе до пят — и застыл на крыльце.

— Красота-то какая! Весна уж...

И впрямь — погода отпустила.

— Мороз не велик, да стоять не велит, — причмокнув от удовольствия, сказал Масан.

— Поехали!

Мы ехали в город знакомыми улицами — деревянные дома по обе стороны, как два ряда почерневших зубов с огромными старческими щелями между ними. Кучер пристроился боком, чтобы хоть вполуха, да послушать нас, узнать «страшную тайну» Масана. Арестант показал на него глазами, я кивнул и похлопал кучера по широкому заду: «Сядь как следует».

Масан затянулся воздухом как махоркой — и весь расплылся, вытянул вверх черный палец.

— Глянь, барин, из проталин теплый дух подымается. Во-он жаворонок поет. Струю теплую чуёт! Видишь? В луче солнечном. Истомился, сердешный, за зиму-то без пения! Ты гляди, гляди, барин, уйдет солнце, улетит жаворонок!

Все, каждая видимая мелочь, вызывала у Масана свою радость.

— Глянь, барин, кобелек бегаёт! Вот шельма, без цепи! — Помолчал, снова заговорил: — Чуть тепло станет — «длинн-длинн» — синички, чистое серебро! Это опять как солнышко теплое проглянет. Синица — наша, она не улетит. Наша. А из чужих краев первым к нам весной свиристель летит — тоже серебряным голосочком звенит, как наш рубль. А на Егора Грачевника грачей смотри. Не видать их нынче, припозднились. А вон там — видишь, барин, нам по дороге? Войлочная фабрика купца Жевакина.

Темный, какой-то несвежий, точно засаленный, дом на отшибе, поближе к реке, с мутными окнами, в которых торчали полуразбитые стекла. А по

дому гуляли щедрые мартовские свозняки.

— Глянь на работников, барин, — сказал Масан. — Катали-кошомники, кошмовалы, из шерсти войлок делают.

Чумазые, грязные, в одних подштанниках, люди выбегали подышать — как из парной, где уж совсем невоготу от подпотоличного жара. Только жар тут был недобрый — даже до нас доносилась вонь, даром что фабрика стояла на отшибе.

— Как, барин, позавидуешь им? Много у нас в городе таких фабрик. Не хотел бы там работать... — угрюмо проговорил Масан и отвернулся, когда мы проезжали мимо вонючего темного дома. — Что, барин, водят тебя на такие фабрики? Видал таких черных вблизи? Тебя только на гуся арзамасского приглашают! И то правда, наш гусь — всем гусям на Руси гусь! Как собор губернский промеж сельских церквей. Эх, барин, барин, тебе и мужика живого не покажут, и от работника черного оттащут. Даже с половым в трактире не скажешь наедине слова. Что узнаешь ты о мужичьей жизни? А ведь мужик на Руси... Это мне повезло, что государеву тайну в себе несусь, а так — всюду тебе городничие да чиновники поперека твою взгляду станут. А ты-то не поп, к тебе городничий с исповедью не побежит. Да он ни перед кем исповедоваться не будет: нет у его совести такого желанья! И поп для него еще не народился.

Он помолчал. Потом снова завертел головой, словно вбирал в себя, в освеженную душу свою все окружающее: белые церкви с радостно переливающимися золотыми куполами, лавки, приказчики, красивых молодых, с бабьим азартом переходивших от лавки к лавке.

Свернули на площадь и, объехав магистрат, покатали по берегу Тёши. За голыми деревьями слева виднелась ледяная крутизна спуска. И вот после несурзных приземистых домиков мы вдруг уперлись в невысокую, но толстую каменную стену. Острог? Монастырь?

Я пригляделся к стене — очень уж любовно кирпичи в стену сложены — один к одному: для острога так класть не станут.

Городничев кучер приостановил лошадь, замешкался, потом стал объезжать стену слева, со стороны Тёши. Долго стена тянулась, и без труда можно было рассмотреть за ней добротные двухэтажные постройки и церковь, по величественности более похожую на собор.

— Монастырь! — заинтересовался я у Масана.

— Может, и монастырь. Только живут там вольно. Бабы там не стригутся, но и гулять не ходят. За стенами спасаются. Община вроде, — пояснил Масан. — Алексеевской зо-

вут. Слава у ей добрая, народ не жалуется. Смогли бы мужики так?

Монашки без пострижения? Интересная обитель! Так это о ней говорил мне в Нижнем епископ Мефодий! Но вот и она осталась позади, а перед нами после широких заснеженных равнин начал выступать лес. Спутник мой опять оживился.

— Хорошо землице сейчас, сок играет. А что, барин, в Петербурге про вольность говорят? Скоро дадут? Или баре опять царю мешают?

— Как это мешают?

Он привалился ко мне всем тулупом и заговорил как мог тихо.

— В остроге болтали, что в столице баре против царя пошли... — Так вот, оказывается, как все можно истолковать! Я насторожился.

— Новый царь будто хотел волю дать, так баре, особливо молодые, которым сладко жить охота и в заграницы ездить, за то и поднялись на него и прибить хотели, чтоб их не зорил. Правда это?

— А еще что говорят! — тихо спросил я вместо ответа.

— Не осерчайшь, барин? — И Масан почесал за ухом. — Другие бают, что старый царь в завещании дал волю, а новый сполнять того не захотел. Так ли, брешут?

— Врут. Я того завещания не видел, слыхом о нем не слышал и с государем новым про то не разговаривал.

— Не знаешь... — как-то тускло вздохнул Масан. Видимо, и я, по его разумению, принадлежал к тем барам, что помешали дать волю. — Мужики ныне совсем невоготу стало. Земли мало — подати не уплатишь, все на барщине спину гни. А семья — голодом...

Неужели и в отцовских деревнях мужики так думают? Неужто и по всей России так? Надо было кончать про «волю», и я спросил о главном:

— Фальшивые деньги делаешь?

Масан отодвинулся от меня сколько мог. И я почуствовал, как лопнула ниточка, которая протянулась было между нами.

— Чем-то надо заниматься, коли жить невоготу...

Сказал-таки!

— ...Какая у кого жисть? Всякому ноне на своем месте худо, кроме городничего, царя да господа-бога. А как мужик живет — про то и в лютом сне не снится. Знаешь, барин, отчего ворона кричит перед грозой? Когда воздух перед грозой слабнет, пустой ходит, у ней, как у стариков, кости ломит. Больно ей! Старик терпит — куда поденешься? А ворона — та криком исходит.

— Я тебе про фальшивые деньги, а ты мне про ворону!

— Так и я про то... Вот Гришка Чучелов бунтовать пошел — в Сибирь его затолкали. И деда Прокопия — куда стар! — и его туда же, и Вантю-одноглазого. А я не могу бунтовать — нет у меня сноровки...

— И желанья?

— Ежели по правде, и желанья. Другой себе путь сыскал. Ты, барин, целковики свои готовыми получаешь? — Глаза его сощурились, и в них явственно выразилось пренебрежение ко мне — вот так, задаром получающему целковье. — А ты у печи постой, сам их сделай, своими ручками. — Он высвободил руки из рукавов и показал их — черные обгорелые мозоли, похожие на срез дубовой коры. — Тогда и говори, баловство аль нет рубли такие делать. Видишь, барин, на том берегу село? Выездная слобода, мы ее кличем Выездная. Там до прошлого года правил бурмистр Гаранька.

— А сейчас что с ним? Умер?

— Церковь видишь? Эх, жаль, проехали ее! На все четыре стороны смотрит, красавица! Смоленская божья мать. А как раз за той церковью болото. Гаранькиным его ноне кликать стали — как мужики утопили там Гараньку, с тех пор и кличут, — с наивным безразличием пояснил Масан.

Мне стало не по себе.

— А как ты их все-таки делаешь? — Как делаю? Так это до меня умные люди придумали. Да и вообще, может, мне и не деньги фальшивые делать хочется, а рыбу ловить? Я не только птицу, я и рыбу уважаю. Тут я тоже смыслю. Да нешто в наших краях рыбой себя прокормишь? А ежели рыбу ловить — тут опять душа нужна. У каждой рыбы свой час, свой норов, у ней тоже у каждой свое умение есть...

Не заметили, как и город остался позади и как выехали в открытое поле, заснеженное, но уже по-весеннему ноздреватое, незаметно приблизилась и стена леса.

Кучер обернулся и спросил с легкой тревогой:

— Может назад, ваше высокоблагородие?

Масан схватил меня за руку, и лицо его перекоксилось.

— До того лесочка! — взмолился он.

— Вперед, — махнул я перчаткой, и недовольный кучер стегнул лошадей.

Лес приближался.

— А ежели убегу? — оживился Масан. — Споймаешь?

— Не убежишь, — спокойно ответил я.

— Отчего это?

— Ты же слово дал, — пожал я плечами.

Масан повернулся ко мне и долго — не то с удивлением, не то с уважением — смотрел на меня. — Точно, дал... Ты не бойсь, барин, не побегу. У нас с тобой по-хорошему.

Лес пронял нас февральским холодом, будто его не касались человеческие календари, говорившие о подходе тепла.

— Как же все-таки их делать?

— Давай договоримся, барин,— строго сказал Масан,— деньги делал я один, другие в остроге зазря сидят.

— А они чистенькие? — усмехнулся я.

— Они за себя ответчики, я за себя. За себя и говорить буду, за себя и в Сибирь пойду. Хочешь знать, как деньги делать? Молчать умеешь? Обещай, что с городничим молчать будешь.

Пришлось поболтать. Интересно, как поступил бы Николай Дмитриевич Дурново?

— Для них — ничего я не делал, по ошибке замели. Докажут — тогда наздри рвать, да плетью, да в Сибирь. Все докажут — и до Сибири не дойду, здесь прибьют до смерти. Поэтому так и договариваюсь. Будешь молчать, барин?

— Буду. Мое слово.

— Ну слушай. Дело простое, да умное. Дураку не по мозгам...

И он подробно, во всех мелочах рассказал, как надо делать новые целковики.

— Вот и весь секрет?

— Вот и не весь. Много еще чего кладется в этот горшок.

— А если и это узнаю?

— Этого говорить нельзя,— серьезно, как старший малому, сказал Масан. — Да если б и то узнал, все равно б не смог, потому что самого главного секрета в нашем деле я тебе, барин, не открыл. А без него — души в целковом не будет, любой дурак тебя к будочнику потянет.

— Души, говоришь, не будет?

— А как же. Во всяком деле своя душа есть. Если свою душу в него не вложишь, одна дрянь получится.

— А его,— я выразительно задрал голову к небу,— не боишься?

— Зря ты так, барин,— осерчал Масан,— но тебе скажу. — Повозился в тулупе, устроился поудобнее. — Он — далеко, до баловства моего ему и дела нет. Ежели терпит он все безобразия, то что ему мой грех? Тыфу, да и только. Люди у нас, возьми хоть наше Хвостиково, поротые-перепоротые, за копейку друг другу шею перегрызут, а уж за мой целковик!.. А в других деревнях иначе? Так что же он,— Масан тоже задрал голову к небу,— все видит и ничему плохому не мешает, а? В лавках купцы народ обдувают, любой писарышка тебя оберет, а уж сам городничий, прости господи душу его, такой зверь, что поди сыщи ему равню! И ничего. Все живут, весне радуются. И никого из них гром не поразил, никого кондратий не хватил, ни помещика, ни управляющего. Дело это? А когда наши по весне с ребятами идут по чужим селам по милостыню? А ребятами-то безгрешные за что в могилку сходят? Им-то кто и когда помог? Почему ж, барин, не пособит господь честному человеку? Почему грабежу городничьему не мешает? Или гос-

подь помогал выздоровским мужикам утопить зверя Гараньку? Вот и скажу тебе — знать он нас не знает и знать не хочет. Так что ж тогда перед всем этим мое баловство? Тыфу оно, вот оно что! Чего мне его бояться? Чего от него ждать плохого? Хорошего не дождался — и плохого не дождусь. Людей бояться надо, а не его! Ему до нас и дела нет!

Теперь мне стало совсем не по себе: не дурак Масан! Что ж мне в спор ввязываться? Кто ж прав — Масан? Или все-таки Вышнего града искать — по Мефодию? И у тех, на Сенатской,— тоже не по Мефодию! Господь их покарал! Артиллерия их била, прямой наводкой. Интересно, что бы мне Мефодий на это ответил? Не все, что наговорил Масан, а?

Прочь, прочь!.. Смотри лучше на весеннее небо и жаворонку радуйся. И думай только о нем!

После отчужденного молчания мой спутник опять оживился:

— Ты, барин, царя видел?

— Как тебя.

— И в саночках с ним ездил?! — в глазах Масана зажглось восхищение и сладкая гордость за себя, едущего сейчас рядом со мной.

— Нет, конечно, просто разговаривать приходилось, слушать его.

— Счастливый! — с тоскливой завистью выдохнул подобревший Масан.

— А какую тайну государю передать?

— Какая у меня тайна? — Масан усмехнулся, посмотрел на меня жалко, прибито. — Свою тайну я тебе рассказал. Зачем она государю? Подышать воздухом перед той Сибирью захотелось, вот и вся тайна. Ведь забыть — красота этой и не увидишь... — Он помолчал, потом сказал — то ли мне, то ли себе: — Земли бы мужику... Нешто я б с фальшивыми деньгами связался, коль земля была б своя? Ты это царю не говори, осерчает. Или за меня пригорюнится, опять не гоже. Все одно — не позволят ему землю нам дать.

— Кто ж это не позволит?

Он глянул на меня со злой усмешкой: «Сам не понимаешь будто?»

— Баре не позволят, кому ж еще! — И прибавил опять: — Зачем зазря тревожить царя-батюшку?

Мы ехали уже городом. Вот и центр позади остался, и снова улицы с домами по обе стороны — как два ряда редких зубов, меж которых щербинь длинных подгнивших заборов.

— Городничьему ничего не говори, барин. Ни о чем! Ему благодарствие по службе, а мне-то — сам знаешь! Лютой зверь он, ох и лютой! Никого мимо не пропустит: не оберет, так хоть в морду даст. И мне теперь плетей перепадет, я уж знаю...

Вот так. И еще раз я дурак дураком! И вместо всей «тайны» — «подышать воздухом!» Молодец, Масан, так и учат желторотых!

У острога нас уже давно поджидал городничий с тюремными. Он с трудом переделал неудовольствие на лице в приветливую улыбку.

— Прибыли наконец? Вот и хорошо.

Масана сразу же увели, а со мной городничий прошел в контору. И глазами, и лицом, и каждым движением спрашивает меня о фальшивых деньгах, о великой тайне Масана.

Словами, словами спрашивай! Иначе не пойму.

— Сказал, Александр Павлович?

А в глазах ожидание и злость: «Ну говори же! В чем тайна-то, в деньгах фальшивых?»

— Сказал.

— Велика тайна-то?

А в глазах: «Ну не мучай же, говори!»

— Велика, Егор Степанович.

Сорвался он, полез напролом:

— Деньги, подлец, делает?!

Нет, так с флигель-адъютантом его императорского величества не разговаривают! Я спокойно, с некоторой скукой даже перевел глаза на бугристый лоб городничего и долго смотрел. Просто смотрел, пока он не успокоился, не опустил голову, не сел на ближний стул.

— Государева тайна она государева и есть... Я понимаю.

Теперь можно было похлопать его по плечу и пожелать ему расследовать дело о появлении в уезде фальшивых денег. И городничий ожил.

— Не пожелаете ли завтра с утра посетить живописную школу 10-го класса академика и кавалера Ступина? После завтрака, например?

— Хорошо, сразу после завтрака.

Начинало смеркаться, мне захотелось остаться одному, помыться, переодеться, записать виденное.

— Поедем, Александр Павлович? А часа через два я заведу за вами. Сегодня у нас, вы не забыли, бал в вашу честь. Местное дворянство и Петр Иванович Подсосов — наш «овчинный бог» дают-с!

Дома, в своей светелке, я сразу же сделал заметки о местном остроге. А в конце прибавил: «Между арестантами многие содержатся по подозрению в делании фальшивых серебряных рублей, появившихся в некотором количестве в Арзамасском уезде. По сие время еще не открыли место пребывания изобретателей сей фальшивой монеты, которые, вовлекая в обман сельских жителей, беспрепятственно их подвергают строгим, но, впрочем, необходимым, взысканиям местного полицейского начальства».

Молодец, Масан! Как мальчишку купил меня на «страшную тайну», как цыган молоденького ремонтера² на конской ярмарке!

Продолжение следует.

² Человек, покупающий на ярмарках лошадей для нужд армии.

...Дело идет о жизни, которую она, Мать, творит и охраняет...

М. Горький

Яков САДОВСКИЙ

♦ В бога она не верит. Давно — с того страшного дня. Но возле дома ее стоит высоченный крест. Собственно, просто длинный деревянный шест без всяких украшений, только сверху, там, где переладина, приколочено гвоздями оловянное распятие. Почерневший, иссушенный солнцем и всеми ветрами, крест этот издавна виден проезжающим или идущим по пыльной грунтовой дороге.

— Дом нашей Салюте, — объясняют путникам, — матери колхозного электрика Напалиса.

Старую Салюте здесь знают все от мала до велика, хотя ничего особенно примечательного в ней нет. Просто много прожила на свете. Почти восемьдесят — возраст, большая жизнь.

— Длинная, — грустно поправляет Салюте. — Как этот крест...

Чуть смущенно подает руку — большая крестьянская ладонь. Еще ту же затягивает темно-красный платок вокруг худощавого лица. Добрые глаза смотрят сквозь толстые стекла очков.

Глаза испортила еще в детстве. Окончила всего два класса, а без книжек уже жить не могла. Читала без очков, хотя была близорука с малых лет. Первые очки подарил ей еврей-аптекарь Бериз, ему доктор Иоселявичюс сказал: маленькая Салюте читает, прижимая книжку чуть не к самому носу.

И аптекаря и доктора не стало, когда пришли немцы. Нашлись предатели. А ведь жили рядом, вполне по-соседски. Аптекарь и доктор спасали их от хворей всяких, а часто и от пагубы смертельной. Эти же помогали немцам уничтожать людей. И не только евреев (евреев тут было тысячи две, а ни одного не осталось) — всех: «активистов», родственников «активистов», заподозренных в симпатии к «активистам»...

Братя Антанас и Ионас Пошкисы, бедняки, получили землю от Советской власти. Когда их за это расстреливали, они — люди темные, верующие — попросили, чтобы ксендз пришел.

Не пришел ксендз. Они сами себе могилу вырыли, а пока копали, над ними с автоматами стояли, торопили. Закончили братья Пошкисы копать, осенили себя крестным знамением. Поднял старший руку, чтоб убийц своих перекрестить, да не успел — так и упал в могилу с поднятой рукой...

КРЕСТ У ДОРОГИ

Рассказ-быль

В издательстве «Мысль» выходит книга, посвященная Советскому Фонду мира. Значительное место в ней занимают рассказы и очерки о советских людях, вкладчиках фонда. В их числе — Она Вичюлене из колхоза «Ленино калю» («По ленинскому пути») Скуодасского района Литовской ССР, перечисленная в Фонд мира тысячу рублей. В письме, адресованном республиканскому Комитету защиты мира, она пишет: «Мне довелось пережить две мировые войны, в огне которых я потеряла своих близких. Пусть же мой скромный вклад послужит делу мира». Она Вичюлене стала прообразом Салюте — героини рассказа «Крест у дороги». В основу рассказа легли реальные события из ее жизни, писателю не пришлось почти ничего домысливать.

Народный писатель Литвы, председатель Литовского республиканского комитета защиты мира Юозас Балтушис, хорошо знакомый с Оной Вичюлене, по просьбе редакции прочел рассказ и так отозвался о нем: «Рассказ правдиво отображает трагедию простой литовской женщины, на долю которой выпали многие суровые испытания, столь характерные для всего литовского народа. Рассказ поможет русскому читателю лучше узнать литовский народ, послужит укреплению дружбы наших народов, а это очень важно для борьбы за мир во всем мире».

Разве такое забудешь... Откладывает Салюте в сторону книжку, которую читала. Полна этажерка книг, но никакая не помогает уснуть. Вот и остается наедине с ночью.

Ночь — трудная пора для старого человека. Слово для того и создана, чтобы перелистывать жизнь, открыв в любом месте, хочешь вперед, хочешь назад. И снова ощущать, будто сейчас все происходит, пока не забрезжит спасительный рассвет.

Рассвет... Что несет ей новый день? Нынче — она твердо знает — ничего дурного уже не ожидает ее поутру. Но почти полжизни встречала рассвет со страхом.

Началось все давно, ей не было и тридцати. С тревогой ждала утра —

уверена была, что утром явятся за ней стражники. Накануне, выходя из церкви, громко сказала, что не может понять, зачем это ксендзу нужно убеждать людей: есть, мол, угодные богу люди, они — христиане, а есть — смутьяны. А чем, спрашивается, не христианин ее брат двоюродный Зданчавичюс — Иозас-смутьян, как его прозвали? А за что? Ну, не может он смириться, что работает от зари до зари, а детям его куска черного хлеба не хватает, соседу же богатею и одного амбара уже мало. Нет, не прав ксендз.

Ксендзу доложили, конечно, тут же. А он, разумеется, дальше: крамола, зараза.

Не пришли стражники. Никак не могла Салюте в толк взять — почему? Потом только поняла: из-за мужа. Скрывал от нее Иозас, что давно завербован охранкой, она по случайным обрывкам фраз догадалась.

Спросила напрямик. Иозас подступил к ней со сжатыми кулаками:

— Не твоего ума дело. Скажи спасибо, что жива осталась. Велели, чтоб сам тебя воспитали!

И занес кулак. Она было отступила на шаг. Он двинулся на нее. Но она больше не отступала. Он увидел ее сужившиеся глаза. Не такие, к каким привык. Эти он видел впервые. Они испугали его — рука со сжатым кулаком ослабла, опустилась. Повернулся, хлопнул дверь.

Стук этот Салюте помнит до сих пор. Может, потому, что с того мгновения началась иная пора.

Нет, Иозас не переменялся. Когда являлся сильно пьяным, бил ее безжалостно, редко удавалось вырваться из его цепких рук. Но знала: уже не сломить ее.

Знала, увы, еще и то, что Иозас — жестокий человек, жаль, поздно узнала, ведь полюбила когда-то. Очень боялась, как бы не сделал таким же маленького Иозакаса, их первенца. А куда денешься: родной отец для мальчишки всегда пример.

В сорок первом Иозакасу было пятнадцать, второму ее сыну — одиннадцать. Меньшой, Напалис, был мягче, добрее. Отец недолюбливал его, ругал «девчонкой», почти не замечал. Зато Иозакаса держал при себе.

Полицаем он не был, белую повязку не носил, но Салюте подозревала, что и на его совести выданные гитлеровцам «активисты» и среди них один из ее родных братьев. И все крепче становилась невидимая перегородка в доме.

Увы, росла стена и между ней и Иозакасом. Старший сын мужал на глазах, плечи стали шире, он набрасывал на них пиджак, совсем как отец, и так, внакидку, ходил даже в церковь, привлекая взгляды девиц — война войной, а жизнь продолжалась.

Не могла Салюте сдерживать восхи-

щения, издали, украдкой, любуясь им в церкви. Переполняло радостное удвоение — таким и должен быть ее сын, ее дитя, ее первенец.

А то, что он, подражая отцу, смачно, с удовольствием плюнул, когда кто-то из дружков рассказывал, как вешали схваченного в соседнем лесу последнего, кажется, «активиста», — так это еще от малолетства, ему ведь всего семнадцать, пройдет...

«Пройдет», — уверяла она себя. Тем более, по слухам, немцам шибко туго — третий год уже война.

Третий. И хотя края эти далеки от линии фронта, тишины, которую ксендз обещал с амвона в первые дни войны, нет. Рядом Белоруссия, в ее лесах немало литовцев партизанит. Там и ее младший брат, Мартинас Зданчавичюс.

О гибели Мартинаса она узнала, когда война уже кончалась — по дорогам и перелескам шли танки с красными звездами на броне. Вслед за ними возвращались «активисты» из партизанских отрядов. И теперь уже вылавливали гитлеровских прислужников.

Арестовали и Иозаса. Когда его уводили, он даже не посмотрел в ее сторону — все глядел на Иозакаса. А тот стоял, засунув руки в карманы, и Салюте знала, он сжимает там кулаки, совсем как отец.

Она была счастлива, что его не забрали. И целый год все думала, думала. Господи, что сделал с ним отец!

Через год, ночью распахнулась дверь, на пороге вырос Иозас. Бежал, наверно. Как это ему только удалось?.. Стоял, широко расставив ноги в сапогах, на которые густо налипла болотная грязь. Хлопнул сына по плечу, ей бросил коротко:

— Спать. Устал.

Утром повел торопливо, сказал Иозакасу:

— Дома будь, не отлучайся.

И ушел.

Салюте словно обухом пришибло. Все, все, почувствовала она, начинается сызнова.

Иозас не вернулся в тот день. Она не спала до утра, мучительно ожидая рассвета. Что же будет? Сердцем чувствовала: беда не прошла мимо, беда грядет. И оттого, что не могла представить, какое обличье обретет беда, было еще страшнее. Одно только твердо знала: беда неотвратима. Беда с ее сыном.

О муже она уже не думала. Сын, вот из-за кого страшилась она беды.

Салюте ждала рассвета, и когда забрезжил рассвет, сердце ее заколотилось. Как бы в ответ стукнула входная дверь.

На пороге возник Иозас. Не говоря ни слова, покидал в мешок свои вещи, завязал, перекинул через плечо, другой рукой взял сверток, который принес с собой, сверток размотал-

ся — открылся ствол немецкого автомата.

— Отец... — вопросительно начал Иозакас.

— Позову, когда будешь нужен, — отрезал тот. Тщательно прикрыл ствол, обернулся к Салюте.

— А что, правда, тезка мой вернулся?

Она не ответила. Он настойчиво повторил:

— Братец твой двоюродный, спрашиваю, Иозас Зданчавичюс, вернулся?

— Откуда мне знать.

— Будто? До его хутора рукой подать — и не знаешь?

Она не отвечала.

— Так я тебе сообщу: видели его, последнее отродье ваших Зданчавичюсов. Ты — сестра, посоветуй ему сидеть да помалкивать. И в Советы не влипать. Ненадолго они в Литве. Как родня советую...

— Ты родня... — покачала головой Салюте.

Иозас замахнулся на нее. Маленький Напалис, завизжав, прижался к матери.

— Тьфу, девчонка! — плюнул Иозас и двинулся к Салюте.

— Не надо, отец! — сказал Иозакас.

Иозас встретил колочий взгляд старшего сына — опустил кулак. Зажав под мышкой сверток с автоматом, пошел к выходу.

Хлопнула дверь. Дети и Салюте стояли не шелохнувшись. Потом она подошла к старшему, благодарно погладила его по щеке; он не отстранился от материнской ласки, как бывало. Она сказала с плохо скрытой радостью:

— Спасибо, сын.

И снова была ночь. И снова никак не приходил рассвет. А когда пришел день, он принес страшные вести. Ночью наведывались «лесные братья» — из банды националистов, слухи о ней ходили уже несколько месяцев. Нашли двух сельчан мертвыми, с веревками на шее. Не вешали — петлю затягивали своими руками.

Вскоре в дверь постучали. Вошли четверо. Один в милицейской форме. Двое в штатском, но с автоматами. Этих двоих Салюте знала — «активисты» еще с сорокового года, значит, вернулись недавно из партизан. Четвертым был ее двоюродный брат Иозас Зданчавичюс.

— Здравствуй, сестра. А где мой тезка?

— Не знаю.

— Когда ушел?

— Вчера.

— Мать! — предупреждающе вскрикнул Иозакас.

— Вчера, — твердо повторила Салюте. Обернулась к Иозакасу: — Что, сын?

— У-у!.. — зарычал Иозакас.

— Вот ты, оказывается, какой,

племянник... — удивленно протянул Зданчавичюс.

— Я — литовец, дядя! — выкрикнул с вызовом Иозакас.

— И я, — сказал Зданчавичюс. — И он, и он, — Зданчавичюс ткнул пальцем в стоявших рядом с ним. — И она, моя сестра, — он показал на Салюте. Добавил: — Твоя мать.

Иозакас не ответил.

— Ладно, — сказал милиционер. — Пошли.

— Предатели! — зло, но беззвучно прошептал Иозакас, когда за ними затворилась дверь.

— Мальчик, — сказала Салюте, по губам поняв, что произнес сын, — ты что-то путаешь: дядя твой — хороший человек.

Не ответил Иозакас. Она хотела подойти — отстранился. Стыдится ласки, подумала Салюте, стесняется — мужчина уже.

Но успокоения не было. Как не было и вообще покоя. «Лесные братья» каждый день давали о себе знать. Вернее, каждую ночь. Днем становилось известно: здесь ночью зарезали человека, который готов был вступить в колхоз, там выстрелом в спину убили безногого — бывшего красноармейца, он возвратился к себе на хутор.

Войны уже не было давно. А все равно лилась кровь.

Салюте встретила ксендза:

— Святой отец! Что же это: литовцы убивают литовцев! Неужели людям не опротивел запах крови?

— Святая Мария знает, — вот и все, что ответил ей ксендз.

Салюте хотела возразить, что божья мать — прежде всего мать, а матерям невыносима смерть близких, смерть вообще.

Но ксендз торопливо ушел. Салюте не стала его догонять. А в церкви она не ходила с тех пор, как ксендз однажды назвал «лесных братьев» патриотами. Так и остался ее вопрос без ответа.

Впрочем, за ксендза отвечали ей «лесные братья» — зверские убийства в округе продолжались. Отряды народных защитников — дружины, созданные в помощь милиции, сбились с ног. Да и были они слишком малочисленны — сколько мужчин вернулось с войны?! А свирепствовала банда, которой командовал бывший офицер литовской буржуазной армии Вянокс, начальник карателей в их уезде во время войны.

И в этой банде теперь Иозас, ее муж... Как же в лицо односельчанам смотреть?

Особенно — Дануте, соседке. Дождалась, бедняжка, возвращения сына из партизанского отряда и потеряла. Явились за ним ночью, приказали одеться и идти с ними, он отказался, тогда они заткнули Дануте рот кляпом и на ее глазах размозжили ему череп прикладом. Утром Да-

ноте нашли в луже сыновьей крови совсем седую.

Салюте целый день провела рядом с нею. Не утешала, нет. Просто уйти не могла. Ушла, когда Дануте забылась немного, затихла.

Была уже ночь, когда Салюте, стараясь почему-то ступать очень тихо, приблизилась к дверям своего дома.

Вдруг увидела: чья-то тень отделилась от дома и торопливо направляется к лесу. Но даже тень сыновнюю мать узнает тотчас. Иозакас! Сердце ее подпрыгнуло и упало: уходит, уходит туда, в лес! Хотела крикнуть, но горло перехватило, и она поспешила вслед — догнать, обхватить руками, обнять, остановить, спасти.

Но сын удалялся быстро, расстояние между ними росло. Отчаявшись, она все-таки крикнула:

— Иозакас, сынок!

Но это ей только показалось, что крикнула — прохрипела, он не услышал, ветер дул ей в лицо. Собрав последние силы, она потащилась за ним — спотыкалась, падала, поднималась.

..Вот и болото. Иозакас ступает уверенно, видно, знает дорогу, отец водил его сюда. Салюте старается идти след в след, но проваливается в мерзкую жижу, успевает ухватиться за ветку. Это спасает ей жизнь.

Вот уже и болото пройдено. И вдруг Иозакас останавливается. Он давно почувствовал, что кто-то идет за ним, надеялся, что болото остановит преследователя. Салюте чуть ли не ползком догоняет его.

— Мать?!

— Тише, сынок! Тебя увидят — убьют.

— Меня не убьют. Ты-то зачем здесь? — растерянно спрашивает он.

— Не могу обнять тебя, сынок, руки в грязи — оступилась в болоте.

— Зачем ты здесь? Увидят!

— А я тебя хотела спосить, Иозакас, зачем ты пришел сюда? К ним? Что тебе они? Или... потому что отец здесь?.. Здесь он?

Иозакас молчит в ответ.

— Они — убийцы. Ты... тоже... хочешь? — прерывается ее голос.

Иозакас не отвечает.

Она вытирает о платье руки, протягивает к нему:

— Подойди ко мне сын. Я молю святую Марию, чтоб сохранила тебе доброе сердце...

Она вспомнила, как сын защитил ее от кулаков мужа.

— Что же ты молчишь, будто онемел, отвечай же мне! — умоляюще шепчет она.

Он не поднимает головы:

— Мать, иди домой, тебя убьют здесь.

— А тебя, если ты не будешь убивать?

— Я буду мстить.

— За что?

— За Литву.

— У тебя ее отбирают? Кто?

— Дядя Иозас. И такие, как он.

— А ты чем не такой, как дядя Иозас?

— Нищий дядя Иозас.

— А ты — богач? — Если бы не колотившая ее дрожь, Салюте бы рассмеялась. — И это не твои слова — отцовы, верно. Можно подумать, он — богач!

— Отец родину любит! — запальчиво вскинулся Иозакас.

— Сынок, тебе уже двадцать. У тебя есть дом, есть земля — будет хлеб. Вот лес... вот небо. А что такое родина?

— Земля без предателей.

— Кто предатели, сынок?

— Дядя Иозас и такие, как он.

— Иозакас!

— А предателей надо казнить! — он даже скрипнул зубами, как отец. — Литва священная!

— Мальчик, твое дело — хлеб, а разве хлеб пахнет кровью?..

Но сын не слушал слова матери — они словно отскакивали от него.

Руки Салюте бессильно опустились. Где-то рядом надрывано закричала ночная птица.

— Это все война, будь она проклята! Но ведь ты не станешь убийцей, сынок!?

Она вскрикнула, и тут же раздался громкий возглас:

— Стой! Руки вверх! Кто такие?

Перед ними стоял сам главарь банды — Вяносос. За ним из темноты выступил другой.

— Иозакас!?

Она узнала голос мужа.

— Твой? — спросил у него Вяносос. — А это?

— Жена... — выдавил Иозас.

— Звал? Продаст?.. Тебя спрашивают!.. Ладно, — он повернулся к Салюте. — Пошла домой. Но знай, пикнешь... предателей мы казним.

...Салюте не помнит, как она добралась до дому, почему не поглотила ее трясина. Может, лучше б поглотила — не пришлось бы услышать через несколько дней, как банда спалила дотла соседний хутор вместе со всеми его обитателями. А чудом спасаясь маленькая девочка рассказывала, что особенно усердствовал там парень, который в церковь ходил — пиджак внакидку.

«Иозакас!» — екнуло сердце Салюте.

Лучше бы поглотила ее тогда трясина — не пришлось бы пережить ту страшную ночь, когда она больше, чем когда-либо прежде, страшилась рассвета. Лучше бы поглотила... Не увидела бы того, что предстало ее глазам наутро.

У реки спокон веку стоял массивный крест с деревянной фигуркой Христа в нише, окруженный оградой из металлических прутьев, заостренных наподобие копий.

На них, на этих копьях, висело тело человека.

Иозаса Зданчвичюса, ее брата.

Бандиты приволокли его сюда ночью, заставили целовать крест, он отказался — это потом Салюте узнала на суде, — тогда они, приподняв, кинули его на острия копий, проткнули ему грудь.

Ужас сковал Салюте, когда она подошла к этому кресту. Закрыла лицо руками. Но потом усилием воли заставила себя глядеть на распятое тело брата, на лужу крови, застывшую на глинистом основании ограды креста, поставленного в честь Христа — спасителя и миротворца.

Люди подходили и уходили. А она все стояла и смотрела. И слышала, как женщины проклинали убийц, как корушались мужчины, что до сих пор не поймали бандитов.

— Тут тоже особенно старался этот парень — пиджак внакидку...

— А ты что, видел?

— Ионукас-пастушонок издала наблюдал — он и прибежал, рассказал. Да поздно, не догнали. Говорит, тот парень и предложил: дядю — на копь!

— Звереныш!

— Сколько же еще может литься кровь!

Салюте стояла и слушала. Ушла отсюда последней.

Но не домой. Медленно, заставляя себя не спешить — вдруг передумает, — шла она туда, где помещался штаб народной милиции.

Она провела милиционеров и дружинников через топь болота. Осталась жива в перестрелке. Убит был ее сын. Ее Иозакас.

Была потом на суде. Односельчане с трепетом смотрели на нее — смертельная бледность заливала ее лицо, когда она вместе с другими слушала приговор: расстрел всем членам банды, в том числе — ее мужу.

В молчании люди покидали зал суда. Салюте выходила со всеми. Тишина вокруг готова была взорваться. Салюте шла в толпе людей, не замечая их, глядя перед собой.

И тогда одна женщина, не выдержав, спросила, как ударила:

— Ты железная, Салюте. Но как все-таки ты смогла? Ты же знала, что ожидает твоего мужа... И сына — останься он жив?!

Салюте не согнулась, посмотрела ей прямо в глаза:

— Хотела, чтоб меньше было крови...

Ей предстояло всю жизнь отвечать на этот, даже немой, вопрос. Но что делать — есть же на свете нечто, святее чего не может быть. И у нее еще младший — Напалис. И нужно жить дальше.

Жить и нести свой тяжкий крест.

В УСЛОВИЯХ ПЕРЕДОВОГО ОБЩЕСТВЕННОГО СТРОЯ

Феликс ВАШЕЧКА,
член-корреспондент Академии
наук Словакии

В январе нынешнего года обществоведы и пропагандисты братской Чехословакии отмечают 70-летие видного ученого и публициста Феликса Вашечки.

Член КПЧ с 1936 года, он принимал в годы войны активное участие в борьбе антифашистского подполья, был одним из руководителей Словацкого национального восстания (август — октябрь 1944 г.). В дни Февральской (1948 г.) социалистической революции Ф. Вашечка внес заметный вклад в разработку

генеральной линии строительства нового общества в Чехословакии. В 1951—1953 годах он возглавил Словацкий корпус (республиканский комитет) по делам церкви, затем работал в Академии наук Словакии (АНС), а в сложные послекризисные годы (1969—1970) был министром юстиции ССР. С 1971 года Ф. Вашечка — директор Института научного атеизма АНС в Братиславе и главный редактор его теоретического журнала «Атеизмус» (выходит с 1972 г.).

Революционные и трудовые заслуги Ф. Вашечки отмечены Чехословацким военным крестом (1948) и орденами Словацкого национального восстания I степени (1948), Труда (1969) и Победного Февраля (1981).

Ф. Вашечка — видный теоретик научного атеизма. Его перу принадлежат труды «Буржуазное государство и церковь» (1957), «Просветительная работа против пережитков прошлого» (1957), «Функция церкви в обществе» (т. 1, 1960; т. 2,

1962). К 40-летию освобождения Чехословакии в братиславском издательстве «Правда» выйдет его книга «Обзоры и отклики».

Предлагая вниманию читателей сокращенный перевод статьи Ф. Вашечки, опубликованной в журнале «Атеизмус» (1984, № 1), редколлегия и редакция «Науки и религии» желают ее автору дальнейшей плодотворной научной, пропагандистской и публицистической деятельности.

В каждом классовом обществе вопросы идеологии находятся под контролем правящих классов. С этой целью они, используя государственный аппарат, контролируют через него идеологическую надстройку.

В то время как деятельность эксплуататорского государства в любом случае сводится к насилию по отношению к эксплуатируемым и угнетенным, рабочий класс при помощи своего государства призван решить двойную, вернее двуединую, задачу: во-первых, организовывать и вести за собой трудящиеся массы и с их помощью подавлять любое сопротивление свергнутых эксплуататоров внутри страны и извне, а во-вторых, при активном участии всех трудящихся приступить к построению коммунистического общества.

Эта задача решается социалистическим государством в рамках всех его внутренних и внешних функций, прежде всего функции культурно-воспитательной. Ее назначение заключается в том, чтобы трудящиеся овладевали марксизмом-ленинизмом и в процессе его усвоения освобождались от духовных пережитков прошлого. И массовый отход трудящихся от религии не только одно из последствий величайших социальных сдвигов, но и наглядное доказательство того, как эти пережитки могут успешно преодолеваться исключительно идеологическими, гуманными, демократическими средствами, а конкретно — методом убеждения, терпеливой воспитательной и просветительной работой, органически связанной с революционными переменами в общественном бытии, с развитием социалистической экономики, демократии и культуры.

Таким образом, опыт социалистических стран, в том

числе и ЧССР, подтверждает, что только классовая борьба самых широких слоев пролетариата, всесторонне втягивая его «в сознательную и революционную общественную практику, в состоянии на деле освободить угнетенные массы от гнета религии, тогда как провозглашение политической задачей рабочей партии войны с религией есть анархическая фраза»¹.

Что касается удовлетворяющих духовные потребности верующих конфессиональных объединений, то они могут отмереть и отомрут лишь тогда, когда люди перестанут верить в бога. До той поры, однако, церковь будет свободно проповедовать — для тех, кто проявляет интерес к богослужению. Запрет религиозной деятельности означал бы ущемление прав верующих трудящихся, а это недопустимо в социалистическом государстве, не говоря уже о том, что подобное администрирование лишь продлило бы существование религии.

И хотя она, разумеется, тормозит процесс формирования научно-материалистического мировоззрения, это не должно препятствовать морально-политическому единству народа, основы которого были заложены еще в буржуазном обществе и явились одной из предпосылок победы социалистической революции.

Бесспорно, морально-политическое единство коммунистов и верующих — необходимое условие решения социально-экономических и политических проблем, возникающих в ходе построения социализма и защиты его

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 17, с. 416.

завоеваний. Вопросы формирования научного мировоззрения и изживания религии по сравнению с этим играют подчиненную роль. Но сказанное не умаляет значения мировоззренческого фактора. Ведь обе эти задачи находятся в диалектической зависимости и не противоречат друг другу.

Кроме того, надо учитывать, что в обществе, для которого характерна высокая степень развития производительных сил, верующий уже не находится всецело в плену у религии, а его сознание в своем роде плюралистично и представляет собой причудливую смесь материалистических и мистических взглядов, убеждений и представлений. Социологические и психологические исследования уровня секуляризации и религиозности показывают, что это пока еще верующий человек. И в ходе последовательного осуществления социалистической демократии он расширяет свой материалистический кругозор, освобождаясь от пережитков религиозности посредством активного участия в строительстве нового общества, просветительной, воспитательной и образовательной работы. Такой верующий доступен наглядному убеждению и реагирует на него.

Отражением того факта, что в социалистическом обществе вопросы мировоззрения, а следовательно и религиозности, в основном решаются лишь методами воспитания, служит гарантия свободы совести, закрепленная в конституциях социалистических стран. Она конкретно подкрепляется особым законодательством о культурах. Помимо того, принцип свободы совести отражен и в законодательстве об образовании, и в имущественном, семейном и уголовном праве.

В целом это означает, что как вера в бога, так и неверие в него становятся сугубо частным делом гражданина, а конфессиональные объединения занимаются исключительно удовлетворением религиозных потребностей верующих, то есть полностью деполитизируются.

Разумеется, конкретные особенности исторического развития отдельных социалистических стран накладывают отпечаток и на их законодательство о культурах. Но каждая из них юридически обеспечивает реализацию ленинского принципа свободы совести.

Коммунистическое воспитание направлено на достижение полной свободы совести, на всестороннее освобождение сознания от идеологических оков прошлого. Реализация полной свободы совести обеспечивается прежде всего социально-экономическим освобождением, устранением эксплуатации и созданием условий для всестороннего развития личности. Отсюда следует, что решающую роль в действительном духовном раскрепощении граждан социалистического государства играют их реальные права, в том числе и право на свободу совести.

При этом надо иметь в виду, что оно не безгранично — так же, как и любое другое право. Каждое государство — и буржуазное и социалистическое — принимает соответствующие меры (в случае крайней необходимости — даже репрессивные) для того, чтобы деятельность конфессиональных объединений и их пропаганда не нарушали общественного порядка, не вызывали враждебных настроений по отношению к государству.

В современной идеологической борьбе свобода совести, ее последовательное обеспечение и защита способствуют укреплению морально-политического единства коммунистов и верующих. Нет необходимости особо подчеркивать, что оно имеет первостепенное значение при осуществлении принципа свободы совести в практике социалистических государств, при выполнении ими своих внутренних и внешних функций и что сегодня на первое место среди них выдвигается борьба за мир.

Как известно, ни одна сторона жизни социалистического общества не подвергается таким нападкам и извращениям буржуазной, в том числе клерикальной, пропаганды, как отношение рабоче-крестьянского государства к религии и церкви. При этом наши недруги, как правило, предпочитают замалчивать то обстоятельство, что в их

понимании свобода совести сводится лишь к свободе вероисповедания, то есть не включает в себя свободу на безверие и атеизм. В лучшем случае их лишь терпят, так сказать, скрепя сердце. Это тонко подметил К. Маркс, подчеркивавший, что «буржуазная «свобода совести» не представляет собой ничего большего, как терпимость ко всем возможным видам религиозной свободы совести...»².

Обещая и декларируя такую свободу в конституциях своих государств, буржуазия нигде в мире последовательно ее не осуществляет, а напротив, посредством специальных законов ограничивает и искажает принцип свободы совести в пользу религии или даже одного, господствующего в той или иной капиталистической стране вероисповедания. Различные же церкви, как правило, открыто или скрыто отказываются в праве на свободу совести не только атеистам, но сплошь и рядом даже иноверцам. До недавнего времени, в частности, эта нетерпимость была особенно характерна для такой распространенной конфессии, как католицизм, приверженцами которого является большинство верующих в нашей стране.

Лишь после II Ватиканского собора католическая церковь, не отказываясь от своих тысячелетних претензий на то, чтобы быть «единственной и истинной», стала проявлять интерес к контактам с различными христианскими и нехристианскими исповеданиями для установления единства действий в борьбе с «наступлением безбожного атеизма и марксизма». Таким образом, ненависть к социализму оказалась сильнее догматических расхождений.

Столь же реакционна позиция современного католицизма и в вопросе об отношениях между государством и церковью. В документах, принятых II Ватиканским собором, подчеркивается, что хотя «государство некомпетентно в религиозных делах, однако оно не должно быть безразличным к религии: его долг — обеспечить все для того, чтобы каждый человек и общество в целом признавали бога». Что касается «сил, противящихся ему», то к ним, как утверждается в декрете «О свободе религии», не стоит прислушиваться, а христианам рекомендуется «сопротивляться общественной власти, противящейся воле божьей». Такова приспособленная к современным потребностям антикоммунистическая концепция католического клерикализма.

Отношения между церковью и социалистическим государством развивались от открытой конфронтации высшего духовенства с народной властью к лояльности и поиску места для религии в новом обществе. Это не был прямолинейный путь, не обошлось тут и без зигзагов, попыток возобновить конфронтацию. Что касается лояльности конфессиональных объединений, то в каждом конкретном случае надо внимательно анализировать ее характер: не просто ли это тактическое притворство по принципу «перезимовать», «переждать»? К тому ж лояльность бывает чрезвычайно шаткой, если руководящий центр той или иной церкви находится на Западе, в капиталистическом мире. И это обстоятельство не может сбрасывать со счетов социалистическое государство, осуществляющее контроль за деятельностью церковью и следящее за тем, чтобы они не могли активизироваться в политическом отношении, используя свои многообразные связи с буржуазным Западом.

Революционный пролетариат вступил в борьбу за реализацию принципа свободы совести еще в условиях эксплуататорского общества, и эта борьба сыграла положительную роль в подготовке социалистической революции. С начала своего существования первое в мире социалистическое государство успешно претворяет в жизнь ленинский принцип свободы совести. Этот опыт используют применительно к своим условиям и другие социалистические страны.

Г. Б р а т и с л а в а

² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 30.

ОРУДИЕ ПОДЖИГАТЕЛЕЙ ВОЙНЫ

За рубежом

Олег ВОБК,
научный сотрудник отдела
зарубежных идеологических
тенений Института социальных
и экономических проблем
зарубежных стран АН УССР

Начало 80-х годов ознаменовалось резким усилением антикоммунистической агрессивности всех реакционных сил мира во главе с империализмом США. Они откровенно ориентировались на развязывание «ограниченного ядерного конфликта» как средства решения исторического спора между капитализмом и социализмом, подавления национально-освободительного движения и борьбы трудящихся различных стран за свое социальное освобождение. «Давайте же перестанем колебаться,— призвал своих единомышленников президент Р. Рейган, выступая в британском парламенте 8 июня 1982 года.— Давайте воспользуемся нашей мощью для того, чтобы марксизм-ленинизм оказался на пепелище истории».

Значительное место в идеологическом и пропагандистском обосновании своих антинародных планов нынешняя администрация отводит националистической и религиозной фразеологии, используя ее как дымовую завесу для прикрытия имперских поползновений. Теперешний хозяин Белого дома превзошел всех своих предшественников в показной набожности. Как известно¹, он провозгласил 1983 год «годом Библии», частые ссылки на которую используются адвокатами военно-промышленного комплекса для морального оправдания планируемой в Пентагоне агрессии против мира социализма. «Лучше, чтобы дети умерли сейчас, продолжая верить в бога,— говорил Р. Рейган весной 1983 года, выступая в Орландо (США),— чем чтобы они выросли при коммунизме и когда-нибудь умерли, уже не веря в бога».

Откровенно циничная ставка американского империализма на мировую войну вызывает растущее сопротивление миллионов людей различной политической и религиозной принадлежности, цвета кожи, возраста. Характерная черта этого движения — возрастающая активность как отдельных священнослужителей, так и национальных церквей, международных религиозных объединений, их все более решительные выступления в защиту мира².

Чтобы нейтрализовать пацифистские церковные круги, противопоставив им выступления реакционных клерикалов в поддержку милитаризма, военно-промышленный комплекс США субсидировал в 1981 году создание своеобразного координаци-

ВОЙНЫ

онного центра — «Института по вопросам религии и демократии», который ежегодно тратит на пропаганду более 300 тысяч долларов.

Его руководители не брезгают никакими измышлениями, лишь бы дискредитировать социалистический строй. В частности, они распространяют лживые утверждения о погрании в странах реального социализма свободы совести, гражданских прав верующих и священнослужителей, на самом деле уничтожении там конфессиональных объединений. При этом Советскому Союзу приписывается намерение установить свою власть во всем мире и уничтожить все религии.

Нагрождая эти горы клеветы, силы империализма открыто используют контрреволюционную эмиграцию, обанкротившихся националистических политиков, а также идеологически и организационно тесно связанных с ними реакционных эмигрантских церковников, для которых религия — дело второстепенное, а основное занятие — участие в клеветнических антисоветских кампаниях.

Значительная их часть нацелена на Украину. На украинском языке сейчас вещают более 14 часов в сутки радиостанции «Свобода», «Голос Америки», «Радио Канады», «Радио Ватикана» и некоторые другие. В составлении их программ активно участвуют так называемые эмигрантские украинские церкви, в том числе «украинская автокефальная православная церковь» (УАПЦ)³. Кстати, православные священнослужители и верующие на Украине всегда выступали за то, чтобы быть составной частью русской православной церкви, однако петлюровская Директория 1 января 1919 года издала закон об автокефалии. В 1930 году, когда стало известно об антисоветской деятельности автокефальной иерархии, собор этой церкви принял решение о ее самоликвидации, но в годы Великой Отечественной войны она была воссоздана фашистскими оккупантами, вместе с которыми бежали и автокефальные иерархи, в результате чего УАПЦ на Украине перестала существовать.

Как и прежде, в хоре антисоветских

подголосков громко слышится голос беглого униатского отребья, не признающего решения Львовского собора 1946 года о воссоединении греко-католической церкви с русской православной церковью и под покровительством Ватикана незаконно объявившего себя «украинской католической церковью» (УКЦ)⁴. Свою лепту в антикоммунистическую истерию вносят и украинские протестантские объединения в США и Канаде. И все это происходит потому, что «многочисленные идеологические центры империализма стремятся не только поддерживать, но и насаждать религиозность, придать ей антисоветскую, националистическую направленность»⁵.

Пример использования измышленного клерикально-националистической эмиграции для оправдания нынешнего милитаристского курса Вашингтона подает не кто иной, как сам хозяин Белого дома. Именно он во многих случаях восхваляет предателей своих народов, коллаборационистов, бежавших после разгрома нацистской Германии на Запад и нашедших пристанище в Соединенных Штатах. В апреле 1983 года, например, Р. Рейган направил «сердечные поздравления» главе УАПЦ в США митрополиту Мстиславу (в миру Степан Скрыпник, племянник С. Петлюры и полковник его армии). После нападения Германии на СССР С. Скрыпник вернопопданно служил немецко-фашистским захватчиком и в начале 1942 года был по рекомендации гестапо назначен одним из руководителей воссозданной оккупантами УАПЦ под именем епископа Мстислава. После разгрома «третьего рейха» автокефальные иерархи бежали на Запад, где создали ряд небольших клерикально-националистических объединений, дав им громкие названия, в которых обязательно наличествуют два слова: «украинская» и «православная». С точки зрения церковного права, все эти так называемые «украинские православные церкви» не являются каноническими и незаконны. Что касается самого

¹ См. статью В. Богданова «Джихад по-вашиingtonски». «Наука и религия», 1984, № 4.

² См. статьи Н. Ковальского и В. Богданова в «Науке и религии», 1983, № 7, 11.

³ См. статью К. Дмитрука «Тени прошлого в Баянд Бруке». «Наука и религия», 1975, № 6.

⁴ Подробнее об униатской церкви см.: Дмитрук К. Е. Свистика на сутанах. М., 1976; его же. С крестом и трезубцем. М., 1980.

⁵ Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 14—15 июня 1983 г. М., 1983, с. 60.

Мстислава, то теперь он верховодит в двух таких самозванных церквях — УАПЦ в США и УАПЦ в Западной Европе.

И вот о позорной жизни этого предателя, коллаборациониста Р. Рейган в личном послании по случаю 85-летия Мстислава говорит как о годах, «посвященных духовному благополучию других людей», утверждая, будто «духовная сила нашей (американской. — О. В.) нации была выкована такими людьми, как Мстислав», которые, мол, «хотят посвятить себя божьему делу». «Вы, — продолжал президент США, обращаясь к обанкротившемуся клерикально-националистическому политикану, — помогли укрепить фундамент религии — этой жизненной основы всего человечества».

Политическая, промилитаристская суть псевдорелигиозных мотивировок, которые используются реакционными силами в качестве пропагандистского камуфляжа, особенно наглядно проступает в так называемом «пастырском послании» (октябрь 1982 г.) главы другой самозванной эмигрантской церкви — УКЦ — кардинала И. Слипого (умер в сентябре 1984 г.). И хотя формально оно было посвящено празднику покрова пресвятой богородицы, эмигрантский бандеровский журнальчик «Вызвольный шлях» не преминул подчеркнуть антисоветский характер этого документа, снабдив его провокационным заголовком: «Послание блаженнейшего патриарха Иосифа I в 40-летие УКЦ. Иосиф, божьей милостью патриарх киевско-галицкий и всея Руси».

Главная цель «послания» — обелить «христианскую» преступную деятельность бандеровских банд, бесчинствовавших в западных областях Украины в период гитлеровской оккупации и в первые послевоенные годы. «Украинская повстанческая армия (так ныне именует контрреволюционная эмиграция эти банды. — О. В.) родилась из христианского сознания о необходимости борьбы против Сатаны и его земных служителей...», — утверждал Слипый в своем «пастырском послании».

Население Западной Украины хорошо помнит «богоугодные подвиги» националистических банд, освященные униатской иерархией. Вот лишь один из множества примеров. 20 июня 1945 года бандеровцы замучили 17 человек в селе Загайпиль Коломыйского района Ивано-Франковской области. Среди убитых было пятеро детей в возрасте от двух месяцев до 12 лет. О садизме униатских вояк свидетельствует и тот факт, что здесь же они отрубили обе руки двухлетнему ребенку.

Уж не таких ли стариков и детей, замученных бандитами УПА, подразумевал И. Слипый под «земными

служителями Сатаны»? Мало того. Пытаясь изобразить злодеяния уголовников и гитлеровских прихвостней как патриотические и богоугодные подвиги, Слипый стремился «актуализировать» свою ностальгию по националистическому бандитизму. Оказывается, бандеровцы, по его мнению, «боролись за то, чтобы накануне празднования тысячелетия христианства на Украине снова засиял крест святого апостола Андрея в престольном граде Киеве».

Впрочем, Слипый никогда и не считался с реальной действительностью, с историческими фактами. Главное, а в конечном итоге единственное, что его интересовало, — любой ценой, не брезгуя очевидной подтасовкой общезвестных фактов, спровоцировать зарубежных украинцев, верующих и священнослужителей Запада на враждебные акции против Советского Союза, создать благоприятную психологическую атмосферу для дальнейшего обострения международной обстановки и развязывания новой мировой войны.

Обо всем этом коллаборационист откровенно говорил в уже упоминавшемся послании. «И сколь бы бесчеловечной ни была всякая война, — лицемерно заявлял он, чтобы успокоить тех зарубежных униатов, кто выступает против гонки вооружений, — но уважающий себя народ и осознающий свою принадлежность к нему человек не только имеют право, но и обязаны в защиту самых благородных ценностей человечества — исповедания веры в бога, своей родной христовой церкви и божьего мира между народами земного шара — сделать все, чтобы открыть путь для установления божьего закона на своей земле».

Эти человеконенавистнические призывы, слегка завуалированные богословской терминологией, были отнюдь не случайной оговоркой в проповедях униатского кардинала. Ведь Слипый не раз говорил, что война, которая угрожает уничтожением всех достижений цивилизации да и самого человечества, — не слишком большая цена за возможную, как он маниакально надеялся, реставрацию частнособственнических порядков на Украине. «Пусть погибнет мир, — кликушествовал этот фашистский прихвостень на ватиканском синоде в конце 1973 года, — лишь бы воцарилась справедливость». Видимо, та самая, что «царила» на западноукраинских землях до их воссоединения с Родиной в сентябре 1939 года. В те времена сотни тысяч крестьян, спасаясь от нищеты, вынуждены были покидать насиженные места и уезжать в поисках хлеба за океан. А может, кардинал имел в виду ту «справедливость», которая «царила» на Украине под гитлеровской оккупацией, когда и он сам, и вся униатская иерархия

помогали фашистам грабить народ, отправлять юношей и девушек на каторжные работы в «третий райх»?

Наряду с попытками облечь в «христианский» камуфляж идеологические диверсии против СССР и марксизма-ленинизма клерикально-националистические главари стремятся завуалировать убожество своих идейно-политических постулатов высокопарной риторикой о каком-то «мессианском» предназначении украинского национализма. «Народ наш (читай: клерикально-националистическая эмиграция. — О. В.) борется не только за себя, — пишет, например, протонерей М. Угорчак в журнале УАПЦ «Украинское православное слово» (выходит в США), — но и за судьбу и будущее всех народов, которые еще дорожат идеалами Христа». Религиозная фразеология используется и для того, чтобы побудить верующих к участию в антисоветской подрывной деятельности. «Давайте станем в ряды новейших крестоносцев, — призывают зарубежных украинцев автокефалисты, — чтобы продолжать борьбу с безбожными силами дьявола».

Милитаристские силы используют клерикально-националистическую эмиграцию в попытках дискредитировать международные форумы религиозных деятелей, выступающих за усиление борьбы против угрозы новой мировой войны. При этом основной объект антисоветской кампании реакционной эмигрантской, в том числе клерикальной, прессы — это лица украинского происхождения, численность которых на Западе достигает 2,5 — 3 миллионов человек. Так, в период подготовки и проведения в Москве международной конференции «Религиозные деятели за спасение священного дара жизни от ядерной катастрофы» (май 1982 г.) клерикально-националистические издания пытались всячески опорочить саму идею созыва такого форума. Выходящая в Париже националистическая газета «Украинское слово», например, в статье под издевательским заголовком «Набожные, но наивные поросята в Москве» изобразила участников конференции простаками и глупцами, которыми, дескать, «безбожные коммунисты» воспользовались для достижения своих «антирелигиозных» целей. Во многих же других «откликах» клерикально-бандеровских писак ее делегаты были объявлены «завербованными» в ряды советской агентуры.

«Эта всемирная конференция, — писал упомянутый журнал «Украинское православное слово» (1982, № 6), — была организована русской православной церковью, которая является фактически коммунистическим министерством пропаганды...» Оставляя в стороне явно абсурдное утверждение о «министерстве», обра-

тим внимание на другие «обвинения» националистических клерикалов в адрес Московской патриархии. Главный грех, какой орган УАПЦ инкриминировал религиозным деятелям, приехавшим в Москву, оказывается, состоял в том, что «делегаты разных церквей один перед другим старались осудить Америку за ее намерение вооружаться». Иначе говоря, реакция осудила конференцию религиозных деятелей именно за проявленную ими заботу об укреплении мира и прекращении гонки вооружений.

В то же время разномастные враги дружбы и взаимопонимания между народами были обеспокоены тем, что знакомство западных священнослужителей с действительным положением дел в СССР, с гарантированной Советской Конституцией и реально осуществленной свободой совести для всех без исключения граждан нанесет ощутимый удар по тем горам лжи и клеветы, которые антисоветская пропаганда возвела за без малого семь десятилетий существования первого в мире социалистического государства.

Измывления националистических клерикалов широко используются реакционными церковниками Запада для нагнетания антисоветской истерии, в попытках сорвать взаимовыгодные контакты между странами с различными социально-экономическими системами. Как это делается, можно было наблюдать во время праздника городов-побратимов — украинского Запорожья и австрийского Линца, который проводился в мае 1983 года на территории Австрии.

Для нас СССР — шестой по величине рынок сбыта и третий по объему товаров поставщик. В 1982 году товарооборот между двумя странами по сравнению с 1972 годом увеличился более чем в семь раз. Свыше 300 австрийских фирм сотрудничают ныне с советскими внешнеторговыми организациями. Австрия первой на Западе в 1968 году начала покупать наш природный газ и за 14 лет получила его 32 миллиарда кубометров.

Общезвестна роль движения городов-побратимов в укреплении дружественных связей между народами разных стран. Регулярные контакты породненных городов, в частности обмен делегациями, встречи с населением, искреннее, откровенное обсуждение актуальных проблем, знакомство с историей содействуют лучшему взаимопониманию, осознанию того, что каждый частный человек — против войны. Развитие этого движения — один из факторов, мешающих инициаторам гонки вооружений. Вот почему реакция пытается возводить преграды на пути сближения городов-побратимов. В тех же случаях, когда речь идет о городах Украины, торпедирование дружественных контактов

охотно берет на себя бандеровская клерикально-националистическая эмиграция.

Когда в Линц приехала делегация из Запорожья, реакционные католические клерикалы развернули клеветническую антисоветскую кампанию. Их еженедельник «Линцер кирхенцайтунг» опубликовал провокационную, полную несусветных измышлений статью «Украинская католическая церковь борется за свою самобытность». В ней расписывались мифические «преследования верующих на Украине» и «страдания» «катакомбной», как ее называет клерикальная пресса, «украинской католической церкви».

Особую активность в попытках свести на нет плодотворные контакты городов-побратимов развил австрийский филиал «Международной христианской солидарности». Не рискуя, однако, выступать с открытым забралом против «дней Украины» в Линце, антисоветчики из этой организации пытались представить себя сторонниками дружбы городов-побратимов. Но все это делалось для «публики», для отвода глаз, чтобы придать видимость объективности клевете на наш общественный и государственный строй. Впрочем, о том, что подобные «свидетельства» немногочисленны, проговаривается иной раз сама реакционная пресса.

«Политическая эмиграция, — вынуждена, например, признать издающаяся в США газета «Украинская жизнь», — это политические неудачники, которым не удалось навянуть свои идеи или системы родной земле. Поэтому миссией украинской эмиграции является поиск союзников в мире, чтобы кто-нибудь из великих держав, настроенных враждебно по отношению к СССР, «купил» их концепцию самостоятельной Украины... Не удивительно, что при таких намерениях многие из них быстро находят «покупателей» среди разведывательных служб...»

Линцкий филиал «Международной христианской солидарности» кричит о «дискриминации верующих на Украине», требуя «позволить свободную монастырскую жизнь в Почаеве без вмешательства милиции». И это при том, что экзархат русской православной церкви на Украине не раз опровергал ложные утверждения о каком-то вмешательстве властей в дела Почаевской лавры. Ведь церковь в СССР отделена от государства, и наша Конституция категорически запрещает его вмешательство в богослужебную деятельность, гарантируя действительное отделение церкви от государства.

Линцские клерикалы требуют, чтобы правительство СССР «открыло... богословские семинарии», причем

указывают, в каких именно украинских городах. Но, спрашивается, при чем же тут правительство? Ведь открытие или закрытие религиозных учебных заведений у нас входит в компетенцию не государства, а соответствующих конфессиональных объединений, которые имеют необходимые им учебные заведения.

Или чего стоит требование «разрешить хотя бы одному римско-католическому священнику находиться в Волынской области». Ведь общеизвестно, что советские законы не регламентируют место проживания граждан СССР какого бы то ни было вероисповедания. Значит, если какой-нибудь ксендз захочет поехать на Волынь, то никто не запретит ему это сделать. Конечно, если он не будет нарушать наши законы, в том числе и о религиозных культах.

Одновременно в упомянутом «обращении» австрийских клерикалов содержится требование «разрешить религиозную проповедь и религиозное обучение вне пределов церкви». Его надуманность очевидна. Международные пакты предусматривают право государственной власти обеспечивать порядок в общественных местах так, как она считает необходимым. Ведь и во многих буржуазных государствах закон запрещает религиозную проповедь за пределами церкви и конфессиональных учебных заведений. Однако «Международная христианская солидарность» и ее австрийские последователи почему-то не требуют от стран Запада разрешить бесконтрольную деятельность церковных организаций вне мест, специально отведенных для этого. Такая удивительная на первый взгляд непоследовательность реакционных клерикалов вполне закономерна. Ведь именно антисоветизм и побуждает их принимать всякого рода провокационные «обращения» и вести клеветническую пропаганду, чтобы посеять зерна недоверия и ненависти между народами, придерживающимися различных социально-экономических систем, в том числе и между гражданами Линца и Запорожья.

Что же касается украинской клерикально-националистической эмиграции, то хотя сама по себе она никого не представляет, однако используется влиятельными силами империалистической реакции для нагнетания антисоветской истерии и пропагандистского оправдания гонки вооружений. Таким образом, домыслы и пасквили этих людей без родины и чести — всего лишь составная часть безудержной «психологической войны», которую империализм денно и нощно ведет против стран реального социализма, рассматривая ее как прелюдию к ядерной войне, грозящей уничтожением всех материальных и духовных ценностей, созданных человечеством.

г. К и в

«Азиатская буддистская конференция за мир (АБКМ), возникшая в трудное время испытаний для народов стран Юго-Восточной Азии и всего континента, когда под угрозой находилось их право на жизнь, свободу и независимость, представляет собой добровольное массовое движение буддистов Азии, выражающее искренние стремления последователей Будды к утверждению светлых идеалов мира, справедливости и достоинства... Сознывая глубину взаимосвязь происходящих в мире событий, АБКМ стремится к установлению и развитию контактов и сотрудничества с другими миролюбивыми и нерелигиозными неправительственными организациями и движениями, а также с правительствами, правительственными организациями и учреждениями ООН во имя всеобщего благоденствия, счастья и процветания».

Приведенные слова взяты из Устава АБКМ, объединяющей прогрессивных буддистов 12 стран.

БУДДИСТЫ — ЗА МИР

М. КЛЫКОВ

Возникла эта организация в июле 1969 года, когда группа видных буддистов из Индии, Советского Союза, Непала и Цейлона (ныне Шри-Ланка) посетила Монгольскую Народную Республику по приглашению тамошних единоверцев. То были годы, когда тысячи буддистов в странах Индокитая подвергались пыткам и уничтожению, а храмы сраивались с землей американскими агрессорами и их сайгонскими марионетками.

Глава монгольских буддистов хамболама С. Гомбожав предположил тогда своим гостям провести форум приверженцев этого исповедания в столице МНР Улан-Баторе и учредить там азиатское буддистское движение за мир, призванное стать важным фактором во всеобщей борьбе за спокойствие на Земле. Предложение было встречено с одобрением.

С тех пор в Улан-Баторе, Дели, Канди (Шри-Ланка) и Токио состоялась еще пять генеральных конференций АБКМ.

В программе этого движения, принятой на его III Генеральной конференции в Дели (1974 г.) под названием «Делийская декларация», подчеркивалось, что АБКМ ставит своей задачей объединить всех азиатских буддистов в борьбе против империализма, колониализма и неоколониализма, против агрессивных военных союзов и размещения их баз на азиатском континенте и омывающих его морях; добиваться полного запрещения ядерного и других видов оружия массового уничтожения; выступать за полную ликвидацию голода, нищеты, невежества, дискриминации, эксплуатации человека человеком, экономического неравенства и религиозной нетерпимости, за экономический и социальный прогресс.

АБКМ неустанно выступала против агрессии американского империализма в Индокитае и ее генеральные конференции не раз принимали специальные резолюции по этому вопросу.

Понимая, что мир — дело общее и его можно сохранить только совместными усилиями всех людей доброй воли, независимо от их вероисповедания и отношения к религии, АБКМ стремится к единству действий со всеми миролюбивыми силами, считая достижение такого единства, как говорится в Обращении ее IV Генеральной конференции (Токио, 1976 г.), решающим условием кустранения угрозы войны и скорби, установлений мира».

Последняя, VI Генеральная конференция АБКМ проходила в августе 1982 года в Улан-Баторе. Среди ее участников были представители буддистов Бангладеш, Бутана, КНДР, Индии, Непала, Шри-Ланки, Таиланда, СССР, Вьетнама, Монголии, США и других стран, а также многих международных организаций.

В адрес конференции поступили приветствия от руководителей СССР, Монголии, Вьетнама, Лаоса, Кампучии, от Генерального директора ЮНЕСКО Махтара М'Боу, патриарха московского и всея Руси Пимена, мусульман Советского Союза, Всемирного Совета Мира, Организации солидарности народов Азии и Африки, Международной демократической федерации женщин и т. д. В этих телеграммах отмечался вклад АБКМ в дело упрочения мира.

Конференция приняла воззвание, резолюцию и заявление, осуждающее израильскую агрессию против Ливана, утвердила новый устав АБКМ. Ее президентом единогласно избран глава буддистов МНР настоятель монастыря Гандан Х. Гаадан.

Представители национальных центров АБКМ принимают участие в деятельности Всемирного братства буддистов (ВББ) с резиденцией в Бангкоке (Таиланд), хотя, в отличие от ВББ, АБКМ считает, что нельзя сохранить мир, уходя от решения волнующих людей проблем.

Весьма плодотворно сотрудничество АБКМ с другими религиозными организациями. Так, представители Христианской мирной конференции (ХМК) всегда участвуют в мероприятиях, организуемых АБКМ, а ее делегаты — в работе ХМК. Осенью 1981 года, например, представители ХМК во главе с ее генеральным секретарем доктором Л. Миржеевским посетили с дружеским визитом штаб-квартиру АБКМ в Улан-Баторе. В ходе бесед и дискуссий стороны подчеркнули, что обуздание гонки вооружений и разрядка международной напряженности отвечают нравственным потребностям как буддистов, так и христиан.

АБКМ — неперенный участник всех акций Всемирного Совета Мира (ВСМ). Генеральный секретарь АБКМ Ч. Жугдер — член президентского совета ВСМ. Голос АБКМ в защиту мира и безопасности народов неоднократно звучал с трибун на форумах ВСМ. Миролюбивые буддисты Азии неизменно поддерживают его инициативы, направленные на предотвращение ядерной катастрофы, на вовлечение широкой общественности в борьбу против смертоносной гонки вооружений.

Тесные контакты установились между АБКМ и Организацией солидарности народов Азии и Африки, Международной демократической федерацией женщин, Международной организацией журналистов и Международным союзом студентов.

Представителям АБКМ была оказана высокая честь выступить с высокой трибуны I и II специальных сессий Генеральной Ассамблеи ООН по вопросам разоружения.

Разум — величайшее достижение человека, бесценное богатство и непобедимое оружие, говорил в 1978 году, обращаясь к участникам I специальной сессии, ныне покойный президент АБКМ С. Гомбожав. Нет оружия сильнее человеческого разума. Настало время серьезно задуматься над днем сегодняшним и завтрашним, сделать все, чтобы человечество могло выжить. Оно должно решить проблемы современного тревожного, насыщенного оружием мира. Немедленное прекращение гонки вооружений и разоружения стали самой насущной задачей. Достижение этих целей полностью отвечает чаяниям буддистов, проповедующих мир и благоденствие, заключил он.

Последователи Будды, подчеркнул генеральный секретарь АБКМ Ч. Жугдер на II специальной сессии Генеральной Ассамблеи ООН, осуждают и отвергают насилие. Они не могут спокойно смотреть на применение грубой силы. Буддизм учит, что зло в этом мире исходит от ненасытности и злоупотребления богатством, от гнева, невежества и зависти. Чтобы не творить зло, следует проявлять мудрость, терпимость, справедливость и великодушие. Будучи международной неправительственной организацией, продолжал Ч. Жугдер, АБКМ делает и делает все возможное, чтобы помочь мировому сообществу в его праведных усилиях добиться мира и гармонии на нашей планете.

Самое активное участие приняла АБКМ в подготовке и проведении Всемирной конференции «Религиозные деятели за спасение священного дара жизни от ядерной катастрофы» (Москва, май 1982 г.). Обращаясь к участникам этого представительного форума, профессор Ч. Жугдер сказал, что человечество сегодня должно сделать выбор между жизнью и смертью. Хочется надеяться, что страны мира преодолеют барьеры недоверия и подозрительности и посеют семена взаимного уважения и понимания. Стремиться к разоружению должны последователи всех религий. Борьба за это есть борьба за будущее человечества, за сохранение его культуры и цивилизации, заключил генеральный секретарь АБКМ.

Спаси священный дар жизни от уничтожения в огне ядерной войны — такова главная задача, стоящая перед Азиатской буддистской конференцией за мир, парад всеми людьми доброй воли независимо от их отношения к религии.

гребальный обряд). М., «Наука», 1984, 739 с., 2000 экз., 3 р. 60 к.

Молдован А. М. «СЛОВО О ЗАКОНЕ И БЛАГОДАТИ» ИЛАРИОНА. Киев, «Наукова думка», 1984, 240 с., 2400 экз., 2 р. 20 к.

МУСУЛЬМАНСКОЕ ПРАВО (структура и основные институты). М., Ин-т государства и права АН СССР, 1984, 145 с., 1500 экз., 1 р. 50 к.

О КОМПЛЕКСНОМ ПОДХОДЕ К АТЕИСТИЧЕСКОМУ ВОСПИТАНИЮ. Лениздат, 1984, 120 с., 25 000 экз., 20 к.

Платонов К. К. ЧЕЛОВЕК И РЕЛИГИЯ. Минск, «Народна асвета», 1984, 144 с., 49 000 экз., 30 к.

Седов С. СИОНИЗМ: СТАВКА НА ТЕРРОР. М., Изд-во АПН, 1984, 79 с., 15 000 экз., 20 к.

Стоун И. ПРОИСХОЖДЕНИЕ. Роман-биография Чарлза Дарвина. Изд. 2-е. Пер. с англ. М., Политиздат, 1984, 478 с. с ил., 100 000 экз., 3 р. 20 к.

Сушко К. И. ВСЕ МОГЛО БЫТЬ ИНАЧЕ (встречи с верующими и неверующими). Днепрпетровск, «Проминь», 1984, 86 с., 10 000 экз., 15 к.

Умаров С. Ц., Шамилова М. Ш. МЮРИДИЗМ ПЕРЕД СУДОМ ВРЕМЕНИ. Грозный, Чечено-Ингуш. книжн. изд-во, 1984, 48 с., 2000 экз., 10 к.

Статьи в журналах и сборниках, разделы в книгах

Ковальский Н. Коммунисты и верующие. «Коммунист», 1984, № 13, с. 99—108.

Проголкин А. Используя все формы. «Агитатор», 1984, № 17, с. 59.

XV научная конференция «Общество и государство в Китае», ч. I. М., 1984. Из содержания:

Исаев Д. А. Об основных этапах распространения ислама в Восточном Туркестане, с. 76—84; Успенский В. Л. Концепция «Китай — буддийская страна» в монгольской историографии XVIII века, с. 91—95; Игнатович А. Н. Трактовка «тел» Будды в сутре золотого света, с. 151—159; Абзев Н. В., Лепехов С. Ю. Некоторые тенденциозные особенности регуляции социального поведения в тайных религиозных объединениях традиционного Китая, с. 160—166; Торчинов Е. А. Космогония даосизма и гностицизма, с. 167—173.

Развитие феодализма в Центральной и Юго-Восточной Европе. Свердловск, 1983. Из содержания: Барабанов Н. Д. Отношения церкви и государства в Византии на рубеже XIII—XIV вв., с. 53—63; Голубкин А. Ю., Датлов В. А. Реформационное движение в Виттенберге (1521—1522 гг.), с. 121—138. Степанов П. Атеистическое воспитание учащихся. «Агитатор», 1984, № 15, с. 59—61.

Христианская демократия в политической системе стран Латинской Америки. «Латинская Америка», 1984, № 2, с. 55—67.

Яллоп Дэвид. Таинственная смерть папы Иоанна Павла I. «За рубежом», 1984, № 29, с. 17—19.

Арсенкин В. К. КРИЗИС РЕЛИГИОЗНОСТИ И МОЛОДЕЖЬ. М., «Наука», 1984, 264 с., 7500 экз., 1 р. 10 к.

В книге анализируются причины, состояние и характер религиозности некоторой части молодежи в социалистическом обществе, содержание и функции атеистического воспитания в условиях развитого социализма.

Зырянов П. Н. ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В БОРЬБЕ С РЕВОЛЮЦИЕЙ 1905—1907 гг. М., «Наука», 1984, 224 с., 3700 экз., 1 р. 70 к.

Монография раскрывает контрреволюционную деятельность церкви в период первой русской революции. Показаны участие церкви в избирательных кампаниях перед созывом I и II Думы, борьба церковного руководства против группы священников-демократов во II Думе. Особо выделено участие церкви в подготовке третьеступенчатого государственного переворота. В ряде разделов освещается народное антиклерикальное движение.

Руднев В. А. ПРАЗДНИКИ, ОБРЯДЫ, РИТУАЛЫ В ТРУДОВОМ КОЛЛЕКТИВЕ. М., Профиздат, 1984, 158 с., 100 000 экз., 40 к.

В книге освещаются вопросы совершенствования организации и проведения трудовых праздников и ритуалов как важного средства коммунистического воспитания советских людей, дальнейшего роста их нравственной культуры, раскрывается участие профсоюзов в этой работе. Даются методические советы и рекомендации по проведению празднично-обрядовых представлений.

Гольденберг М. А. СИОНИСТСКИЕ ГЛАШАТАИ АНТИСОВЕТИЗМА. Изд. 2-е, перераб. и доп. Кишинев, «Карта молдовеняскэ», 1984, 79 с., 5000 экз., 10 к.

Гура В. К. СИОНИЗМ ПРОТИВ СОЦИАЛИЗМА И НАЦИОНАЛЬНО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ. Киев, «Радянська школа», 1984, 183 с., 12 000 экз., 50 к.

Гуревич П. С. БЕСХРАМОВЫЕ БОГИ. Лениздат, 1984, 134 с., 10 000 экз., 20 к.

Дядро Д. МОНАХИНЯ. Роман. Статьи, письма. Пер. с франц. М., «Советская Россия», 1984, 527 с., 100 000 экз., 1 р. 40 к. ДРЕВНЕРУССКОЕ ИСКУССТВО. XIV—XV вв. М., «Наука», 1984, 320 с. с ил., 25 000 экз., 5 р.

Кузьмин Б. В. МОЛОДЕЖИ — МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКУЮ ЗАКАЛКУ. Киев, общество «Знание» Украинской ССР, 1984, 48 с., 32 872 экз., 10 к.

Лазарев В. Н. РУССКАЯ ИКОНОПИСЬ. Комплект из 6-ти книг. М., «Искусство», 1983, 25 000 экз., 32 р.

Литвинский Б. А., Седов А. В. КУЛЬТЫ И РИТУАЛЫ КУШАНСКОЙ БАКТРИИ (по-

♦ Если бы бог действительно был всемогущий, разве он позволил бы, чтобы в него так долго верили!

♦ Не с жертвоприношений ли началась история взятки?

♦ Бездушие — не лучшее доказательство отсутствия души.

♦ Громы небесные! Сколько адресов перепутано вами!

Альберт ЛЕЙКИН
г. Москва

♦ И бог не всемогущ, может наказать только верующих.

♦ Кто требует, чтобы на него молились, — тот не святой.

♦ Знание — сила. Но и невежество способно постоять за себя.

Виктор ВЛАСОВ
г. Москва

♦ Надеяться на бога призывает других, а сам предпочитал не плошать.

Александр МОСЯКИН
с. Киверичи
Рамешковского района
Калининской области

♦ Каждый верующий волен выбирать себе бога. А разве бог не имеет права на выбор?

Леонид ЛАПИН
с. Оля

Лиманского района
Астраханской области

♦ Иметь что-нибудь за душой кое-кому не позволяют ее порывы.

♦ Лиха беда — божественное начало.

Анатолий САНТУЛШАЕВ
г. Приморско-Ахтарск

Краснодарского края

♦ Не будь черта, на кого бы бог списал собственные грехи?

♦ У Иуды все друзья — преданные им.

Александр ЗИБОРОВ
г. Душанбе

♦ — Креста на тебе нет, а он сейчас в моде.

Михаил ЛЕМПЕРТ
г. Новочеркасск

Ростовской области

♦ Свет, излучаемый нимбом, ослепляет верующих.

Николай АНТИМОНОВ
г. Белово

Кемровской области

♦ Почему же кесарю только кесарево, если он — помазанник божий?

Галина СВИРИДОВА
г. Томск

♦ Кое-кому больше бы пристало носить на шее не крестик, а нолик.

♦ Объявление: «Сумки, портфели, шапки и нимбы гардероб не принимает».

♦ Дела в храме шли прихрамывая.

Виктор ВЕРИЖНИКОВ
Ленинград

♦ В конкурсе жрецов чаще побеждают неверующие.

♦ Святые убеждены, что черти существуют, но черти-то знают, что святых не бывает.

♦ Объявление: «Для удобства прихожан грехи отпускаются по безличному расчёту».

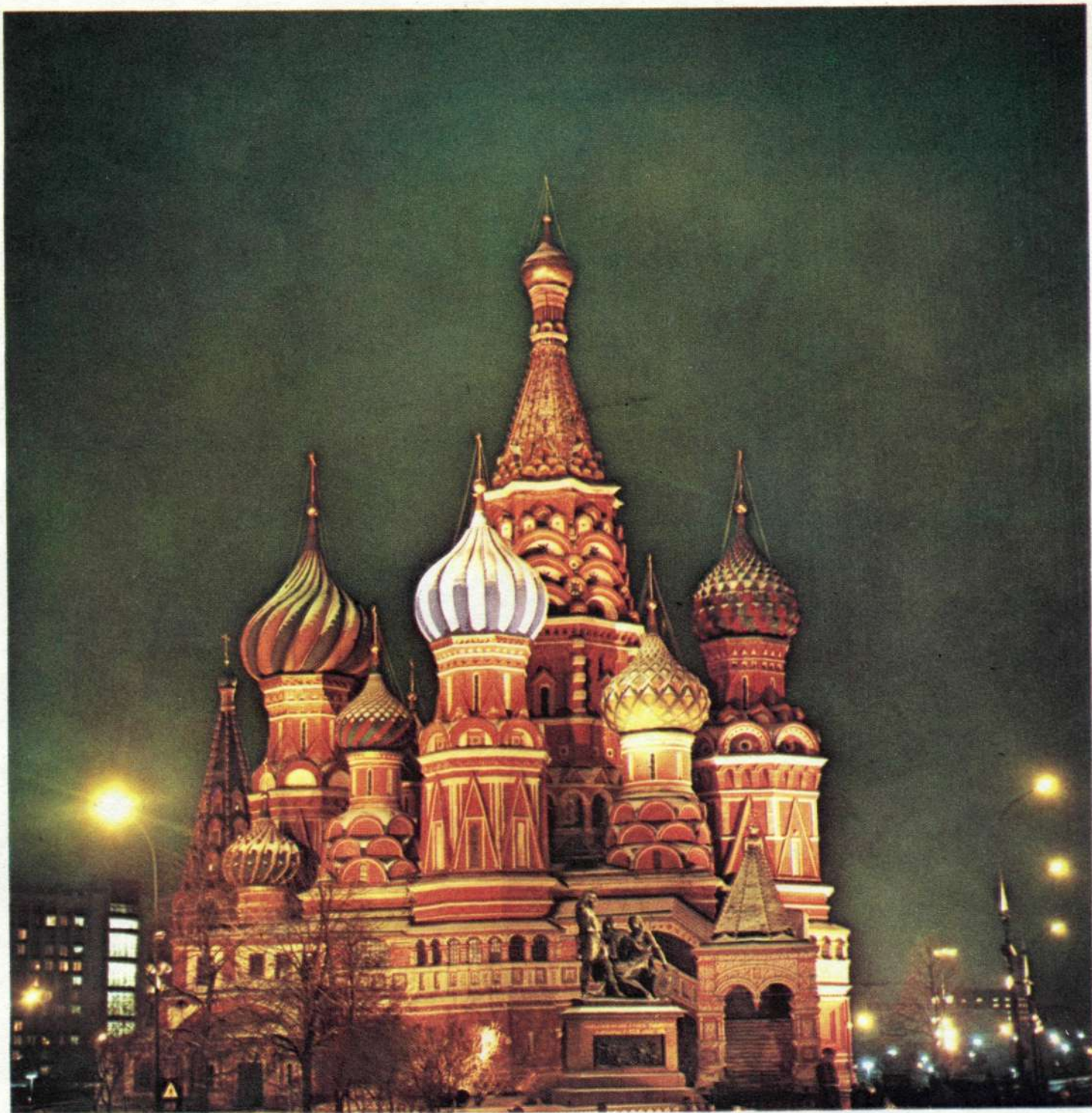
Ефим ФУРМАН
Ленинград

Сдано в набор 18.10.84.
Подписано к печати 04.12.84.
А 10106.
60×90^{1/4}.
Глубокая печать.
Всего основных печатных листов 9,75 кр. отт.
12,05 учетно-издательских листов.
Тираж 310 000 экз.
Зак. 06418.

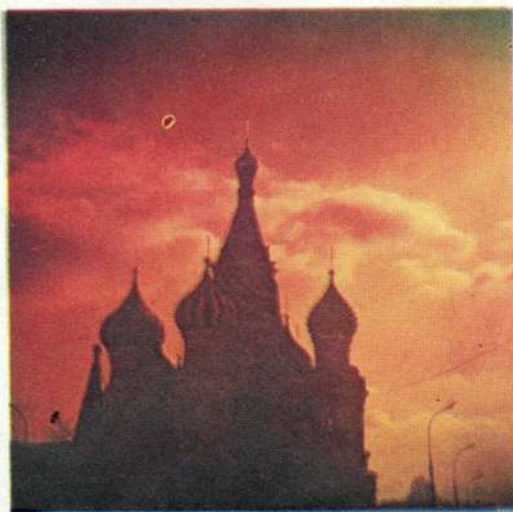
Адрес редакции:
109004, Москва, Ж-4,
Ульяновская, 43, корп. 4.
Телефоны:
297-02-51, 297-10-89.

Орден Ленина
комбинат печати
издательства «Радянська Україна».
252047, Киев-47,
Брест-Литовский проспект, 94.

Текст набран
с применением отечественного
фотолаборного
комплекса «Каскад».

Любуясь этим чудом искусства, невольно думаешь о том, как, в сущности, безосновательны утверждения православных богословов о том, что храм — это «небесный дом», «образ неба на земле». Трудно подыскать более убедительное опровержение этих благочестивых измышлений, чем По-

кровский собор, судьбой и обликом органически связанный с жизнью русского народа, корнями уходящий в глубинные пласты русской истории и русского искусства.

(См. статью С. Галаевой «Не видывал ничего ей подобного».)

В следующих номерах

ПОДВИГ НАРОДА

Статьи и очерки, посвященные 40-летию Великой Победы

ЧТО ТАКОЕ

вера религиозная и вера, с религией не связанная? Их социально-психологическому анализу посвящена статья доктора философских наук Д. Угриновича.

ОБ УМЕНИИ ВИДЕТЬ

и беречь красоту природы ведет беседу писатель и журналист Ю. Аракчеев.

**ПОЧЕМУ ЦЕРКОВЬ
ПРЕСЛЕДОВАЛА
СКОМОРОХОВ?**

Отвечает на этот вопрос кандидат искусствоведения А. Баканурский.

ОРАТОРИИ ГЕНДЕЛЯ

О жизни знаменитого немецкого композитора и органиста, истинном характере его монументальных ораторий на библейские темы рассказывает доктор философских наук Г. Габинский.

**«ИСЛАМСКИЙ БУМ»
ПОСЛЕДНИХ ЛЕТ**

и роль в нем Соединенных Штатов Америки — тема статьи научных сотрудников Института США и Канады Академии наук СССР А. Кислова и Е. Юркова.

14/1-49